

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клоня
У.У. Лосеў
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

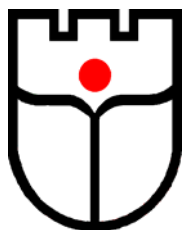
НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2014

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 94 ад 01.04.2014 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навук

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:

A.A. Garbatski

(managing editor)

V.F. Bajnyov

A.M. Vabishchevich

T.A. Garupa

A.A. Guzhalovski

T.I. Dovnar

G.A. Zorin

V.L. Klunia

V.V. Losev

A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 23-34-29

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

**Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»**

№ 2 / 2014

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 94 from April 01, 2014, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Елизаров С.А. Социально-экономическое развитие городских поселений в контексте административно-территориальных трансформаций в БССР 1965–1985 гг.....	5
Савіч А.А. Камуністычны рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. і стварэнне КПЗБ: гістарыяграфічны дыскурс	12
Рамановіч П.С. Падпольная барацьба супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў (на прыкладзе дзейнасці камсамольска-маладзёжнай падпольнай арганізацыі в. Моталь Іванаўскага раёна).....	24
Кривуть В.И. Проправительственные союзы сельской и городской молодежи на территории Западной Беларуси (1920–1930-е гг.).....	30
Петрусевич А.А. Положение православной церкви в Чехословакии во время Второй мировой войны.....	37
Гребень Е.А. Ветеринарная служба в Беларуси в условиях нацистской оккупации	44
Дзмітрук А.П. Рэгіянальны этап фарміравання беспартыйнага блока маршала Ю. Пілсудскага (на прыкладзе Палескага ваяводства (1928–1930 гг.)).....	52
Пилипович В.Ю. Междисциплинарный подход в изучении послевоенного белорусского социума (на примере репатриантов-остарбайтеров).....	62
Таранович К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по созданию хуторов и отрубов в Беларуси (1906–1914 гг.).....	67
Вавренюк И.И. Развитие начального иудейского образования в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)	74
Мароз І.М. Стараабрадніцтва Бабруйскай вобласці (1944–1954 гг.)	86

ЭКАНОМІКА

Захарченко Л.А., Медведева Г.Б. Теоретические аспекты исследования инновационной конкурентоспособности региона	91
Аббасбейли М.А. Анализ и оценка банковского сектора Азербайджана в контексте стран СНГ	99
Матюшков Л.П., Петрукович Д.А. Особенности информатизации управления в малом и среднем бизнесе.....	108
Ворожун А.С. Концептуальная модель управления финансовым риском холдинга	115
Шупенько М.М. Методика оценки инвестиционной привлекательности Республики Беларусь	122
Черновалов А.В., Черновалова Ж.В. Кризисная логистика	128
Салихов Б.В., Салихова И.С. Императивы формирования интеллектуальной безопасности современного высшего учебного заведения	132

ПРАВА

Степаненко Д.М. Инновационная функция права и ее сущностные черты.....	140
Василевич С.Г. Электронные технологии – важнейший инструмент повышения эффективности государственного управления.....	146
Лосев В.В., Романюк Е.В. Причастность к самоубийству: перспективы криминализации	151
Тараборин Р.С. От Петра I к Екатерине II: поиски путей систематизации гражданского законодательства России в 1725–1867 гг.....	157
Гурина О.В. Функции органов государственного энергетического надзора Республики Беларусь как элемент правового статуса.....	162
Андрушакевич Ю.В. Генезис представлений о конкретизации правовых норм в истории правовой мысли	169
Звесткі аб аўтарах	175

INDEX

HISTORY

Elizarov S.A. Socio-economic Development of Urban Settlements in the Context of the Administrative-territorial Transformations in BSSR, 1965–1985	5
Savich A.A. Communist Movement in Western Belarus in Early 1920 and Formation of CPWB: Historiographic Discourse.....	12
Romanovich P.S. Underground Fighting against German Fascist Invaders (on the example of underground organization of Motol village of Ivanovo region).....	24
Krivuts V.I. Pro-government Union Rural and Urban youth of West Belarus (1920–1930-s).....	30
Petrusevich A.A. Position of Orthodox Church in Czechoslovakia during World War II.....	37
Greben E.A. Veterinary Service in Belarus during the Nazi Occupation	44
Dzmitruk A.P. Regional Stage of Formation Nonpartisan Block Cooperation with the Government of Marshal J. Pilsudski (on the example of Poleski Province (1928–1930)).....	52
Pilipovich V.Yu. The Interdisciplinary Approach in Study of Post-war Belarusian Society (Based on the Example of Repatriates-ostarbeiter)	62
Taranovich K.Yu. The Activities of the Land Commission to Create Farms and Cuts in Belarus (1906–1914) ...	67
Vavrenyuk I.I. Development of Primary Jewish Education in Western Belarus (1921–1939)	74
Moroz I.M. Old Believers of Bobruisk region (1944–1954)	86

ECONOMICS

Zakharchenko L.A., Medvedeva G.B. Theoretical Aspects of Research of Innovative Competitiveness of the Region	91
Abbasbeyli M.A. Analysis and Evaluation of Azerbaijan Banking System in the Scope of CIS Countries.....	99
Matsiushkov L.P., Petrukovich D.A. Features of Information Management in Small and Medium Business ..	108
Vorozhun A.S. The Conceptual Model of Management of the Financial Risk of Holding	115
Shupenko M.M. Estimation Method of Investment Attractiveness of the Republic of Belarus	122
Chernoalov A.V., Chernoalova Z.V. Crisis Logistic	128
Salikhov B.V., Salikhova I.S. Formation of Intellectual Security Imperatives of Modern Higher Education Institution	132

LAW

Stepanenko D.M. Innovation Function of the Law and its Essential Features	140
Vasilevich S.G. Electronic Technologies – Important Tool for Improving Efficiency of Public Administration ...	146
Losev V.V., Romanyuk E.V. Complicity to Commit Suicide: Perspective of Criminalization	151
Taraborin R.S. From Peter I to Ekaterina II: Search of Ways to Systematize the Russian Civil Legislation in 1725–1867	157
Gurina O.V. Functions of Organs of State Energy Supervision of the Republic of Belarus as Part of the Legal Status.....	162
Andrushchakevich I.V. Genesis of Ideas about the Concretizations of Legal Norms in History of Legal Idea	169
Information about the authors	175

ГІСТОРЫЯ

УДК 947 (476) : 342.26

С.А. Елизаров

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В БССР 1965–1985 гг.

В статье рассматриваются городские поселения как структурные элементы системы административно-территориального деления в контексте основных тенденций социально-экономического развития БССР 1965–1985 гг. Рассмотрены меры, которые осуществлялись руководством республики по ограничению дальнейшей концентрации промышленного производства в крупных городах, развитию средних и малых городских поселений, дан анализ их эффективности. Отмечается, что в системе административно-территориального деления БССР процессы, протекавшие в сфере социально-экономического развития городских поселений, нашли практическое отражение в изменениях статусов городских поселений. В одних случаях эти изменения отражали рост промышленного потенциала населенного пункта, в других – стремление создать благоприятные условия для развития городского коммунального хозяйства и социальной инфраструктуры прежде всего районных центров. В целом повышение административного статуса городского поселения способствовало (в большей степени при получении статуса города областного подчинения) расширению материально-финансовых возможностей местных Советов и их влияния на решение городских проблем.

Введение

Административно-территориальное деление – это деление территории унитарного государства или субъектов федеративного государства на определенные типовые части, имеющее упорядоченную структуру и иерархичность. Структурными элементами административно-территориального деления служат его административно-территориальные единицы. Каждая такая единица представляет собой компактную часть территории государства, организационно объединенную с целью осуществления в ее пределах соответствующими представительными государственными органами власти руководства местными вопросами в рамках своей компетенции. К административно-территориальным единицам в БССР наряду с областями, районами и сельсоветами относили и городские поселения (в послевоенный период – городские и рабочие поселки, города районного, областного и республиканского подчинения), имевшие свой орган государственной власти.

В белорусской историографии проблемы развития городских поселений как административно-территориальных единиц специального исследования не получили. В связи с этим целью представленной статьи является анализ основных тенденций социально-экономического развития городских поселений БССР в 1965–1985 гг. в контексте изменения их административно-территориальных статусов. Для ее достижения поставлены задачи: 1) выделить основные векторы развития городских поселений; 2) определить использовавшиеся в этот период пути и средства решения проблем развития средних и малых городов и поселков; 3) выявить мотивы изменения административных статусов населенных пунктов и влияние этих изменений на расширение материально-финансовой базы и возможностей местных органов власти.

Разработка новой стратегии развития городских поселений

В первые послевоенные годы промышленное развитие БССР было сконцентрировано в наиболее крупных городах: Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве, – что в тех условиях позволило в короткий срок при недостатке материальных, финансовых средств и трудовых ресурсов создать в республике крупные промышленные центры как

основу дальнейшего экономического развития республики. Однако к середине 1960-х гг. эта политика привела к обострению проблем функционирования социальной инфраструктуры крупных городов, а также занятости жителей малых и средних городов.

Несмотря на принятые в БССР в 1960-е гг. меры по переносу промышленного строительства в средние и малые городские поселения (с 1966 по 1970 гг. до 70% новых крупных и средних промышленных предприятий в республике были построены именно в них), проблема концентрации городского населения в крупных городах по-прежнему оставалась крайне острой: в 9 городах республики в начале 1970-х гг. проживало более 58% всего городского населения [1, л. 137].

XXIV съезд КПСС (1971 г.) в качестве одной из задач определил необходимость сдерживать рост крупных городов, прекратив «как правило, размещение в этих городах новых промышленных предприятий», и развивать промышленную базу малых городов и рабочих поселков [2, с. 279]. В соответствии со сложившейся практикой II Пленум ЦК КПБ 14 июля 1971 г. утвердил мероприятия по выполнению решений XXIV съезда КПСС, среди которых выделялась необходимость принятия эффективных мер по развитию малых и средних городских поселений и рациональному формированию промышленных узлов.

На заседании Совета Министров БССР 13 июля 1972 г. была утверждена «Схема развития и размещения производительных сил БССР на период до 1980 г.», которая предусматривала преимущественное развитие малых (до 20 тыс. человек) и средних (от 20 до 100 тыс. человек) городов: на их долю в 1971–1980 гг. предполагалось направить 89% капиталовложений в промышленность республики. В этот период не планировалось размещения новых промышленных предприятий градообразующего значения в Минске, ограничивалось в Гомеле, Витебске, Могилеве. На 1971–1975 гг. для первоочередного развития как региональных промышленных центров намечалось 37 городов, на 1976–1980 гг. – еще 50 [1, л. 137–138].

В развитие этого решения 6 августа 1975 г. Совет Министров БССР утвердил «Схему размещения и развития городских и сельских поселений Белорусской ССР до 2000 г.», в соответствии с которой предусматривались концентрация промышленного потенциала республики в 50–60 городах, сокращение более чем в 1,5 раза удельного веса малых городов и относительное выравнивание в расположении больших городов по территории БССР [3, л. 36–70]. Это, с одной стороны, могло стать стимулом для расширения производственной, социальной и инженерной инфраструктуры средних и малых городских поселений, сохранения и увеличение местных трудовых ресурсов, а с другой – позволило бы более планомерно решать транспортные, жилищные, коммунальные и другие социальные проблемы крупных городов.

Решение проблемы развития средних и малых городских поселений

В результате принятых мер в 1970-е гг. происходит ускорение промышленного развития средних городов за счет размещения в них филиалов, вспомогательных и специализированных предприятий, связанных с уже достаточно развитыми промышленными комплексами основных опорных центров, а также развития местных отраслей промышленности и предприятий по обслуживанию сельскохозяйственного производства. Сеть ведущих центров концентрации промышленности пополнилась городами Бобруйск, Новополоцк, Пинск, Барановичи, Борисов, Орша, Осиповичи, Молодечно, Солигорск, Мозырь, Слуцк, Лида, Жлобин, Рогачев, которые по ряду социальных и экономических параметров мало чем уступали областным центрам, формируя свои зоны социального и экономического влияния. В пределах этих зон стабилизировались миграционные процессы, социально-экономические взаимосвязи населенных мест приобретали более устойчивый характер [4, с. 41–42].

Вместе с тем по-прежнему острыми оставались проблемы высокой концентрации промышленности и городского населения в крупных городах и стагнации малых городских поселений. В 10 городах республики к концу 1970-х гг. проживало свыше 60% городского населения, в том числе в Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве – 42%. В них было сосредоточено до 50% экономического потенциала республики.

С другой стороны, в 176 малых городских поселениях численность населения на протяжении послевоенного периода практически не менялась и составляла в среднем около 6 тыс. человек [5, л. 23]. Некоторые из этих поселений являлись административными центрами сельских районов, однако их экономический и культурный потенциал был не в состоянии обеспечить потребности как собственного населения, так и прилегающих сельских населенных пунктов. Малые городские населенные пункты не могли иметь полный набор народнохозяйственных функций, профессий, услуг, что приводило к значительной миграции их населения в крупные и средние города.

В XI пятилетке концентрация промышленного производства и городского населения в крупных городах продолжала нарастать: 35% прироста промышленно-производственного персонала на вновь вводимых мощностях в БССР приходилось на 4 города (Минск, Гомель, Витебск, Могилев) [6, л. 44]. По-прежнему малые городские поселения испытывали дефицит новых рабочих мест; уровень обеспеченности жилищного фонда центральным отоплением, горячим водоснабжением, канализацией и водопроводом в них был значительно ниже, чем в крупных и средних, при этом в 54 отсутствовала канализация. Хотя за 1970–1985 гг. численность населения 48 малых городских поселений росла более высокими темпами, чем в целом по республике, однако в 34 малых городах население уменьшилось, в 13 городских поселках количество умерших превысило число родившихся, а 18 городов и 57 поселков городского типа имели отрицательное сальдо миграции [7, л. 148]. Несмотря на заявленные задачи первоочередного промышленного развития малых городских поселений, в XI пятилетку на них пришлось лишь 24% прироста численности промышленного персонала в БССР [6, л. 44].

Среди причин низкой эффективности механизма реализации программ развития малых городских поселений следует выделить следующие.

Во-первых, постоянный приоритет отраслевых и ведомственных тенденций в процессе социально-экономического развития республики. Министерства и ведомства решали свои конкретные задачи, исходя прежде всего из необходимости минимизации отраслевых затрат без учета долговременных перспектив комплексного развития территорий, стремясь размещать новые производства преимущественно в городах, уже имевших достаточно развитую социальную и инженерную инфраструктуру.

Во-вторых, региональное долгосрочное планирование, осуществлявшееся по общесоюзным методикам, было ориентировано как минимум на масштабы области, что не позволяло учитывать многообразие конкретных территориальных условий на низовом уровне.

В-третьих, местные органы власти не обладали реальными возможностями отстаивать интересы комплексного развития своих территорий в противовес интересам союзных и республиканских министерств.

Изменения административно-территориальных статусов населенных пунктов

В системе административно-территориального деления БССР процессы, протекавшие в сфере социально-экономического развития городских поселений в 1965–1985 гг., нашли практическое отражение в изменениях статусов городских поселений (таблица).

Таблица – Городские поселения БССР (1964–1985 гг.) [8, с. 12–114; 9, с. 8; 10, с. 8]

Статус	1964 г.	1974 г.	1985 г.
Города республиканского и областного подчинения	33	33	36
Города районного подчинения	41	62	63
Городские поселки	108	95	93
Рабочие поселки	16	15	17
Всего городских поселений	198	205	209

За 1965–1985 гг. статус рабочего поселка получили 1 деревня и 3 поселка; статус городского поселка – 4 деревни и 2 поселка. 2 рабочих поселка были переведены в категорию городских поселков, еще 2 – городов районного подчинения (один городской поселок был ликвидирован в 1965 г. с включением его территории в состав Слонима). Все эти статусные изменения были главным образом связаны с быстрым промышленным развитием населенных пунктов и размещением на их территории крупных предприятий, в том числе союзного и республиканского подчинения. Быстрее всего росло количество городов районного подчинения: за 1965–1985 гг. 23 городских поселка получили статус городов районного подчинения. В абсолютном большинстве случаев (18) перевод в более высокую категорию был связан не с ростом экономического потенциала городского поселка или наличием таких перспектив, а с их статусом районных центров. Все они располагали обычным набором промышленных предприятий (лесхоз, отделение «Сельхозтехники», ПМК, предприятия местной пищевой промышленности), перспективы их развития связывались главным образом с расширением предприятий местного значения по переработке местного сырья. Предполагалось, что повышение статуса таких райцентров будет способствовать укреплению материально-финансовой базы местных Советов, развитию жилищного строительства, инженерных и транспортных коммуникаций, благоустройству населенного пункта, сокращению оттока трудовых ресурсов.

Влияние статусов городских поселений на функциональные возможности местных органов власти и управления

Получение деревней или поселком статуса городского поселения (городского или рабочего поселка) приводило к появлению собственных органов коммунального обслуживания, в местных бюджетах выделялась статья расходов на благоустройство населенного пункта, улучшалось снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. Специалисты учреждений просвещения, культуры, здравоохранения, социального обеспечения и сельского хозяйства сохраняли право на льготы по обеспечению бесплатными квартирами с отоплением и освещением, но утрачивали льготы по оплате коммунальных услуг [11, л. 218, 219; 12, л. 12, 27–28]. Однако степень реального улучшения состояния нового городского поселения и самостоятельности поселковых Советов определялась главным образом размерами поступлений из районного бюджета сумм на развитие жилищно-коммунального хозяйства и практически всей социально-культурной сферы.

Получение городским поселением статуса города районного подчинения формально предоставляло городским властям более широкие права, в нормативно-правовом отношении тождественные правам городов республиканского и областного подчинения [13]. Однако реальные возможности городских властей выполнять свои декларированные законодательством права и функции зависели прежде всего от размера находящихся в их распоряжении материально-финансовых средств. Проведенный автором анализ показывает, что изменение статуса городского поселения в результате перевода

его в категорию города районного подчинения лишь незначительно влияло на расширение финансовых и материальных возможностей местного руководства. Это могло привести как к росту доходной и расходной частей их бюджетов, так и к их сокращению, так как суммы городского бюджета по-прежнему определялись районными властями, а руководство города только распределяло установленные районом общие показатели по соответствующим статьям. Так, в результате обретения Чечерском нового статуса города районного подчинения доходная часть его бюджета возросла с 206,95 тыс. руб. до 294,86 тыс. руб. (Ельск: с 221,87 тыс. руб. до 256,9 тыс. руб.), практически на том же уровне остались доходы городского бюджета Житковичей. А вот доходная часть бюджета Хойников и Буда-Кошелёво после их преобразования из городских поселков в города районного подчинения незначительно, но сократилась [14, л. 27; 15, л. 7; 16, л. 67; 17, л. 53; 18, л. 70].

Главным образом от размеров доходной части зависели расходы городского бюджета и реальные возможности городской власти заниматься благоустройством города, ремонтом зданий и дорог, развитием городской культурной инфраструктуры. В случаях, когда города районного подчинения получали из бюджета района дополнительные доходы, они, как правило, направлялись на обновление городского хозяйства: капитальный ремонт общественных зданий и жилья, дорог, водопровода, канализации. На эти цели шли средства только городского бюджета, а комбинаты коммунальных предприятий (которые в районе выполняли функции отделов коммунального хозяйства) находились в подчинении городских властей. В сфере финансирования системы городского просвещения, культуры, здравоохранения изменений не происходило: основная часть расходов на социально-культурные мероприятия осуществлялась из районного бюджета. Городской аппарат власти и управления оставался малочисленным и, как правило, состоял из горисполкома в составе от 2 до 5 управленцев, решавших свои задачи главным образом через районные отделы и организации районного подчинения.

За указанный период 3 города районного подчинения получили статус городов областного подчинения: Рогачев Рогачевского района Гомельской области (1978 г.), Горки Горецкого района Могилевской области и Дзержинск Дзержинского района Минской области (1982 г.). Получение Дзержинском нового статуса было связано с планами крупного промышленного строительства. Для Горок решающее значение сыграло нахождение там Белорусской сельскохозяйственной академии, для Рогачева – наличие развитой промышленности (в том числе предприятий союзного подчинения) и перспективы развития рогачевской курортно-оздоровительной зоны.

Получение статуса города областного подчинения реально повышало роль городских властей по руководству экономикой и социально-культурной сферой города прежде всего за счет расширения материально-финансовой базы. Нормативная база и практика формирования бюджетов давала возможность городам областного подчинения напрямую получать необходимые для своей деятельности средства непосредственно из областного бюджета наравне с сельскими районами и самостоятельно распределять их по статьям расходов исходя из потребностей самого города и утвержденных планов социально-экономического и культурного развития. Из городского бюджета финансировались все расходы на жилищно-коммунальное хозяйство города, систему просвещения, культуру, социальное обеспечение. В городах областного подчинения создавался сопоставимый с районами государственный аппарат власти и управления, выступавший в качестве координирующего, контролирующего и инструктирующего центра в отношении нижестоящих органов управления. Например, после получения статуса города областного подчинения бюджет Рогачева увеличился до 2 597,1 тыс. руб. (почти в 4 раза) за счет получения прямых средств из областного бюджета. Городским властям из районного бюджета передавались централизованные капиталовложения по государствен-

ному плану нового строительства, средства на финансирование социально-культурной сферы. Это сопровождалось усложнением структуры и ростом численности городского аппарата управления: увеличивался штатный состав горисполкома, создавались профильные городские отделы. Для руководства жилищно-коммунальным хозяйством, предприятиями и организациями торговли и бытового обслуживания в подчинении горисполкома находились комбинаты коммунальных предприятий и бытового обслуживания, домоуправление, горрайтопсбыт, пищепромторг [19, л. 12, 21, 57, 62]. В результате зафиксированные в правовых актах права и функции органов власти и управления городов областного подчинения наполнялись реальным содержанием.

Заключение

Таким образом, в 1965–1985 гг. в БССР, несмотря на официально проводившийся курс по ограничению роста крупных городов и первоочередное развитие средних и малых городских поселений, по-прежнему продолжали доминировать процессы концентрации населения и наращивания промышленного потенциала именно в крупных городах. В определенной степени удалось придать новый стимул развитию средних городов, многие из которых превратились в промышленные центры, что способствовало расширению доступного разнообразия выбора мест труда, культурного досуга, образовательных и медицинских услуг не только для их жителей, но и населения всего района без перемены места жительства. Вследствие доминирования отраслевых и ведомственных интересов не удалось решить острых проблем малых городских поселений: здесь продолжалась стагнация уровня развития промышленности и городской инфраструктуры, увеличивался разрыв в уровне удовлетворения потребностей населения в сравнении с крупными и средними городами, не прекращался отток населения.

Роль и значение того или иного поселения в социальном пространстве, размеры материально-финансовых возможностей местных органов власти и управления во многом определялись его местом в иерархии административно-территориальных статусов. Подобная иерархическая структура в целом отражала сложившуюся в СССР систему соподчинения органов власти разного уровня и их роль в обществе. В исследуемый период изменения статусов городских поселений, с одной стороны, были обусловлены их быстрым промышленным развитием, а с другой – стремлением расширить собственные материально-финансовые и административные возможности местных органов власти для развития городской социальной инфраструктуры. По мере получения более высокого статуса увеличивались объемы доходных поступлений в бюджеты городских поселений, что наполняло реальным содержанием нормативно закрепленные за местными Советами права и обязанности: в минимальной степени это было характерно для рабочих поселков, в максимальной – для городов областного подчинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. НАРБ. – Фонд 31. – Оп. 9. – Д. 1559. Документы по обсуждению «Схемы развития и размещения производительных сил БССР на период до 1980 г.», 1972 г.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. – М. : Политиздат, 1971. – 320 с.
3. НАРБ. – Фонд 31. – Оп. 9. – Д. 2642. Схема размещения и развития городских и сельских поселений до 2000 г. и материалы к ней, 1975 г.
4. Градостроительство Белоруссии / В.И. Аникин [и др.] ; под общ. ред. А.В. Сычёвой. – Минск : Выш. шк., 1988. – 247 с.
5. Доклад директора института «Белнииградостроительства» Ю.В. Шпита «О совершенствовании территориальной организации БССР» и материалы по этому вопросу (1978 г.) // НАРБ. – Фонд 31. – Оп. 9. – Д. 4181. – Л. 20–55.

6. Схема размещения производительных сил и комплексного развития народного хозяйства БССР до 2000 г. (1983 г.) // НАРБ. – Фонд 31. – Оп. 9. – Д. 8443. – Л. 40–45.
7. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 255. Материалы о развитии малых городов Белорусской ССР.
8. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1964 г. / Президиум Верхов. Совета БССР, отдел по работе Советов; сост. Х.А. Аксельрод [и др.]. – 3-е изд. – Минск : Беларусь, 1964. – 199 с.
9. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1974 г. / Президиум Верхов. Совета БССР, отдел по работе Советов; под ред. И.В. Лихача. – 5-е изд. – Минск : Беларусь, 1974. – 248 с.
10. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. / Президиум Верхов. Совета БССР, отдел по работе Советов; под ред. И.В. Лихача – 7-е изд. – Минск : Беларусь, 1986. – 230 с.
11. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 259. Материалы об административно-территориальном делении БССР за 1986 г.
12. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 2820. Материалы об административно-территориальном делении БССР за 1991 г.
13. Свод Законов БССР. – 1971. – № 21. – Ст. 294.
14. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 790. Бюджет Хойникского района на 1968 г.
15. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 1173. Бюджет Буда-Кошелевского района на 1972 г.
16. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 1179. Бюджет Ельского района на 1972 г.
17. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 1180. Бюджет Житковичского района на 1972 г.
18. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 1199. Бюджет Чечерского района на 1972 г.
19. ГАГО. – Фонд 1040. – Оп. 3. – Д. 1759. Бюджет г. Рогачева на 1979 г.

Elizarov S.A. Socio-economic Development of Urban Settlements in the Context of the Administrative-territorial Transformations in BSSR, 1965–1985

The article explores the urban settlements as structural components of the system of administrative division in the context of mainstream socio-economic development of the BSSR, 1965–1985. The measures implemented by the republic to restrict the further concentration of industrial production in large cities, the development of medium and small urban settlements, an analysis of their effectiveness are considered. It is indicated that in the system of administrative division of BSSR the processes in the field of socio-economic development of urban settlements found practical reflection in mass changes of statuses of urban settlements. In some cases these changes reflect the expansion of industrial capacity, in the others the aspiration to create favorable conditions for the development of municipal utilities and social infrastructure first of all of urban settlement. In the whole the increase of administrative statute of urban settlement promoted (largely while getting the status of the city of region) the expansion of material and financial capacities of local Soviets and their impact on urban issue solution.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.12.2013

УДК 930. (476)

А.А. Савіч

КАМУНІСТЫЧНЫ РУХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ 1920-х гг. І СТВАРЭННЕ КПЗБ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ ДЫСКУРС

Артыкул, падрыхтаваны на аснове шырокага круга гістарыяграфічных крыніц і архіўных дакументаў, прысвечаны аналізу працэсу навуковага даследавання гісторыі камуністычнага руху ў Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў і стварэння Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі. Аўтар пільную ўвагу звяртае на абумоўленасць камуністычнага руху жаданнем бальшавіцкага-камінтэрнаўскі сіл распаўсюдзіць і ўмацаваць свой уплыў у краі, удакладняе арганізацыйна-кадравыя і матэрыяльна-тэхнічныя аспекты адпаведных дзеянняў. Асаблівае значэнне ва ўсталяванні камуністычнага ўплыву ў сілу шэрагу прычын мела супрацоўніцтва КП(б)Б і Бунда, які пры садзейнічання партыйна-дзяржаўных структур БССР перапраўляў у Польшчу сваіх членаў.

Уводзіны

Беларускімі савецкімі гісторыкамі ў другой палове 1950-х – 1980-я гг. была праведзена значная навуковая праца па вывучэнні гісторыі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі [28, с. 45–83]. Аднак пры тым, што КПЗБ надавалася авангардная роля ў «барацьбе за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне», шмат якія бакі гісторыі дзейнасці партыі не атрымалі дастатковага аб'ектыўнага асвятлення. Гэта тычыцца і пытанняў разгортвання ў Заходняй Беларусі рэвалюцыйнага камуністычнага руху, стварэння КПЗБ, асвятленне якіх у савецкія гады залежыла ад грамадска-палітычнай сітуацыі ў БССР.

Гістарыяграфія, крыніцазнаўчыя падставы і перспектывы вывучэння гісторыі камуністычнага руху ў Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг.

У 1920-я гг. у друку БССР панавала думка аб наяўнасці трывалых камуністычных настройаў у Заходняй Беларусі як выніку абвастрэння сацыяльна-эканамічнага стану і жорсткай палітыкі прыгнёту Польшчы. Гэты тэзіс да нядаўняга часу ўспрымаўся як аксіёма, пры гэтым існавалі тэорыі «двухкарэннасці» і «аднакарэннасці» КПЗБ. Вядома, што пасля рэпрэсій у пачатку 1930-х гг. у адносінах да ўдзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі ў беларускай гістарычнай літаратуры былі зроблены высновы пра тое, што КПЗБ, прымаючы ў свае шэрагі БРА цэлай арганізацыяй, зрабіла вялікую палітычную памылку: разам з часткай сапраўдна па-камуністычнаму настроеных элементаў у КПЗБ пралезла група буржуазных нацыяналістаў, якія ўступілі ў кампартыю з мэтай узначалення рэвалюцыйнага руху і разгрома яго знутры [8; 25, с. 265–266]. Таму з'явіўся тэзіс аб тым, што КПЗБ утварылася з арганізацыяй Кампартыі Польшчы (КПРП-КПП), якія праводзілі сваю працу ў буйных гарадах Заходняй Беларусі. Такім чынам, гэтак званая тэорыя «двухкарэннасці» КПЗБ, згодна з якой КПЗБ утварылася з арганізацыяй КПРП, Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі і некаторых дробнабуржуазных нацыянальных арганізацый, абвяргалася [3, с. 3–4]. У хуткім часе ўсе беларускія дзеячы, у тым ліку члены КПЗБ, пасля яе роспуску ў 1938 г. сталі на старонках савецкага друку «ворагамі народа».

Аднак і пасля рэабілітацыі КПЗБ і БРА ў беларускай савецкай гістарыяграфіі стварэнне КПЗБ падавалася спрошчана, схематычна і павярхоўна: «Ажыццяўляючы рашэнні II з'езда, ЦК КПРП склікаў у канцы кастрычніка 1923 г. у Вільні нелегальную канферэнцыю з прадстаўнікоў усіх існаваўшых на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Віленскай вобласці акруговых і гарадскіх партыйных камітэтаў, на якой і было прынята рашэнне аб стварэнні Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі і абраны яе Цэнтральны камітэт. Гэта і была першая ўстаноўчая канферэнцыя, якая аформіла стварэнне

КПЗБ... У КПЗБ у канцы 1923 г. улілася Беларуская рэвалюцыйная арганізацыя (БРА)». Пры гэтым, намякаючы на значнасць праблемы, аўтары гаварылі аб стане беларускага нацыянальнага руху: «Агульная абстаноўка рэвалюцыйнага ўздыму ў Польшчы і абвастрэнне партызанскай барацьбы ў Заходняй Беларусі аказалі моцнае ўздзеянне на фарміраванне палітычных поглядаў беларускай інтэлігенцыі і дзеячаў дробнабуржуазных партый і арганізацый, якія групаваліся вакол Беларускага нацыянальнага камітэта ў Вільні» [27, с. 69–71].

Навейшыя айчынныя даследаванні па гісторыі Заходняй Беларусі асаблівую ўвагу звяртаюць на абумоўленасць камуністычнага руху ў краі жаданнем бальшавіцка-камінтэрнаўскіх колаў стварыць падкантрольныя падпольныя групы, якія б забяспечвалі адпаведны ўплыў на грамадска-палітычнае жыццё Польшчы [28, с. 174–177]. Пытанні ўнутраарганізацыйна-кадравай (перакід на кіраўнічыя пасады ў КПЗБ грамадзян БССР, навучанне кадраў у школе КПЗБ), матэрыяльна-тэхнічнай (дзеянсць друкарні КПЗБ, выданне падпольнай літаратуры, перакід зброі і да т.п.), фінансавай (дапамога сродкамі як БССР, так і Масквы) падтрымкі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі сістэматызавана і абгрунтавана прадстаўлены ў кандыдацкай дысертацыі В.М. Цынкевіча [34]. Дакументы айчыннага архіваў, у першую чаргу Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, пацвярджаюць і ўдакладняюць працэс арганізацыі і забеспячэння камуністычнага руху ў Заходняй Беларусі, дэталююць асобныя бакі адзначаных аспектаў.

Верагодна, у імкненні бальшавіцкіх колаў стварыць КПЗБ вырашальнае значэнне мела эвалюцыя палітычных поглядаў беларускіх дзеячаў. Польская дзяржава не перашкаджала дзейнасці беларускіх партый і арганізацый: у Вільні і Варшаве дзейнічалі Беларуска-нацыянальны камітэты, а ў выніку выбараў у 1922 г. быў створаны Беларуска-пасольскі клуб – першае ў гісторыі Беларусі беларускае легальнае прадстаўніцтва ў парламенце, утворанае ў выніку законнага волевыяўлення беларусаў на ўсеагульных выбарах. Бальшавікі разумелі, што інтэграцыя беларускай палітычнай эліты ў польскую палітычную сістэму, а ўслед за гэтым Заходняй Беларусі ў польскую дзяржаву, паставіць пад сумніў перспектывы далучэння краю да БССР і СССР. Таму неабходна было тэрмінова арганізаваць падкантрольную Мінску і Маскве заходнебеларускую камуністычную партыю, якая забяспечыла б выгляд наяўнасці ў Заходняй Беларусі «партыі дыктатуры пралетарыяту». І хоць навейшая польская гістарыяграфія вуснамі А. Сляшынскага гаворыць, што ў пачатку 1920-х гг. «паўночна-ўсходнія землі маладой польскай дзяржавы мусілі быць полем дзейнасці КРПП», справа распаўсюджвання і замацавання камуністычнага ўплыву на абшарах Заходняй Беларусі не мела такой адназначнасці, бо, як адзначыў сам польскі гісторык, «там надалей заставалася тайная арганізацыя расейскіх бальшавікоў» [30, с. 121], філіял якіх – КП(б)Б – мела жаданне і арганізацыйныя магчымасці ўсталявання камуністычных групавых, падкантрольных Мінску.

Вядома, што дзейнасць камуністычных партый у Еўропе кантралявалася і накіроўвалася з Масквы Камінтэрнам, пра што пераканаўча сведчаць навейшыя публікацыі па гісторыі Камінтэрна [7; 12; 24; 33]. Што да Заходняй Беларусі, то сюды пасля няўдачай польска-савецкай вайны бальшавіцкае кіраўніцтва па лініі ваеннай разведкі, ДПУ і Камінтэрна ажыццяўляла актыўную перакідку сваіх давераных асоб, якія павінны былі, па сутнасці з нуля, ствараць камуністычныя ячэйкі, наладжваючы сувязь з мясцовым насельніцтвам. Дакументы польскіх спецслужбаў утрымліваюць вялікую колькасць інфармацыі пра наяўнасць у пачатку 1920-х гг. у «прыгранічным пасе» патаемных камуністычных арганізацый, падкантрольных савецкім органам. Не меншую цікавасць выклікаюць дакументы савецкіх партыйна-дзяржаўных устаноў, якія непасрэдна займаліся перапраўкай сваіх агентаў на тэрыторыю Польшчы: у прыватнасці, аддзелаў КП(б)Б (Польбюро, Бюро нелегальнай работы, Сакрэтнага аддзела Цэнтральнага бюро),

Прадстаўніцтва КПЗБ пры ЦК КП(б)Б, АДПУ Беларусі, палітычнага і разведвальнага ўпраўленняў Заходняга фронту. Інфармацыя, якая змяшчаецца ў такога кшталту дакументах, дазваляе па-новаму зірнуць на гісторыю камуністычнага руху Заходняй Беларусі пачатку 1920-х гг.

Савецкая гістарыяграфія сцвярджала, што камуністычныя настроі былі натуральнай з’явай грамадска-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі. Аднак ёсць дакументы, якія выяўляюць механізм і сродкі ажыццяўлення мерапрыемстваў па фінансаванні і арганізацыйным забеспячэнні працэсу штучнага стварэння камуністычнага асяродку і мясцовых арганізацый у Вільні, Беластоку, Брэсце, Гродна ў выніку актыўнай перакідкі камуністычных элементаў у Польшчу і Заходнюю Беларусь з БССР і СССР, у тым ліку па лініі разведкі 16 арміі [16, арк. 27]. Такім чынам, камуністычны рух фактычна ствараўся савецкімі партыйнымі і вайсковымі органамі.

Складанасцю арганізацыі пракамуністычнага рэвалюцыйнага руху на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў была праблема суперніцтва паміж беларускімі, польскімі і літоўскімі камуністамі, у тым ліку па пытанні дзяржаўнай прыналежнасці Вільні і Віленскага краю [29]. На фоне імкнення польскіх камуністаў замацаваць за сабой тэрыторыю Заходняй Беларусі можна гаварыць пра актывізацыю пракамуністычных сілаў, якія ў якасці цэнтра камуністычнага руху бачылі Мінск, а не Варшаву. Характэрным з’яўляецца той факт, што ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь дакументы за 1921–1922 гг., якія ілюструюць працэс стварэння камуністычнага асяродку ў Брэсце, Беластоку, Вільні, згрупаваны па справах, у назвах якіх маюцца фармулёўкі «Брэсцкая арганізацыя КП(б)Б», «Беластоцкі акруговы камітэт КП(б)Б» [15; 16]. Прынцыпова трэба адзначыць тое, што за ўплыў на тэрыторыі Заходняй Беларусі адбывалася вострае канкурэнтнае суперніцтва паміж КПП-КПП і КП(б)Б, якія на месцах праз сваіх агентаў стваралі камуністычныя асяродкі, выкарыстоўваючы камуністычныя сродкі Варшавы ці Мінска, ажыццяўлялі агітацыю сярод мясцовага насельніцтва. Наяўныя дакументы даюць падставы гаварыць, што ў заходнебеларускіх гарадах, напрыклад, Брэсце, існавалі ідэйна і нацыянальна разрозненыя камуністычныя арганізацыі і дзеячы, а значыць, рашэнне II з’езда КПП аб стварэнні КПЗБ было кампрамісам, якога ўдалося дасягнуць пасля некалькіх гадоў суперніцтва паміж рознаскіраванымі пракамуністычнымі рэзідэнтамі, адна з якіх ішла з Мінска, а другая з Варшавы [16, арк. 22, 23, 25–27]. Пры гэтым камуністычныя дзеячы з Мінска звярталі ўвагу на неабходнасць агітацыі сярод мясцовага сельскага насельніцтва – беларусаў, у той час як «варшавякі» грэбавалі гэтай справай. Таму, відавочна, стварэнне КПЗБ як складовай часткі КПП трэба разглядаць як перамогу польскіх камуністаў і няўдачу беларускіх камуністычных дзеячаў.

Ажыццяўляючы вырашэнне складаных пытанняў перакідкі ў Польшчу сваіх агентаў, адпаведныя структуры КП(б)Б сутыкаліся з праблемай кадравага забеспячэння як функцыянавання «дарог», так і насычэння камуністычнага падполля надзейнымі асобамі. У пачатку 1921 г. шырока выкарыстоўвалася платная дапамога кантрабандыстаў – «спекулянтаў», як іх называюць наяўныя дакументы. Яны не толькі дапамагалі ажыццявіць пераход савецка-польскай мяжы, але перапраўлялі неабходныя для падполля лісты, грошы, літаратуру – «бібулу». Аднак з цягам часу выявілася недобрасумленнае стаўленне «спекулянтаў» да выканання дамоўленасці (як паведамляў адзін з актывістаў Брэсцкага камуністычнага падполля, «трэба парваць усякую сувязь са спекулянтамі ў справе транспарту і праезду людзей. Мне прыйшлося чуць, што яны нярэдка спальваюць літаратуру на мяжы...» [16, арк. 10]) і надзвычай высокія кошты за адпаведныя паслугі, якія ўзрасталі (восенню 1923 г. за сем перапраўленых «літоўскіх таварышаў» трэба было заплаціць 140 даляраў, а ўвосень 1925 г. «патрабавалі па 170 даляраў за чалавека» [18, арк. 16; 20, арк. 4]. Таму яшчэ 9 красавіка 1921 г. на пасяджэнні Замежнага бюро КП(б)Б было прынята рашэнне: «1. Аб сувязях са спекулянтамі. Бюро, разуме-

ючы, што яны могуць нашкодзіць рабоце, ...аказваючы ім садзейянне ў спекуляцыі, гэта адбіваецца на нашы органы, пастанавіла: сувязь са спекулянтамі парваць ...3. Аб транспарце. Прымаючы за ўвагу, што Бюро пастанавіла парваць сувязь са спекулянтамі, якія дапамагалі ў транспартаванні літаратуры, пастаноўлена закупіць коней і вазы для ўладкавання свайго транспарту» [14, арк. 3]. Аднак канчаткова адмовіцца ад паслуг «спекулянтаў» не ўдалося, пра што сведчыць прыведзеная вышэй інфармацыя.

Яшчэ больш складанай была праблема падбору кандыдатур для перапраўкі на падпольную работу ў Польшчу. Выхадцаў з заходнебеларускіх абшараў, вопытных і правяраных кмуністаў, якія б, як, напрыклад, ураджэнец Берасцейшчыны С. Дубовік, ведалі мясцовую спецыфіку, мелі больш шанцаў адаптавацца да ўмоў падпольнай работы і выконваць заданні цэнтра, не хапала. Таму прыйшлося дамаўляцца з саюзнікамі па сацыялістычным лагеры – беларускімі сацыялістамі, у першую чаргу з эсэрамі, а таксама з Бундам, Паалей-Цыён і Яўрэйскай камуністычнай партыяй. Беларуска эсэры з левага флангу БПС-Р, многія з якіх былі звязаны з Мінскам канспіратыўнымі сувязямі (А. Канчэўскі атрымліваў ад У. Ігнатоўскага ўласнаручныя лісты, а Л. Родзевіч пасля пераходу мяжы заявіў сябе супрацоўнікам ДПУ [15, арк. 54; 34, арк. 72]), з цягам часу арганізавалі БРА, якая садзейнічала новастворанай КПЗБ прыдаць беларускі каларыт.

Складаная кадравая сітуацыя падштурхоўвала КП(б)Б да супрацоўніцтва з Бундам, а фактычна да арганізацыйнага ажыццяўлення і фінансавання перакідкі бундаўцаў на тэрыторыю Польшчы, спадзяючыся на іх наступны ўдзел у падкантрольным Мінску падпольным пракамуністычным руху. Вядома, што член Польшбюро ЦК КП(б)Б А. Славінскі ў лютым 1921 г. звяртаўся ў ЦК Бунда з просьбай дазволіць некаторым бундаўцам выконваць канспіратыўную працу на карысць беларускай кампартыі [17, арк. 7]. Да таго ж бундаўцы, гаворачы пра сумеснае ажыццяўленне планаў саветызацыі Польшчы, вялі з КП(б)Б тонкую гульню, намерваліся выкарыстоўваць яе арганізацыйныя і фінансавыя магчымасці, жадалі ажыццяўляць у Польшчы самастойную палітычную лінію. Функцыянер Бунда Бляхер напрыканцы свайго ліста «з камуністычным прывітаннем» выказаўся А. Славінскаму: «Не адмоўце ў выдачы двух пропускаў праз дэмаркацыйную лінію двум асабістым супрацоўнікам, аб якіх я Вам гаварыў. Усяго найлепшага, да пабачэння ў Савецкай Польшчы» [17, арк. 8]. Паміж КП(б)Б і Бундам ішлі перамовы аб супрацоўніцтве на тэрыторыі Польшчы. На пасяджэнні Заможнага бюро 9 красавіка 1921 г. І. Ашаровічу даручалася «дамовіцца з Бундам адносна высылкі ў Польшчу накіроўваемых імі людзей, да атрымання вынікаў перагавораў пакінуць пытанне аб высылцы бундаўцаў адкрытым». На гэтым жа пасяджэнні адносна Яўрэйскай камуністычнай партыі, верагодна, з-за яе схілення да сіянізму і намагання дыстанцыянавацца ад нелегальнай рэвалюцыйнай працы, было «пастаноўлена не аказваць ім ніякага садзейнічання ў перапраўцы іх людзей» [17, арк. 3адв.].

Характэрным быў зварот ЦК Бунда з просьбай «у мэтах умацавання колькасці актыўных партыйных работнікаў камуністаў у шэрагах Бунда ў Польшчы ...забяспечыць неабходнымі дакументамі і садзейнічаць пры пераходзе дэмаркацыйнай лініі таварышам: Х. Граф і Ш. Фрыдман». Увогуле бальшавіцкае кіраўніцтва было зацікаўлена ў наладжванні ўваходжання Бунда ў Камінтэрн, таму адгуквалася на просьбы аб перапраўцы бундаўцаў у Польшчу, напрыклад, Т. Канеля, які «па даручэнні Цэка «Бунда» вязе сакрэтныя дакументы для маючага адбыцца з'езда «Бунда» ў Польшчы ў сувязі з яго ўступленнем у Камінтэрн» [17, арк. 13, 23].

Таму пашыранай з'явай узаемаадносін паміж дзвюма партыямі былі частыя лісты ЦК і абласнога камітэта Бунда ў Польшбюро КП(б)Б з адпаведнымі зваротамі. Так, 8 лютага 1921 г. Беларуска абласны камітэт Бунда накіраваў у Цэнтральнае бюро КП(б)Б просьбу падтрымаць т. І. Сукеніка, які камандзіраваўся для падпольнай партыйнай працы ў Польшчу, пры пераходзе дэмаркацыйнай лініі і забяспечыць яго адпаведнымі

дабротамі і сродкамі. 22 сакавіка 1921 г. ЦК Бунда звярнуўся ў Польшчы з просьбай аказаць садзейнічанне пры пераходзе праз мяжу Г. Штука-Беккерскунсту і П. Мінцу, выезд якіх «з'яўляецца тэрміновай неабходнасцю з-за таго, што ў бліжэйшы час адбудзецца з'езд Бунда ў Польшчы». На функцыянераў з Польшчы, канешне ж, рабіла адпаведнае ўражанне тое, што дадзеныя бундаўцы накіраваны ў Польшчу «для адказнай партыйнай работы сярод яўрэйскіх рабочых». 9 красавіка 1921 г. Польшчы атрымала паведамленне пра тое, што І. Фінк і П. Разенблум камандзіруюцца ў Польшчу для нелегальнай партыйнай работы і просьбу адправіць «у першую чаргу і забяспечыць іх дакументамі і грашыма». Такого кшталту звароты тычыліся перапраўкі ў Польшчу Х. Дваржэцкага, З. Кругляка, Л. Сталярчыка, Ферэра і іншых. Мелі месцы звароты, у якіх выстаўляліся цэлыя спісы па 10, 11, 16 чалавек бундаўцаў, якіх трэба было пераправіць праз мяжу [17, арк. 15–19].

Аднак спадзяванні на шчырае супрацоўніцтва з Бундам не апраўдвалі сябе: гэтая партыя ў асноўным стаяла на пазіцыях легальнай парламенцкай дзейнасці. Да таго ж левое крыло Бунда ў 1922 г. выдзелілася ў самастойную арганізацыю – Камбунд, які арыентаваўся на Варшаву і ў 1923 г. уліўся ў КПРП. Таму не дзіўна, што яшчэ вясной 1921 г. з Заходняй Беларусі па канспіратыўных каналах ад асоб, якія былі упаўнаважаны прыводзіць наладжванне камуністычнай працы, у Мінск паступалі просьбы ад асцярожным стаўленні да бундаўцаў, якія перасылаюцца ў Заходнюю Беларусь. У прыватнасці, даклад і апытанне ў пачатку мая 1921 г. Косавай-Эстэр (верагодна, Р.Д. Вольф. – А.С.) выявіла фактычную адсутнасць камуністычнай арганізацыі ў Брэсце («ніякага ўплыву на масы няма з-за адсутнасці арганізацыі»). Да таго ж Косава-Эстэр перадала настойлівую просьбу «таварышаў» з Беластока і Брэста «не палягчаць прыезд у Польшчу розных бундаўцаў, хаця б і левіцы, бо пасля іх прыезду на месца яны становяцца крайнімі правымі бундаўцамі і істотна вельмі тармозяць камуністычную працу і шкодзяць ёй» [16, арк. 25]. Іншая невядомая асоба ў сваёй аналітычнай справаздачы аб становішчы на Берасцейшчыне перадавала аналагічную просьбу: «Таварышы просяць не садзейнічаць праезду за кардон бундаўцаў і паалей-цьяністаў, як элемента, шкоднага для працы» [16, арк. 25].

Тым не меней пэўныя падставы для ўзаемадзеяння паміж партыямі на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі ўсё ж такі закладзены. У практыцы арганізацыі партыйнага жыцця камуністам трэба было пашыраць свае сувязі і ўплыў у рабочым асяродку. Паколькі сярод рабочых пераважалі яўрэі, то трэба было наладжваць узаемадзеянне з яўрэйскімі партыямі, у першую чаргу з Бундам, тым больш, што і КПЗБ, і Бунд пазіцыянавалі сябе як партыі рабочых. Да таго ж на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. сярод бундаўскіх арганізацый былі моцныя пазіцыі бальшавікоў [13, арк. 54], а гэта было непасрэднай перадумовай для супрацоўніцтва Бунда і КПЗБ ці выкарыстання камуністамі магчымасцей бундаўскіх арганізацый.

Пытанне ўзаемадзеяння камуністычных і бундаўскіх арганізацый заслугоўвае асобнага даследавання; прыклады супрацоўніцтва паміж камуністамі і бундаўцамі пацвярджаюцца архіўнымі дакументамі, у прыватнасці, Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці. У архіве захоўваецца, як вядома, вялікая колькасць судовых спраў на ўдзельнікаў камуністычнага руху. Цікава, што некаторыя з выкрытых паліцыяй камуністаў, паводле аператыўна выяўленай інфармацыі, мелі шчыльныя кантакты з бундаўскімі арганізацыямі. Так, напрыклад, 17.X.1924 г. каменда дзяржаўнай паліцыі Сарненскага павета «вельмі пільна» паведаміла акруговаму кіраўніцтву дзяржпаліцыі ў Брэсце над Бугам, што Трахтэр Іцка асуджаны за прыналежнасць да камуністычнай партыі. Сарненская экспазітура дзяржаўнай паліцыі правяла па гэтай справе разбіральніцтва, з якога вынікае, што І. Трахтэр, які пражываў ў Дубровіцы і знаходзіўся пад наглядам паліцыі, меў кантакт з камуністычнай арганізацыяй у Пінску і з членамі Бунда ў Дубровіцы і Столі-

не. Быў затрыманы 14.X.1924 г. у падазрэнні ў камунізме. У справе фігуруе нейкі Мейер Швец, затрыманы 08.01.1924 г. з-за падазрэння ў распаўсюджванні камуністычных адозваў. Раследванне супраць І. Трахтэра было спынена, а супраць Мейера Швеца адкладзена з-за таго, што апошні ў 1925 г. уцёк да Савецкай Расіі і там, верагодна, прыбываў [5, арк. 1, 30–31, 37]. Па падазрэнні ў камуністычнай дзейнасці праходзілі іншыя члены бундаўскай арганізацыі, напрыклад, Слуцкая Райза, Байгель Ёзэф-Хаім і Слуцкі Ёзэф, якія фігуравалі ў справе распаўсюджвання камуністычных адозваў у Дубровіцы 28.X.1924 г. Было ўстаноўлена, што названыя асобы належалі да партыі «Бунд». Ці бралі яны ўдзел у распаўсюджванні адозваў, не ўстаноўлена.

Фактам камуністычна-бундаўскага супрацоўніцтва была занепакоена каменда дзяржаўнай паліцыі Сарненскага павета, якая 26.XI.1924 г. канфідэнцыйна паведамляла акруговаму кіраўніцтву дзяржаўнай паліцыі ў Брэсце аб тым, што ў Дубровіцах акрамя асоб, якія падазраваліся ў камунізме, дзейнічаюць члены тайнай арганізацыі тутэйшага павету «Бунд» [6, арк. 14, 18]. Сруль Тэненбаўм, член Брэсцкага акруговага камітэта Бунда, адказны за фінансавыя пытанні (неаднаразова выбіраўся ў члены Брэсцкай гарадской рады), у час першамайскай дэманстрацыі ў 1925 г. у Брэсце быў «вядомы мясцовай экспазітуры як камуністычны дзеяч, кінуў перад ваяводствам пачак камуністычных адозваў» [2, с. 104–105, 265]. Пад уплывам кампартыі ў Брэсце знаходзілася бундаўская маладзёжная арганізацыя Югенд-Бунд Цукуфт [2, с. 113].

Патаемная, законспіраваная арганізацыя «Бунд» магла ўзнікнуць у выніку ўзаемадзеяння легальных гурткоў Бунда з нелегальнымі арганізацыямі КПЗБ, якая была зацікаўлена ў пашырэнні свайго ўплыву за кошт уцягнення ў яе шэрагі рабочых, у тым ліку і яўрэйскіх. Атрымлівалася вельмі зручная для камуністаў сітуацыя, калі мясцовыя ячэйкі легальнай арганізацыі Бунд служылі своеасаблівым прыкрыццём для правядзення камуністычных акцый, напэўна, атрымліваючы некаторае фінансаванне з савецкага боку. Для самога Бунда гэта было небяспечным, бо магло стаць падставай для спынення дзейнасці партыі па падазрэнні ў антыдзяржаўнай дзейнасці. Відавочна, арганізатары камуністычнага падполля ў Заходняй Беларусі былі зацікаўлены ва ўцягненні ў яго бундаўцаў, у выкарыстанні магчымасцей легальнай партыі, не баяліся падставіць Бунд пад рэпрэсіі, якія маглі б прывесці да ажыўлення антыдзяржаўнай дзейнасці ў Польшчы, што было на руку бальшавіцка-камінтэрнаўскаму кіраўніцтву. Так у заходнебеларускім грамадстве камуністы штучна стваралі сітуацыю расколу, калі ў выніку рэпрэсій з боку дзяржаўных органаў незадаволенасць насельніцтва ішло за камуністамі.

Стварэнне ў 1923 г. КПЗБ было выклікана жаданнем савецкага кіраўніцтва ўмацаваць сваю прысутнасць у Польшчы. Натуральна, становішча ў Заходняй Беларусі было зручнай падставай для бальшавіцкага кіраўніцтва выступаць у якасці абаронцы правоў прыгнечанага народа, а беларускі рух разглядаўся ў Маскве як сродак пралангацыі сваіх уплываў, пры дапамозе якога рэалізоўвалася бальшавіцка-камінтэрнаўская палітыка ў Польшчы. Менавіта ў такім кантэксце трэба разглядаць канчатковую рэалізацыю ідэі стварэння беларускай камуністычнай партыі ў Польшчы – КПЗБ, якая павінна была прыстасоўвацца да ўмоў грамадска-палітычнага жыцця ў Заходняй Беларусі, выкарыстоўваць існуючую сярод беларускага народа незадаволенасць, перацягваць на свой бок актыўныя элементы, навязваючы свае сацыяльна-класавыя каштоўнасці замест ідэй беларускага нацыянальна-вызваленчага характару. Стварэнне КПЗБ было тактычным крокам Камінтэрна для разгортвання больш шырокага і трывалага рэвалюцыйнага руху ў Польшчы ва ўмовах павелічэння ролі і месца беларускага фактара ва ўнутрыпалітычным жыцці Польшчы, відавочным сведчаннем чаго сталі вынікі выбараў у польскі сейм у 1922 г. Тады ў асобе сваіх выбраннікаў, дэпутатаў сейма, беларускія сяляне бачылі абаронцаў нацыянальных і сацыяльных інтарэсаў беларускага народа ў складзе Польшчы [27, с. 54]. КПЗБ паўстала відавочна, па выказванні А. Бергман, як «жыдоўская»

з-за таго, што яе касцяк складалі прадстаўнікі яўрэйскай нацыі. І для бальшавіцка-камінтэрнаўскага кіраўніцтва было не важна, якой па характары будзе КПЗБ: нацыянальнай ці тэрытарыяльнай; галоўнае было, каб партыя стала правадніком адпаведнай палітычнай лініі. Так што абедззве партыі (КПЗБ і Бунд) збліжала наяўнасць у КПЗБ значнай колькасці кіруючых работнікаў, якія па нацыянальным паходжанні былі яўрэямі.

Верагодна, камуністычная арганізацыя беларускага кшталту магла паўстаць у выніку адпаведных захадаў беларускіх дзеячаў. Напрыклад, адзін з лідараў заходнебеларускіх камуністаў, а пазней беларускай нацыянальнай фракцыі ў КПЗБ, т.зв. сэцэсіі, «Стары» (Ясінскі, Тамашэўскі), пра якога ў літаратуры дзіўным чынам адсутнічае нават мінімальная інфармацыя біяграфічнага характару, яшчэ ў кастрычніку 1922 г. пратэставаў супраць перадачы Віленскай акруговай партыйнай арганізацыі, членам акруговага камітэта якой ён быў, у веданне КППП. «Стары» настойліва выказваўся за стварэнне Камуністычнай партыі Сярэдняй Літвы на правах секцыі Камінтэрна, сувязь якой з КППП павінна была быць заснавана на ўзгодненасці дзеянняў, а не на падпарадкаванні агульнаму цэнтральнаму кіраўніцтву [27, с. 50]. Магчыма, «Стары» і яго папалечнікі мелі канспіратыўныя сувязі з камуністычнымі дзеячамі ў БССР і планавалі яшчэ ў 1922 г. стварыць на базе кампартыі Сярэдняй Літвы самастойную, незалежную ад польскай кампартыі Камуністычную партыю Заходняй Беларусі. Больш таго, вядома, што БРА эвалюцыянавала ў камуністычны бок у выніку сувязей і супрацоўніцтва, якое ўсталявалася паміж ёй і Віленскім камітэтам КППП [27, с. 72], а магчыма і беларусамі з ЦК КП(б)Б.

Беларускую камуністычную партыю ў Заходняй Беларусі лагічнай было б арганізацыйна злучыць з КП(б)Б: яна мела вопыт арганізацыі антыпольскага змагання ў час польска-савецкай вайны, якое арганізоўвала разам Беларускай партыяй сацыялістаў-рэвалюцыянераў. Вядомыя планы падрыхтоўкі і правядзення паўстання з мэтай аб'яднання Заходняй Беларусі з БССР (як вынік трэба ўзгадаць рашэнні II канферэнцыі КПЗБ [4]) і дзейнасць у БССР дзяржаўна-палітычных сіл па наладжванні антыпольскага змагання, магчыма, т.зв. Камітэта чыну [23, с. 319–327], патрабавалі нацыянальна арыентаванай беларускай кампартыі ў Заходняй Беларусі, якая, выкарыстоўваючы магчымасці КП(б)Б, магла б ажыццявіць названыя планы. Лідары БССР валодалі інтэлектуальнымі і інфармацыйнымі сродкамі, мелі значную фінансава-матэрыяльную базу інспірацыі і падтрымкі беларускага руху, сувязі з беларускімі непралетарскімі партыямі і іх лідарамі, напрыклад, эсэрамі, былі зацікаўлены ва ўмацаванні і кансалідацыі незалежнаскага беларускага руху ў Заходняй Беларусі, праводзілі агітацыю і прапаганду сярод беларускіх сіл, накіраваную на іх «палявенне». Таму, напэўна, існавалі планы па стварэнні нелегальнай беларускай камуністычнай арганізацыі ў Заходняй Беларусі на базе БРА. Беларускія эсэры пасля падпісання Рыжскай дамовы катэгарычна адмаўлялі яе, арганізоўвалі паўстанцкія атрады, абапіраліся на бэнэраўскія сілы ў Літве праз урад БНР, які ўзначальваў В. Ластоўскі [31, 19–21]. Гэта пэўным чынам тлумачыць лёгкасць, з якой заходнебеларуская партызанка, у тым ліку і эсэраўская, да сярэдзіны 1920-х гг. перайшла пад кантроль камуністаў з КПЗБ-КПП-Камінтэрна. Нездарма праз пэўны час у КПЗБ праявіла сябе т.зв. «сэцэсія» – выхадцы з БРА, якія не хацелі падпарадкоўвацца Маскве.

Верагодна, што пры арганізацыі беларускай кампартыі ў Заходняй Беларусі бальшавіцка-камінтэрнаўскае кіраўніцтва апырэдзіла ў гэтым беларускіх дзеячаў, беларусам не давярала, таму КПЗБ першапачаткова паўстала як «жыдоўская». Аднак новастворанай аўтаномнай адзінцы кампартыі Польшчы не хапала нацыянальнага каларыту, не было ніводнага члена ЦК КПЗБ, які свабодна валодаў бы беларускай мовай, партыя не мела падтрымкі сярод беларускага насельніцтва. Таму спатрэбіліся прымаць у свае шэрагі былых эсэраў – членаў БРА, магчымую ініцыятыву якой па стварэнні камуністычнай партыі перахапіў Камінтэрн. Разам з гэтым улічанне БРА ў КПЗБ – магчымая саступка

беларускім камуністам з КП(б)Б, якія пагаджаліся на «беларускасць» новастворанай партыі ўзамен на кааптаванне ў склад ЦК КПЗБ сваіх надзейных людзей. Гэта садзейнічала кансалідацыі камуністычных беларускіх і польскіх сіл, якія павінны былі супольна вырашаць задачы арганізацыі барацьбы «за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне», аднак мэты і накіраванасць беларускай фракцыі ў КПЗБ не супадалі з імкненнямі польскіх камуністаў, беларускія камуністы мелі свае нацыянальныя інтарэсы і праграмы.

Суперніцтва паміж КПП і беларускімі дзеячамі ў КПЗБ можна праназіраць на прыкладзе стасункаў двух устаноў, якія пэўным чынам характарызуюць адносіны паміж беларускім і польскім бакамі ў іх змаганні за КПЗБ, за Заходнюю Беларусь. Вядома, што ў хуткім часе пасля стварэння КПЗБ і ўваходжання ў яе склад БРА у ліпені 1924 г. пры садзейнічанні прадстаўніцтва ЦК КПРП пры Выканкаме Камінтэрна (са згоды І. Сталіна) з мэтай арганізацыі дапамогі КПЗБ было створана Бюро дапамогі Кампартыі Заходняй Беларусі пры ЦК КП(б)Б («Закардоннае бюро») [19, арк. 6]. У яго склад уваходзілі вышэйшыя дзяржаўна-партыйныя дзеячы БССР, у тым ліку У. Ігнатоўскі, які да кастрычніка 1924 г. кіраваў тэхнічнай работай і арганізоўваў выкананне рашэнняў [9]. Асоба У. Ігнатоўскага і яго дзейнасць паказальныя: менавіта пад яго патранажам дзейнічаў М. Гурын-Маразоўскі (Ханевіч, «Ян», «Стах»), будучы правадыр «сэцэсіі», накіраваны рашэннем Бюро ЦК КП(б)Б ад 28 лютага 1924 г. у Заходнюю Беларусь і ўведзены ў склад ЦК КПЗБ, падтрымліваў сувязь з За межным бюро ЦК КП(б)Б і асабіста з У. Ігнатоўскім, дасылаў туды лісты, атрымліваў дырэктывы, а ў канцы 1924 г. фактычна выконваў функцыі сакратара ЦК КПЗБ. М. Гурын-Маразоўскі і «сэцэсія», магчыма, са згоды У. Ігнатоўскага, мелі прамое дачыненне да выпрацоўкі і прыняцця на II канферэнцыі КПЗБ курса на арганізацыйную і палітычную падрыхтоўку да ўзброенага паўстання з мэтай аб'яднання Заходняй Беларусі з БССР – вызвалення з-пад Польшчы.

Пасля ўзнікнення ў складзе КПЗБ беларускай нацыянальнай фракцыі (сэцэсіі) у лютым 1925 г. Бюро дапамогі было скасавана. Замест яго было створана Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ пры ЦК КП(б)Б, якое працавала пад кіраўніцтвам Прадстаўніцтва КПП пры Выканкаме Камінтэрна ў Маскве і фактычна лічылася яго філіялам у Мінску. Гэта значыць, польскія камуністы, ліквідаваўшы сэцэсію, змаглі пазбавіцца значнай, часам вырашальнай ролі камуністаў-беларусаў, навязаць КПЗБ свой кантроль, выводзячы яе з-пад уплыву КП(б)Б, якая дэманстравала сваю незадаволенасць і патрабавала своечасовага інфармавання па пытаннях палітычнай работы ў Заходняй Беларусі [10].

Яскравым прыкладам суперніцтва і непаразумення паміж КП(б)Б і КПП з'яўляецца вострая перапалка вясной 1926 г., якая выяўляецца пры знаёмстве з перапіскай пад грыфам «зусім сакрэтна» паміж кіраўніцтвам Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ пры ЦК КП(б)Б і Прадстаўніцтвам ЦК КПП пры Выканкаме Камінтэрна, прадстаўленых, з аднаго боку, А. Славінскім і С. Мілерам, і, з другога боку, В. Багуцкім. Акрамя скаргаў на парушэнне дамоўленасці паміж прадстаўнікамі КПП і КПЗБ у Маскве аб інфармаванні Польшэскай Выканкама Камінтэрна прадстаўніцтва КПЗБ у Мінску, якое выявілася ў затрымцы Прадстаўніцтвам КПП адпаведнай інфармацыі, друкаваных выданняў і перапіскі ЦК КПЗБ, якая выпадкова трапіла ў Польшэскаю і дайшла ў Мінск са спазненнем амаль на месяц, зварот з Мінска ад 23 сакавіка 1926 г. утрымліваў катэгарычную просьбу ўрэгуляваць гэтыя праблемы, а таксама «пытанне аб затрымцы грошай, дасланых намі (Прадстаўніцтвам КПЗБ. – А.С.) праз ЦК КПП у ЦК КПЗБ». У сваім адказе ад 26 сакавіка 1926 г. В. Багуцкі ў іранічным і павучальным тоне адказваў сваім візаві: «Скаргі Вашы на тое, што не атрымліваецца ніякай інфармацыі, ні на чым не абгрунтаваны... Не разумею, да чаго ўся гэтая істэрыка і катэгарычныя патрабаванні». Пры гэтым, «з камуністычным прывітаннем», нічога не сказаў пра грошы.

Такі нядобразычлівы адказ атрымаў дастаткова стрыманую і канструктыўную рэакцыю А. Славінскага, які 1 красавіка 1926 г. ў лісце да В. Багуцкама прапанаваў не кра-

наць таго, «наколькі наш ліст быў істэрычным, аднак усё ж Вы не адказалі па сутнасці пастаўленых пытанняў. Па пытанні аб грошах, якія КПП не перадавала КПЗБ, Вы зусім не згадалі, што Вы думаеце прадымаць, каб грошы, якія былі высланыя намі для КПЗБ праз ЦК КПП, былі вернуты КПЗБ». Рашучая пазіцыя А. Славінскага спрыяла таму, што ў рэшце рэшт праблема была вырашана: 13 красавіка 1926 г. з Мінска ў Прадстаўніцтва КПП таварышу Багуцкаму было адпраўлена паведамленне: «Ваш ліст ад 6.4.26 г. за № 329 атрымалі, гэтаксама і выданні. Паведамляем Вам, што намі атрыманы ліст з краю, у якім паведамляюць, што канфлікт з грашымі ўлагоджаны» [21, арк. 15, 18, 21–23, 28]. Такім чынам, паміж КПП і КПЗБ меліся непаразуменні фінансавага характару, кваліфікаваныя яго ўдзельнікамі як канфлікт.

Стварэнне КПЗБ у тым выглядзе, у якім яно адбылося, было на карысць польскім камуністам, якія атрымалі пэўны кантроль над беларускім рухам і маглі аказваць на яго вырашальны ўплыў. З другога боку, неабходна ўлічваць меркаванне Р. Лазько аб тым, што ў Маскве глядзелі на КПЗБ і рэвалюцыйны рух у Польшчы як на сродак і своеасаблівы рычаг, з дапамогай якога пры неабходнасці можна было аказваць уплыў на Польшчу падчас савецка-польскіх дыпламатычных гульняў [11, с. 202–203].

Відаць, КПЗБ стваралася ў кастрычніку 1923 г. у спешцы: у час узброенага паўстання ў Кракаве кіраўніцтва Камінтэрна «патрабавала ад Кампартыі Польшчы ўзначаліць кіраўніцтва паўстаннем і пачаць стварэнне чырвонай гвардыі, каб трансфармаваць паўстанне ў рэвалюцыю» [12, с. 271]. Таму бальшавіцкае кіраўніцтва пайшло на тактычны крок: каб перацягнуць на свой бок беларусаў, «замацавала» за КПЗБ тэрыторыю Віленшчыны, нягледзячы на савецка-літоўскі дагавор ад 12.07.1920 г., па якім Вільня і Віленшчына аб'ячаліся бальшавікамі Літве. Пазней літоўскія камуністы не раз аспрэчвалі рашэнне аб замацаванні Вільні і Віленшчыны за КПЗБ [26, 109–111]. Прызнанне Віленшчыны за беларускую этнічную тэрыторыю, канешне ж, ўздымала патрыятычны настрой беларускіх нацыянальных дзеячаў, якія спадзяваліся на канчатковае замацаванне з цягам часу Вільні і Віленшчыны за Беларуссю і больш лаяльна ўспрымалі камуністычную агітацыю. Гэтаму садзейнічала і палітыка беларусізацыі ў БССР. Польскія камуністы былі не супраць такога рашэння: яно «выводзіла» Віленшчыну з-пад літоўскага ўплыву і замацоўвала яе за КПЗБ. Пры гэтым польскія камуністы не гублялі кантролю за спрэчнай тэрыторыяй: ствараемая КПЗБ у выглядзе складовай часткі павінна была ўваходзіць у КПП.

КПЗБ стваралася як састаўная частка Кампартыі Польшчы – краіны, якая акупіравала этнічную беларускую тэрыторыю! Улічваючы вопыт 1920 г., калі спроба савецызацыі Польшчы толькі ўмацавала нацыянальнае адзінства II Рэчы Паспалітай, ігнараваць патрыятызм польскіх камуністаў было немагчыма. Таму спадзяванні беларусаў на «польскі інтэрнацыяналізм» членаў КПП былі памылковымі, ён хутчэй за ўсё быў звычайнай маскіроўкай польскага шавінізму ў адносінах да беларусаў.

Кампартыя Польшчы ў адносінах да Заходняй Беларусі займала неадназначную пазіцыю, якая выяўляецца дзякуючы аналізу некаторых дакументаў КПЗБ. 5 лістапада 1924 г. Віленская акруговая канферэнцыя КПЗБ у сваім звароце да ЦК КПП разам з прывітаннем выказала пажаданне, «каб пастановы другога з'езда партыі аб аддзяленні Заходняй Беларусі ад Польшчы і далучэнні да Савецкай Беларусі больш рашуча былі праведзены ў жыццё» [1, с. 251–252]. Такія заявы, верагодна, рабіліся ў сувязі з магчымым нежаданнем польскіх камуністаў выпускаць з рук кантроль над Заходняй Беларуссю. У дадзеным выпадку трэба мець на ўвазе сітуацыю ў КПЗБ, калі яна ў канцы 1924 – пачатку 1925 гг. сіламі т.зв. «сэцэсіянераў» рыхтавалася да антыпольскага паўстання ў Заходняй Беларусі. Вядома, што з 1924 г. польскія камуністы дамагаліся спынення партызанскай барацьбы ў Заходняй Беларусі. На думку Ю. Стасевіча, удзельніка заходнебеларускай партызанкі, усе беларусы з ЦК КПЗБ, з акругоў, сельскіх ячэек ад-

крыта выступілі супраць «расейскага і польскага камандавання». Але ў гэтай спрэчцы атрымала перамогу «маскоўская лінія» на згортванне партызанскага руху [32]. Такім чынам, польскія камуністы праявілі сябе сапраўднымі патрыётамі, прыклаўшы намаганні для арганізацыі зрыву антыпольскага па сутнасці выступлення КПЗБ.

Сёння немагчыма дакладна рэканструяваць тагачасныя падзеі з-за адсутнасці партыйных дакументаў, што ў значнай ступені тлумачыцца строгай канспірацыяй, якая патрабавалася пры арганізацыі падпольнай работы па лініі Камінтэрна за мяжой [12, с. 401]. Адзін з функцыянераў КПЗБ М.С. Арэхва адсутнасць дакументальных звестак аб рабоце I канферэнцыі КПЗБ тлумачыў тым, што яны згубіліся ва ўмовах падполля, а ўсе дадзеныя, якія яе тычацца, былі ўстаноўлены некалькі гадоў пазней у выніку апытання ўдзельнікаў канферэнцыі і з другіх дакументаў [22, с. 35]. У 1923 г. савецкае кіраўніцтва вырашыла падпарадкаваць КПЗБ Кампартыі Польшчы, а не даручыць КП(б)Б пашырыць сваю дзейнасць на тэрыторыю Заходняй Беларусі. Адкрыты удзел КП(б)Б, а фактычна філіяла РКП(б), у арганізацыі падпольнага камуністычнага руху на тэрыторыі Польшчы, відавочна, быў непажаданы і кваліфікаваўся б як парушэнне V артыкула Рызскай мірнай дамовы. Да таго ж тактычныя задачы бальшавіцкага кіраўніцтва па распальванні пралетарскай рэвалюцыі ў Польшчы патрабавалі апоры на больш моцную і аўтарытэтную КПП. Тэрыторыю Віленшчыны вырашылі перадаць пад адносны кантроль КПЗБ, якая, выступаючы як пэўная частка беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, успрымалася больш пераканаўча, чым прадстаўнікі літоўскіх камуністычных арганізацый. Таму КПЗБ восенню 1923 г. «атрымала» тэрыторыю Віленшчыны, нягледзячы на тое, што 12.07.1920 г. у Маскве, як вядома, быў падпісаны савецка-літоўскі дагавор, па якім Вільня і Віленшчына аб'ячаліся бальшавікамі Літве – пакуль яшчэ не савецкай. Гэта было не што іншае, як пусты аб'яцанак беларусам. У 1939 г., калі пасля ліквідацыі польскай дзяржавы СССР трэба было ўмацоўваць свае пазіцыі ў Прыбалтыцы, Вільня і Віленшчына, якія гуртавалі беларусаў на барацьбу, была перададзена Літве. Пра Беларусь можна было не думаць: памяркоўныя беларусы (асабліва пасля рэпрэсій 1920–30-х гг.) не асмеліліся прынцыпова ставіць пытанне аб Віленшчыне.

Заклучэнне

Развіццё камуністычнага руху ў Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. стварэнне КПЗБ, разгортванне ёй пад нацыянальнымі беларускімі сцягамі «барацьбы за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне» павінна разглядацца ў цеснай сувязі з дзейнасцю Камінтэрна па распаўсюджванні сусветнай рэвалюцыі, у прыватнасці, ўсталявання свайго трывалага ўплыву ў Польшчы і Заходняй Беларусі. У гэтым кантэксце трэба больш пільна вывучаць гісторыю ўзаемаадносін КП(б)Б з КПП, КПЛ, яўрэйскімі партыямі, у першую чаргу Бундам.

Тое самае тычыцца беларускіх партый і арганізацый, асабліва БПС-Р і БРА, іх дзейнасці па арганізацыі партызанскага руху, асэнсавання пазіцыі іншых беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый, якія не падтрымлівалі камуністычнай ідэалогіі, але былі перакананымі прыхільнікамі незалежнасці Беларусі, яе тэрытарыяльнай цэласнасці, па прынцыпова важкіх для беларускага нацыянальна-вызваленчага ішлі на супрацоўніцтва з КПЗБ. Наяўныя дакументальныя матэрыялы, якія захоўваюцца ў розных архівах Беларусі, Польшчы і Расіі, ставяць актуальным ажыццяўленне паглыбленага манаграфічнага даследавання, накіраванага на выяўленне больш аб'ектыўнай і ёмістай карціны ўсталявання камуністычнага ўплыву на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР : документы и материалы : сб. : в 2 т. / сост.: В.Н. Жигалов [и др.] ; под ред. В.И. Гурского, Н.С. Орехво, В.А. Полуяна. – Минск : Госиздат БССР, 1962. – Т. 1: 1921–1929. – 620 с.
2. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост.: А.Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
3. Валеви́ч, І.Р. Першыя гады Кампартыі Заходняй Беларусі. Успаміны падпольшчыка. 1921–1925 гг. / І.Р. Валеви́ч. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1935. – 48 с.
4. Грамовіч, У. Гурын-Маразоўскі Міхаіл Іванавіч / У. Грамовіч, Т. Процька // ЭГБ : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 178.
5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДзАБВ). – Фонд 92. – Воп. 1. – Спр. 108. Следственное дело на граждан, обвиненных в коммунистической деятельности.
6. ДзАБВ. – Фонд 92. – Воп. 1. – Спр. 109. Следственное дело на граждан, обвиненных в коммунистической деятельности.
7. Коминтерн против фашизма : Документы. – М. : Наука, 1999. – 505 с.
8. Корчык, П. Нацыянал-апартунізм у КПЗБ і ідэалагічная спадчына «Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі» / П. Корчык // Бальшавік Беларусі. – 1934. – № 7. – С. 35–43.
9. Ладысеў, У. Бюро дапамогі Кампартыі Заходняй Беларусі пры ЦК КП(б)Б / У. Ладысеў // ЭГБ : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 154.
10. Ладысеў, У. Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ пры ЦК КП(б)Б / У. Ладысеў // ЭГБ : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 559–560.
11. Лазько, Р.Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р.Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
12. Линдер, И. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943 / И. Линдер, С. Чуркин. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 686 с.
13. Мошук, А.В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Мошук. – Минск, 2007. – 127 л.
14. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 10. Протоколы заседания бюро нелегальной работы при Центральном бюро КП(б) Белоруссии (1.ІІІ. – 21. VI. 1921 г.).
15. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 11. Переписка секретного отдела Центрального Бюро КП(б) Белоруссии с Белостокским окружным комитетом КП(б) Белоруссии о положении в Белостоке, по персональным и другим вопросам (02.04.1921 – декабрь 1922).
16. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 12. Переписка секретного отдела Центрального Бюро КП(б) Белоруссии с (уполномоченным отдела в Бресте) о положении в Брестской организации КП(б)Б (17.02. – 17.07.1921 г.).
17. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 13. Переписка секретного отдела Центрального Бюро КП(б) Белоруссии с ЦК Бунда о направлении членов партии на подпольную работу, о разрешении на выезд в Польшу и переход госграницы и по др. вопросам (1921 г.).
18. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 29. Переписка Виленского окружного комитета Компартии Западной Белоруссии с ЦК КПЗБ о партийной работе и по персональным вопросам (1923–1924).
19. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 32. Переписка Представительства Компартии Западной Белоруссии с ГПУ Белоруссии и разными лицами о революционном движении в Западной Белоруссии; письмо члена ЦК Компартии Польши в Политбюро ЦК РКП(б) о создании бюро помощи Компартии западной Белоруссии.

20. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 44. Отчет Представительства ЦК Компартии Западной Белоруссии о работе за период с 15 апреля по 15 ноября 1925 года (2-й комплект, неполный).

21. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 80. Переписка представительства Компартии Западной Белоруссии с Представительством Компартии Польши при ИККИ по организационным вопросам и о партийных кадрах (февраль – 31.12.1926 г.).

22. Орехво, Н.С. Образование КПЗБ, ее организационное строение, формы и методы работы / Н.С. Орехво // В авангарде революционной борьбы : материалы науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию образования КПЗБ и КСМЗБ, 29 нояб. 1973 г. – Минск : Беларусь, 1974. – С. 33–49.

23. Пашкевіч, А.Ф. Атаман Дзяргач: невядомыя старонкі біяграфіі, ці да гісторыі палітычнага авантурызму ў беларускім нацыянальным руху / А.Ф. Пашкевіч, А.М. Чарнякевіч // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. – Брэст : Академия, 2004. – Вып. 4. – С. 314–334.

24. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 : Документы / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. – М. : Росспэн, 2004. – 958 с.

25. Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине. – Минск : Изд-во Бел. Акад. наук, 1935. – 335 с.

26. Революционное движение в Вильнюсском крае: 1920–1940 гг. : Документы и материалы / под ред. Р. Малюквичюса [и др.]. – Вильнюс : Минтис, 1978. – 448 с.

27. Революционный путь Компартии Зап. Белоруссии (1921–1939 гг.) / А.Н. Мацко [и др.] ; под ред. А.Н. Мацко и В.Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.

28. Савіч, А.А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А.А. Савіч ; навук. рэд. А.А. Каваленя ; Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2012. – 288 с.

29. Савіч, А.А. Праблема дзяржаўнай прыналежнасці Віленшчыны ў ідэалогіі камуністычнага руху Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. (гістарыяграфія праблемы) / А.А. Савіч // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2011. – № 1. – С. 54–59.

30. Сляшынскі, В. Барацьба дзяржаўных органаў зь беларускай дывэрсійнай дзейнасцю на паўночна-ўсходніх землях міжваеннай Польшчы (1920–1925) / В. Сляшынскі. – АРХЭ Пачатак. – 2007. – № 1–2. – С. 114–146.

31. Сорокин, А.А. Революционное и освободительное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – 171 с.

32. Стасевіч, Ю. Партызанка Заходняй Беларусі / Ю. Стасевіч // Пагоня. – 1995. – 17–23 сак., 24–30 сак.

33. Фирсов, Ф. Секретные коды истории Коминтерна, 1919–1943 / Ф. Фирсов. – М. : Крафт+, 2007. – 568 с.

34. Цынкевіч, В.М. Палітычныя ўзаемадачынненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.15 / В.М. Цынкевіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2004. – 127 с.

Savich A.A. Communist Movement in Western Belarus in Early 1920 and Formation of CPWB: Historiographic Discourse

The article written on a wide range of historiographical sources and archival documents, analyzes the process of scientific research into the history of the communist movement in Western Belarus in the early 1920s and the the creation of Communist Party of Western Belarus. The author draws attention to the conditionality of the communist movement by the desire of Bolshevik-Comintern forces to expand and strengthen their influence in the region, specifies the organizational and personnel and logistical aspects of the appropriate action. The cooperation of CP(b)W with the Bund, which with the assistance of the party-state structures of the BSSR shipped to Poland of its members played an important role importance in the establishment of communist influence according to a number of reasons.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.06.2013

УДК 94(476) «1941/45»

П.С. Рамановіч

**ПАДПОЛЬНАЯ БАРАЦЬБА СУПРАЦЬ НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ
ЗАХОПНІКАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ КАМСАМОЛЬСКА-
МАЛАДЗЁЖНАЙ ПАДПОЛЬНАЙ АРГАНІЗАЦЫІ в. МОТАЛЬ
ІВАНАЎСКАГА РАЁНА)**

Вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны – прыярытэтны напрамак айчыннай гістарычнай навукі. У даследаваннях з розных ідэйна-палітычных пазіцый раскрываюцца найважнейшыя пытанні партызанскай і падпольнай барацьбы на тэрыторыі Беларусі. Для больш глыбокага асвятлення падпольнай барацьбы супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў згадваюцца ўспаміны непасрэдных удзельнікаў гэтых падзей. У дадзеным артыкуле выкарыстоўваюцца матэрыялы ўспамінаў падпольшчыка Рыгора Мікітавіча Калільца, запісаныя аўтарам у 1984 г., камандзіра партызанскага атрада імя Я.Г. Макарэвіча Івана Міхайлавіча Калільца, паказана стварэнне і агітацыйна-дыверсійная дзейнасць камсамольска-маладзёжнай падпольнай арганізацыі в. Моталь Іванаўскага раёна.

Уводзіны

Усё далей і далей сыходзяць у гісторыю трагічныя і гераічныя падзеі Другой сусветнай вайны, а для нашага народа – Вялікай Айчыннай. Вялікай цаной дасталася Перамога савецкаму народу над фашысцкай Германіяй. Незаменныя страты панесла Беларусь: вайна забрала кожнага трэцяга жыхара нашай рэспублікі. Тэматыка развіцця руху супраціўлення на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны, ролі партызанскага руху і падпольнай барацьбы ў разгроме нямецка-фашысцкіх захопнікаў асветлена ў айчыннай гістараграфіі даволі падрабязна, але для больш глыбокага асвятлення падпольнай барацьбы супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў згадваюцца ўспаміны непасрэдных удзельнікаў гэтых падзей.

Да верасня 1941 г. Беларусь была акупіравана нямецкімі войскамі. На акупіраванай тэрыторыі было ўведзена новае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне і кіраванне. Частка тэрыторыі БССР, тэрыторыя Літвы, Латвіі, Эстоніі былі ўключаны ў склад галоўнага рэйхскамісарыята «Остланд» з рэзідэнцыяй ў Рызе, падзеленага на чатыры генеральныя акругі. Тэрыторыя генеральнай акругі Беларусь («Генеральбецырк Беларутэнія»: Баранавіцкая, Вілейская, Мінская (без усходніх раёнаў), паўночныя раёны Брэсцкай, Пінскай і Палескай абласцей) складала 90 тыс. км² – прыкладна 1/3 тэрыторыі БССР. Паўднёвыя раёны БССР увайшлі ў склад рэйхскамісарыята «Украіна» [1, с. 244].

Арганізацыя партызанскага руху і падпольнай барацьбы на акупіраванай тэрыторыі з першых дзён ваеннага нападу Германіі на СССР стаяла ў цэнтры ўвагі вышэйшых дзяржаўных і партыйных органаў улады. Згодна з дырэктывай СНК і ЦК УКП(б) ад 29.06.1941 г. і пастановай ЦК УКП(б) ад 18.07.1941 г. арганізацыя партызанскай і падпольнай барацьбы была ўскладзена на партыйныя камітэты, органы НКУС СССР.

На разгортванні узброенай партызанскай барацьбы і падпольнай дзейнасці ў гарадах і іншых населеных пунктах Беларусі арыентавала Дырэктыва № 1 ЦК КП(б)Б ад 30 чэрвеня 1941 г. аб пераходзе на падпольную работу партарганізацый раёнаў, занятых ворагам, «у мэтах кіраўніцтва дзейнасцю партызанскіх атрадаў і дыверсійных груп у раёнах, занятых ворагам, для барацьбы з часцямі варожай арміі, для распальвання партызанскай барацьбы скрозь і ўсюды, для падрыву мастоў, дарог, псавання тэлеграфнай і тэлефоннай сувязі, падпалу складоў, для стварэння нязносных умоў для ворага і яго памагатых, для зрыву ўсіх яго мерапрыемстваў» [2, с. 52].

1 ліпеня 1941 г. ЦК КП(б)Б прыняў Дырэктыву № 2 партыйным, савецкім і камсамольскім арганізацыям па разгортванні партызанскай барацьбы ў тыле ворага, у якой

ставілася задача пакрыць усю занятую нямецка-фашысцкімі захопнікамі тэрыторыю Беларусі густой сеткай партызанскіх атрадаў [1, с. 53–54]. Актывізацыі барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі садзейнічаў заклік І. Сталіна ад 3 ліпеня 1941 г., у якім было загадана разбураць варожыя камунікацыі, знішчаць маёмасць і разгортваць усенародную барацьбу супраць ворага.

З першых дзён уступлення на тэрыторыю Беларусі нямецкіх войск пачаў устанавівацца «новы парадак», асновай якога была ідэя расавай перавагі нямецкай нацыі над іншымі народамі. Акупацыйны рэжым уяўляў сабой сістэму палітычных, эканамічных і ваенных мер, накіраваных на ліквідацыю дзяржаўнага ладу, рабаванне нацыянальных багаццяў, каланізацыю, зняволенне і знішчэнне насельніцтва рэспублікі.

Мэта дадзенага артыкула – выкарыстоўваючы ўспаміны непасрэдных удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, паказаць стварэнне і дзейнасць камсамольска-маладзёжнай падпольнай арганізацыі в. Моталь супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Стварэнне і агітацыйна-дыверсійная дзейнасць падполля

26 чэрвеня 1941 г. у Моталь увайшла нямецкая пяхота. Быў усталёваны акупацыйны рэжым, праявамі якога былі: каменданцкі час (пасля пачатку каменданцкай гадзіны жыхар не мог выйсці за вароты свайго двара), працоўная павіннасць з 14-гадовага (пазней і з 12-гадовага) узросту, высяленне жыхароў з іх хат, жыхары павінны былі плаціць падаткі, выконваць прымусовыя пастаўкі, вываз жыхароў у Германію. Былі расклеены загады акупацыйнай улады ўсім жыхарам здаць зброю, радыёпрыёмнікі, савецкія кнігі. У кожнай хаце павінен быў вісець спіс членаў сям’і. Расстрэл пагражаў жыхарам за ўкрыццё ваеннапалонных, акружэнцаў, партызан, за кантакты і дапамогу яўрэям. У Моталі быў створаны паліцэйскі гарнізон (пастарунак).

З успамінаў Рыгора Мікітавіча Калільца: «На плошчы быў праведзены агульны сход жыхароў Моталя. Нямецкі афіцэр праз перакладчыка, каменданта паліцыі, зачытаў загады «новага парадку»: пра поўнае падпарадкаванне нямецкім акупацыйным уладам і паліцэйскаму гарнізону, што немцы з’яўляюцца найвышэйшай расай і расстрэльваюць толькі яўрэяў, камуністаў і тых, хто не падпарадкоўваецца нямецкім уладам, не здае радыёпрыёмнікі, хавае зброю і вядзе агітацыю супраць нямецкіх уладаў. Афіцэр усхваляў сілу нямецкай зброі, гаварыў, што праз месяц Масква будзе ўзятая і вайна з Расіяй скончыцца. На сходзе бургамістрам быў прызначаны М.Р. Ксёнда, а солтысам – М.А. Хала. Нямецка-паліцэйская служба на ўсіх бачных мясцінах вывесіла загады “новага парадку”» (запісана са слоў Р.М. Калільца, 28.08.1924 г. нараджэння; в. Моталь Іванаўскага раёна, 14.07.1984 г.).

Разглядаючы зараджэнне і развіццё партызанскага руху і падпольнай барацьбы на тэрыторыі Беларусі, нельга не адзначыць, што сітуацыя ў Заходняй Беларусі не была падобнай да сітуацыі ва Усходняй, дзе рух супраціўлення зарадзіўся раней і значны ўклад у яго развіццё аказалі падпольныя партыйныя структуры, якія пакідаліся пры адступленні Чырвонай Арміі. Большасць падпольных груп у Заходняй Беларусі стваралася самастойна, па ўласнай ініцыятыве тых камуністаў, што засталіся на акупіраванай тэрыторыі і не паспелі эвакуіравацца. Становішча ўскладнялася тым, што савецкая ўлада існавала ў Брэсцкай вобласці менш за два гады, частка насельніцтва станоўча ставілася да немцаў. Адсутнічала агульнае кіраўніцтва, не хапала зброі і боепрыпасаў.

Летам–восенню 1941 г. у розных рэгіёнах Беларусі незалежна адзін ад аднаго сталі ўзнікаць невялікія атрады і групы з мясцовых патрыётаў, партыйных і савецкіх работнікаў, актывістаў, ваеннаслужачых Чырвонай Арміі, якія апынуліся ў акружэнні.

З успамінаў Р.М. Калільца: «13–15 ліпеня 1941 г. у наваколлі Моталя з’явілася група ў колькасці 25 чалавек, камандзірам якой быў К.Ф. Ражноў – другі сакратар Іванаўскага РК КП(б)Б. У складзе групы былі:

1. М.І. Драгацэнны – намеснік камандзіра групы;
2. С.Т. Бандарэнка – начальнік НКУС Іванаўскага раёна;
3. Т.А. Міраненка – інструктар Брэсцкага АК КП(б)Б;
4. А.Г. Кондрыкаў – сакратар Іванаўскага РК ЛКСМБ;
5. Р.Р. Гуляеў – начальнік міліцыі Іванаўскага раёна;
6. Н.Т. Стасюкевіч – участковы д. Псышчава;
7. П.Ф. Клімук – участковы в. Упірава;
8. О.Н. Туцкі – участковы г. Іванава;
9. С.С. Мінюк – участковы г.п. Моталь і іншыя.

Задача групы – арганізацыя партызанскага атрада і ўзброеная барацьба з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Зброя і боепрыпасы былі схаваныя ва ўрочышчы «Мілевіч» на мяжы Целяханаўскага і Іванаўскага раёнаў. Група размясцілася ў Моталі і вакол яго і ўстанавіла сувязь з мясцовымі падпольшчыкамі» (запісана са слоў Р.М. Калільца 14.07.1984 г.).

Летам 1941 г. першымі супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў выступілі І.М. Калілец (1920 г. нараджэння, жыхар Моталі, выхадзец з сялянскай сям’і, у верасні 1939 г. удзельнічаў у паўстанні супраць польскіх улад, сакратар гарпасялковага савета ў Моталі, сакратар камсамольскай арганізацыі), С.С. Мінюк (1914 г. нараджэння, жыхар Моталі, удзельнічаў у падпольнай барацьбе супраць польскіх улад, участковы ўпаўнаважаны НКУС у Моталі). У ліпені 1941 г. у Моталі ў будынку школы адбыўся сход актывістаў і камсамольцаў, каб выпрацаваць свае далейшыя дзеянні.

З успамінаў Івана Міхайлавіча Калільца: «Да вечара ў школе тайна сабраліся ўсе камсамольцы сяла. Раптанне было аднагалосным: ісці за лінію фронту, а пакуль збіраць зброю і боепрыпасы. На другі дзень наладзілі сувязь з моладдзю навакольных вёсак. Заданне для ўсіх – узбройвацца і яшчэ раз узбройвацца» [3].

З успамінаў Р.М. Калільца: «У жніўні–кастрычніку 1941 г. Іван Міхайлавіч Калілец адкрыта са зброяй паяўляўся ў Моталі і навакольных вёсках. Разам з С.С. Мінюком, І.С. Парфеяўцом з вёскі Калілы і іншымі падпольшчыкамі збіралі зброю і рыхтаваліся да адкрытай узброенай барацьбы. У клуні Мотальскага камсамольца А.К. Данілевіча правялі сход камсамольцаў. Прысутнічала каля 30 чалавек (толькі ўпаўнаважаныя, у тым ліку і з навакольных вёсак). З Моталі прысутнічалі І.М. Калілец, С.С. Мінюк, З.Д. Міховіч, А.С. Данілевіч, К.І. Ксёнда. Сход вёў К.Ф. Ражноў, які выступіў з дакладам пра надзённае становішча і задачы на будучае. Была прынята пастанова: «Да 24-й гадавіны Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі зрываць па магчымасці мерапрыемствы нямецка-фашысцкіх акупантаў і выступіць з адкрытымі баямі» (запісана са слоў Р.М. Калільца 14.07.1984 г.).

Дапамагала І.М. Калільцу ў стварэнні падпольных груп В.Г. Міронава (1916 г. нараджэння, скончыла інстытут, па камсамольскай пуцёўцы ў 1939 г. была накіравана ў Заходнюю Беларусь наладжваць адукацыю, працавала дырэктарам школы ў Моталі).

З успамінаў Р.М. Калільца: «Лепшым і верным памочнікам І.М. Калільца была Вольга Георгіеўна Міронава, ураджэнка г. Сызрань Куйбышаўскай вобласці. В.Г. Міронава ў Моталі працавала дырэктарам школы, была выдатным педагогам, здольным арганізатарам, мела павагу сярод насельніцтва Моталі, смела стала на барацьбу з ворагам. Восенню 1941 г. пачалі навучанне дзяцей у школе. Барацьбу супраць нямецкіх настаўнікаў павяла В.Г. Міронава. На запрашэнне працаваць у школе яна заявіла, што чужой фашысцкай ідэалогіі савецкіх дзяцей вучыць не будзе. В.Г. Міронава заклікала не пускаць дзяцей у школу. У нямецкую школу пайшлі да 100 дзяцей з тысячы, якім належала вучыцца. Школа праіснавала тры месяцы і закрылася. В.Г. Міронава і І.М. Калілец звярнуліся да камсамольцаў і актыву сяла Моталь з наступнымі словамі: зрываць усе мерапрыемствы нямецкіх акупантаў, не аддаваць ворагу ніводнага патрона, вінтоў-

кі, гранаты, ніводнага радыёпрыёмніка, хаваць савецкую літаратуру, зрываць нямецкія загады, растлумачваць насельніцтву выступленне І.В. Сталіна па радыё ад 3 ліпеня 1941 г., што вораг будзе абавязкова разгромлены і знішчаны, а хто здраджвае Радзіме, панясе суровую кару перад савецкім народам» (запісана са слоў Р.М. Калільца 14.07.1984 г.).

1 жніўня 1941 г. Моталь акружыў карны атрад эсэсаўцаў. Пачаліся пошукі і арышты падпольшчыкаў. Сакратара суседняга Дзедавіцкага сельскага савета У.І. Хоміча (па даносе здрадніка немцы знайшлі гранаты, некалькі вінтовак, пісталет) адразу расстралялі. Падпольшчыкам І.М. Калільцу, С.С. Мінюку, І.А. Духовічу, С.І. Палто і іншым удалося пазбегнуць арышту.

3 успамінаў І.М. Калільца: «Як толькі я пайшоў у партызаны, камендант Моталі Міхаіл Мінюк выдаў загад: «Усе, хто будзе хаваць Івана Калільца, будуць расстраляныя. Той, хто прывядзе яго ў камендатуру жывым ці мёртвым, атрымае 15 тысяч марак ўзнагароды» [3]. Гэта быў самы складаны і цяжкі час станаўлення мотальскага падполля. Вясной 1942 г. частка падпольшчыкаў ва ўрочышчы «Мінічы» каля в. Тышкавічы залажыла партызанскі лагер. На базе падпольных груп вёсак Моталі і Опаля пачаў стварацца партызанскі атрад.

3 успамінаў І.М. Калільца: «Праз сваіх верных таварышаў, што засталіся ў Моталі: Ганну Мінюк, Паўла Кульбеду, Міхаіла Пташыца, Рыгора Данілевіча, Пятра Кульбеду, Трафіма Філіповіча – група падтрымлівала цесную сувязь з насельніцтвам. Сувязныя дастаўлялі нам у лес прадукты харчавання, цёплую вопратку, зброю, боепрыпасы, перадавалі зводкі Саўінфармбюро. У падтрымцы мясцовых жыхароў была наша сіла» [3].

Для наладжвання сувязі паміж партызанамі і падпольшчыкамі ў Моталі ў былой яўрэйскай хаце была адкрыта цырульня.

3 успамінаў Р.М. Калільца: «З мэтай паляпшэння аператыўнасці разведкі і дзейнасці падполля па ўказанні Калільца Івана Міхайлавіча і Мінюка Сідара Сцяпанавіча ў хаце яўрэя Лейбы была адкрыта цырульня. Цырульнікам стаў падпольшчык, камсамolec Філіновіч Трафім Міхайлавіч (1922 г. нараджэння, ураджэнец Моталі, да вайны працаваў слесарам у Пінску). Гэта быў смелы, вопытны канспіратар і разведчык. У хаце, дзе знаходзілася цырульня, жыла Міронава В.Г. Цырульня стала штабам Мотальскага падполля. Партызаны атрымлівалі звесткі пра ворага. Актыўнымі ўдзельнікамі падполля былі:

1. Данілевіч Трафім Канстанцінавіч (Моталь);
2. Калілец Іван Мікітавіч (Моталь);
3. Кузюр Гаўрыла Пятровіч (Моталь);
4. Шыкалай Антон Зіноўевіч (Моталь);
5. Кульбеда Павел Іосіфавіч (Моталь);
6. Мінюк Ганна Андрэеўна (Моталь);
7. Мацукевіч Сямён Андрэевіч (Моталь);
8. Міховіч Сямён Давыдавіч (Моталь);
9. Міховіч Сцяпан Сяргеевіч (Моталь);
10. Хоміч Цярэнцій Ціханавіч (Заазер'е);
11. Парфіявец Іван Сямёнавіч (Калілы);
12. Клімук Фёдар (Упірава)» (запісана са слоў Р.М. Калільца 14.07.1984 г.).

Вясной і летам 1942 г. падпольшчыкі і партызаны перайшлі да адкрытых баёў з ворагам і дыверсій:

1. У в. Моталь была спалена гміна і разгромлены маслазавод, спалена сем клунь з хлебам.
2. У в. Асаўніца забіты паліцай Мароз.
3. Пад в. Заазер'е знішчаны камендант паліцыі Грыневіч і чатыры паліцэйскія.

4. Знішчаны камендант раённай паліцыі С. Бенда. Прыехаўшы ў Моталь, ён пасяліўся ў паліцэйскім гарнізоне. Паліцэйскі (падпольшчык) Косця Яроцкі падлажыў яму ў пасцель гадзіннікавую міну.

5. У маі 1942 г. падпольшчыкі сарвалі вываз моладзі ў Германію на прымусовую працу.

6. Падпольшчыкі Аляксандр Строеў, Міхаіл Ламакін, Міхаіл Чорны 6 лістапада 1943 г. вывесілі чырвоны сцяг на будынку штаба венгерскай часці. Сцяг вісеў некалькі дзён. Ніхто не мог размініраваць сцяг. Сапёры, якія прыбылі пазней, узарвалі сцяг.

7. Падпольшчык Кузюр Г.П. (1920 г. нараджэння, стаў камсамольцам у 1940 г.) у час наступлення немцаў сабраў і схваў 12 вінтовак і запас патронаў. Каб пазбегнуць арышту, уладкаваўся на працу ў г. Пінск і ўстанавіў сувязь з падполлем горада. Ноччу пераапранаўся ў форму нямецкага афіцэра і выконваў заданні. У снежні 1942 г. быў схоплены немцамі. Пасля допытаў расстраляны ў маі 1943 г. Вінтоўкі і патроны былі знойдзены і перададзены партызанам.

Дзейнасць падпольшчыкаў і партызан усё больш і больш непакоіла нямецкія ўлады. Умацаваўшы свае гарнізоны, немцы і паліцаі вырашылі знішчыць падполле і партызан. Пачаліся пошукі і арышты падпольшчыкаў.

З успамінаў Р.М. Калільца: «Жыхарка в. Моталь Малішэўская была варожа настроена супраць Савецкага Саюза, называла беларусаў «быдлам крэсус усходніх». Пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР працавала ў Мотальскай школе. Дырэктар школы В.Г. Міронава звольніла яе з працы за амаральнасць. У час акупацыі Моталю Малішэўская супрацоўнічала з немцамі. Яна разам з паліцэйскімі склала спіс з 56 чалавек (савецкія актывісты, камсамольцы, удзельнікі паўстання 17 верасня 1939 г.). У верасні 1942 г. у в. Заазер'е немцы і паліцаі расстралялі шэсць чалавек, а ў Моталі, каля царкоўнай агароджы, – дзесяць чалавек. У снежні 1942 г. у г. Іванава былі расстраляны маці і сястра І.М. Калільца, жонка і дзіця С.С. Мінюка, а таксама сем чалавек з Моталю: П.С. Міховіч, К.І. Ксёнда, З.Д. Міховіч, М.Д. Райкевіч, Р.А. Данілевіч, Х.А. Шыкалай, І.М. Дзярках. У чэрвені 1942 г. па даносе Малішэўскай (у 1943 г. Малішэўскую расстралялі партызаны) была арыштавана В.Г. Міронава. Пасля допытаў яна была расстраляна 18 ліпеня 1942 г. у пінскай турме. 21 студзеня 1943 г. за сувязь з партызанамі былі расстраляны сем'і Андрэя Мінюка і Міхаіла Мінюка з Моталю» (запісана са слоў Р.М. Калільца 14.07.1984 г.).

Вясной 1942 г. сілы і вопыт падпольнай арганізацыі в. Моталь, навакольных вёсак Опаль, Упірава, Закалле, Тышкавічы і іншых дазволілі стварыць партызанскі атрад імя Я.Г. Макарэвіча, які распачаў актыўную баявую дзейнасць і стаў грознай сілай для ворагаў (у 1944 г. атрад налічваў 486 чалавек) [4, с. 187]. У канцы 1943 г. партызаны і падпольшчыкі разграмілі паліцэйскі гарнізон у Моталі. Замест нямецкай была ўтворана партызанская камендатура.

Заклучэнне

Такім чынам, да вясны 1942 г. завяршыўся першы, самы складаны і цяжкі перыяд акупацыйнага рэжыму. Гэта быў перыяд згуртавання камсамольскай моладзі, савецкіх актывістаў, арганізацыі падполля, зрыву мерапрыемстваў акупацыйных улад, назапашвання зброі. Мотальскае камсамольска-маладзёжнае падполле, якое дзейнічала ў 1941–1943 гг., налічвала больш за 60 чалавек.

Ніякія рэпрэсіі не змаглі спыніць падпольна-партызанскай барацьбы. Спроба стварэння ў Моталі атрада нацыянальнай самаабароны (запісалася 22 здраднікі) не мела поспеху: частка была забіта партызанамі, другія – уцяклі на Запад.

Больш за 800 маталян змагаліся супраць ворага на розных франтах Вялікай Айчыннай вайны. Вопыт партызанскай і падпольнай барацьбы дапамог многім выжыць у крываваых баях з фашыстамі.

16 ліпеня 1944 г. падраздзяленні 55-й гвардзейскай стралковай дывізіі генерал-маёра А.П. Турчынскага вызвалілі Моталь. Саўінфармбюро паведаміла: «На паўночным захадзе і захадзе ад г. Пінска нашы войскі, развіваючы наступленне, авалодалі раённымі цэнтрамі Пінскай вобласці – гарадамі Янаў і Целяханы, а таксама з баямі ўзялі звыш 50 іншых населеных пунктаў, у тым ліку Тышкавічы, Моталь» [4, с. 242].

У 1975 г. у в. Моталь на будынку дзіцячай бібліятэкі ў гонар падпольшчыкаў устаноўлена мемарыяльная дошка, а ў цэнтры вёскі – помнік 187 маталянам, якія загінулі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Адна з мотальскіх вуліц носіць імя В.Г. Міронавай.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Неизвестная Россия. XX век : в 4-х т. – Том 4. – М. : Мосгорархив, 1993. – 512 с.
2. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : документы и материалы : в 3-х т. – Минск : Беларусь, 1967. – Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 744 с.
3. Калилец, И. Багровое зарево / И. Калилец // Заря. – 1970. – 23 окт. – С. 4.
4. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Іванаўскага раёна. – Мінск : БЕЛТА. – 592 с.

Romanovich P.S. Underground Fighting against German Fascist Invaders (on the example of underground organization of Motol village of Ivanovo region)

The study of the history of the Great Patriotic war is a predominant direction of historical science. In the research the most important questions of underground and guerrilla struggle on the territory of Belarus are revealed from different ideal-political positions. The memories of immediate participants of these events are the most useful for profound elucidation of underground struggle against German-fascist invaders. In the article on the basis of the memoirs of Grigoryi Kalilets, written by the author in 1984 – a member of underground organization, Ivan Kalilets – the commander of guerrilla band named after E.G. Makarevich the organization and agitation-subversive activity of komsomol-youth underground organization of Motol village of Ivanovo region is shown.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.01.2014

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

В.И. Кривуть

ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ СОЮЗЫ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1920–1930-е гг.)

Данная статья посвящена изучению развития проправительственного молодежного движения на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Главное внимание уделяется организационному оформлению, идеологической эволюции и унификации «санационных» объединений сельской и городской молодежи. Раскрывается роль официальных властей в создании ведущих «санационных» организаций 2-й Речи Посполитой, действовавших среди деревенского молодого поколения – Союза сельской молодежи «Сев» и Союза молодой деревни. Одновременно дается характеристика задачам и формам деятельности Организации трудящейся молодежи, которая должна была привлечь на сторону властей молодое поколение западнобелорусских городов.

Введение

В 1920–30-е гг. молодежное движение на территории Западной Беларуси носило неоднородный характер и было связано практически со всеми политическими группировками и партиями. В силу ряда объективных и субъективных причин одним из наиболее активных и динамично развивающихся стало проправительственное течение, объединявшее целый ряд молодежных союзов, находившихся под идейно-политическим влиянием «санационного» режима и пользовавшихся его всемерной поддержкой. Именно эти организации являлись одним из главных инструментов проведения официальной молодежной политики. В отечественной историографии проблема деятельности данного направления молодежного движения еще не нашла должного освещения. Настоящая статья является попыткой заполнить этот пробел, что позволит составить более объективную картину общественно-политической жизни западнобелорусского региона в межвоенный период.

Союз сельской молодежи – Союз молодой деревни

Помимо наиболее известного «санационного» Стрелецкого союза, деятельность которого развивалась как в сельской местности, так и в городах, на территории Западной Беларуси существовал ряд организаций, работавших исключительно только с сельской или городской молодежью.

Следует отметить, что значительное место в «санационном» молодежном движении занимали организации сельской молодежи. Это было связано с тем, что именно сельская молодежь составляла преобладающую часть молодого поколения межвоенного польского государства. Что касается Западной Беларуси, то тут процент сельской молодежи был самым высоким в сравнении со всеми остальными регионами 2-й Речи Посполитой. Согласно данным польских демографов, в городах Западной Беларуси в январе 1931 г. проживало только 160 тыс. чел., или 14,34% от всей молодежи региона. Для сравнения: в центральных воеводствах жило 34,4% молодежи, на западе – 35,5%, а в среднем по стране – 28,4% [1, с. 18].

Известно, что одной из наиболее массовых и активных проправительственных организаций 2-й Речи Посполитой являлся Союз сельской молодежи (ССМ) «Сев» (Związek Młodzieży Wiejskiej «Siew»). С 1934 г. эта организация официально стала именоваться Союз молодой деревни (СМД) (Związek Młodej Wsi). Как свидетельствуют архивные источники и литература, наибольшую активность данный союз проявлял именно на восточных окраинах межвоенного польского государства, особенно в Виленском и Полесском воеводствах [2, с. 19].

ССМ «Сев» – СМД прошел достаточно сложную идейную и структурную эволюцию. Первые кружки сельской молодежи начали возникать еще до начала Первой мировой войны. Известно, что начиная с 1912 г. на этнических польских землях Российской империи действовал Союз сельской молодежи, по инициативе которого молодежь деревень и местечек под руководством народных учителей, общественных деятелей и католических священников создавала так называемые юношеские дружины, которые вели культурно-просветительскую и общественную работу, а также занимались военной подготовкой мужской части молодежи [3, с. 4].

После возрождения польского государства определенную роль в развитии сельского молодежного движения на западнобелорусских землях играло Товарищество крестовой стражи (ТКС), которое ставило перед собой цель «защиты польских окраин» и пользовалось материальной поддержкой польских властей. В программу его работы входило и создание кружков Союза сельской молодежи. В этом направлении Товарищество достигло определенных успехов. Так, начиная с 1919 г. инструкторы ТКС активно создавали кружки ССМ на Полесье. До ноября 1920 г. в Полесском воеводстве их было 50 общей численностью 255 человек. На тот момент Полесская организация ССМ занимала третье место по стране после Виленской и Люблинской. Однако после завершения польско-советской войны возобновить работу удалось только в 19 кружках ССМ. После того, как инструкторы ТКС отказались от работы среди сельской молодежи, большинство кружков пришло в упадок. По сведениям польских исследователей, в 1924 г. в Полесском воеводстве было только 7 кружков ССМ (120 членов) [4, с. 18–19].

Одновременно свою опеку над кружками сельской молодежи стремился распространить Центральный союз сельскохозяйственных кружков (ЦССК). Это была хозяйственная организация, задачей которой было повышение производительности земледелия и защита интересов сельского хозяйства путем распространения сельскохозяйственных знаний, организации крестьян в профессиональные союзы и союзы взаимопомощи. Она возникла в результате государственного плана унификации земледельческих организаций. Вместе с крестьянами союз объединял крупных землевладельцев и осадников. С самого начала существования в ЦССК было довольно значительное влияние сторонников Ю. Пилсудского [5, с. 175].

Еще в июне 1919 г. руководство молодежной секции этой организации созвало в Варшаве съезд представителей кружков, на котором было принято решение о создании Центрального союза сельской молодежи (ЦССМ) (Centralny Związek Młodzieży Wiejskiej), который стал самостоятельной секцией при ЦССК. ЦССМ достаточно быстро подчинил себе практически все официальное движение сельской молодежи и провел унификацию форм его деятельности [3, с. 4].

Главной задачей организации было объявлено «воспитание и подготовка достойных, умных и активных граждан Польши». Эту задачу планировалось осуществлять через проведение собраний, лекций и курсов, организацию библиотек, создание оркестров, пожарной стражи, подготовку вечеров и праздников, организацию спортивных занятий и военной подготовки, а также оказание материальной помощи талантливой молодежи в сфере обучения. При этом отмечалось, что Союз «опирается на гранитный фундамент христианского учения, стремится к активной его реализации в личной и коллективной жизни через исполнение принципов любви и братства» [6, с. 147].

Устав предусматривал 3 организационных уровня объединения: кружок сельской молодежи как самостоятельная секция при «взрослом» сельскохозяйственном кружке, окружной союз Сельской молодежи как самостоятельная часть окружного (воеводского) Союза сельскохозяйственных кружков и Центральный союз сельской молодежи как самостоятельная организация ЦССК. Отмечалось, что членом кружка мог быть христианин, поляк или полька, достигшие 16 лет. Член союза был обязан «действовать со-

гласно с требованиями христианской этики и чести Польши», регулярно участвовать в заседаниях организации, исполнять устав и решения кружка и поддерживать его развитие, регулярно платить членские взносы, поддерживать печатный орган союза – журнал «Сев». Также он имел право голоса, право вносить предложения и проекты, право избирать правление, ревизионную комиссию и делегатов в руководство окружного и Центрального союза сельской молодежи [6, с. 148–149].

Однако необходимо отметить, что помимо ЦССМ существовали и другие союзы. Так, в марте 1927 г. возник Союз народной молодежи (СНМ) (*Związek Młodzieży Ludowej*), который первоначально был связан с Крестьянской партией «Пяст». Но уже в 1928 г., после создания Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП), этот молодежный союз начал тесно сотрудничать с «санацией». По своим целям и формам деятельности СНМ был близок к ЦССМ. Целью этой организации было объявлено поощрение молодежи к самообразовательной, общественной и профессиональной работе, а также воспитание дисциплинированных граждан государства, готовых отдать ей свои душевные и физические силы. Но СНМ был более политизированным, чем другие организации сельской молодежи. Он пользовался активной государственно-административной поддержкой, в том числе и финансовой [7, с. 16].

Политизация стала причиной и раскола ЦССМ, который произошел в июне 1928 г. на базе отношения к режиму «санации». «Санационный» режим стремился усилить свое влияние в сельскохозяйственных организациях, в первую очередь в Центральном союзе сельскохозяйственных кружков, частью которого являлся и ЦССМ. Большая часть руководства союза, не желая подчиняться приказам «санации» и стремясь вести независимую деятельность, создала Союз сельской молодежи Речи Посполитой «Вици» (*Związek Młodzieży Wiejskiej Rzeczypospolitej «Wici»*), печатным органом которого стал журнал «Вици». 29 июня 1928 г. на съезде ЦССМ большинство делегатов поддержало это решение. Сторонники «санации» из остатков ЦССМ создали союз сельской молодежи «Сев» (от названия печатного издания). Что касается территории Западной Беларуси, то тут большая часть организаций сельской молодежи в той или иной форме поддержала «санацию» [3, с. 5–6].

Однако если с конца 1920-х гг. в Полесском и Виленском воеводствах действовали окружные филиалы ССМ «Сев», то на территории Новогрудского воеводства после раскола ЦССМ оформился автономный Союз сельской молодежи Новогрудской земли (*Związek Młodzieży Wiejskiej Ziemi Nowogródzkiej*). В 1930 г., когда перед местными кружками сельской молодежи встал вопрос о присоединении к «Вици» или «Севу», был проведен специальный съезд. На нем единогласно было принято решение «сохранить во имя блага молодой окраинной деревни и во имя государственного дела полную самостоятельность и независимость от централей в Варшаве, чтобы защитить нашу территорию от нежелательной и вредной борьбы в нездоровой атмосфере» [8, л. 4]. Но провозглашенная автономия была относительной. Так, ССМ Новогрудской земли направлял своих делегатов на все съезды, конференции и курсы, которые организовывал ССМ «Сев». Кроме того, новогрудская организация использовала и его издательские возможности, публикуя на страницах «Сева» свои отчеты [5, с. 65].

В начале 1930-х гг. на Новогрудчину пытался проникнуть СНМ. Это вызвало конфликт данной организации с новогрудским союзом, который потребовал от СНМ отказаться от работы на территории воеводства, ликвидировать свои кружки или передать их под руководство ССМ Новогрудской земли [8, л. 4]. Тем не менее кружки СНМ продолжили действовать в Столбцовском, Барановичском и Новогрудском поветах.

Польские власти прилагали большие усилия по развитию проправительственного движения сельской молодежи. Например, в феврале 1930 г. полесский воевода направил всем поветовым старостам специальное письмо, посвященное вопросам создания

отделений Полесского ССМ. В нем отмечалось, что в ряду задач, которые стоят перед государственной администрацией, особенно на восточных окраинах, важнейшей является контроль над тем, чтобы развитие общественной жизни деревни шло «по линии развития польского государственного пути». Воевода подчеркнул, что «сегодняшнее правительство обращает значительное внимание на то, чтобы, прежде всего, подрастающее поколение получило такие условия развития, которые бы давали гарантию воспитания из сегодняшней молодежи граждан, на которых могло бы опереться государство. Поэтому господин министр внутренних дел делает упор на возможно более успешное развитие организаций сельской молодежи» [9, л. 17]. Воевода, объяснив сущность и задачи ССМ, отмечал, что работа союза на местах будет проводиться в тесном согласии с поветовыми старостами: «Правительство морально и материально поддерживает деятельность ССМ и ожидает того же от территориального самоуправления, поскольку считает работу ССМ одной из важнейших задач сегодняшнего периода» [9, л. 17]. Одним из следствий данных указаний было то, что уже в 1930 г. на Полесье большинство руководителей местных ячеек организации были членами или сторонниками ББСП [10, л. 18].

До 1931 г. ССМ «Сев» продолжал находиться в организационном и идеологическом подчинении ЦССК. Потом он стал самостоятельной организацией, деятельность которой опиралась на собственный устав, что в значительной мере содействовало укреплению его авторитета и упрощало доступ к молодежи. Однако существование многочисленных автономных проправительственных молодежных организаций и конкуренция между ними ослабляли позиции «санации» в среде сельской молодежи и препятствовали осуществлению ее планов. Деятели «санации» осуждали «парцелляцию» молодежного движения в деревне и считали необходимым проведение его унификации. По их мнению, эта унификация была «продиктована идеологической необходимостью, которая проистекает из фундаментальных принципов лагеря Маршала Пилсудского, направленных к общей консолидации всех организаций, которые исповедуют идеологию Маршала». На страницах белостокской прессы посол Сейма М. Шишко писал: «Маршал Пилсудский, который, как внимательный журавль, охватил взглядом все сферы польской жизни, обратил значительное внимание и на эту площадку польской действительности и выдвинул лозунг объединения сельской молодежи, направления всего молодежного движения под знамя великой, государственной Польши, под которым сейчас стоит все, что является добросовестным и благородным, все, что умеет благо Государства и его будущее поставить над партией» [11, с. 3].

«Санационные» круги сделали ряд шагов по объединению своих сторонников и ликвидации конкуренции между ними. Во-первых, эту конкуренцию должен был успокоить Центральный комитет по делам сельской молодежи. Во-вторых, была проведена организационная консолидация многочисленных союзов сельской молодежи. 4 сентября 1934 г. ССМ «Сев» объединился с рядом региональных организаций. Новое объединение стало называться Союзом молодой деревни. Ведущую роль в руководящих структурах нового союза играли бывшие функционеры ССМ «Сев» [2, с. 19].

Официально Союз молодой деревни считался «культурно-просветительской организацией», которая ставила перед собой целью «повышение духовного и хозяйственного уровня и гражданского чувства своих членов, обогащение культуры деревни и Речи Посполитой» [12, с. 3].

Согласно уставным документам, осуществление этого происходило на основе привлечения членов к проведению разной общественной деятельности: организации и проведению чтений, дискуссий, вечеров, театральных спектаклей, сельскохозяйственных курсов и конкурсов, строительству светлиц (клубов), созданию касс взаимопомощи и т.п. Необходимо подчеркнуть, что в уставе специально оговаривалось, что «партийно-политические дела не входят в сферу деятельности Союза» [12, с. 4].

Однако ССМ «Сев» – СМД стоял на позициях «санационной» концепции «государственного воспитания» и избрал своим лозунгом слова «Благо государства – высший закон» [13, с. 463]. Союз стремился к переустройству деревни эволюционным и прогрессивным путем. Было заявлено, что ССМ «Сев» «стоит на позиции гражданской и политической демократии, которая понимается как повышение культурного уровня масс и присоединение всего народа к работе для государства, ... считает, что единственной легитимацией человека является труд и его вклад в работу по строительству Польского государства». Воспитательным идеалом являлся тип бойца-работника, примером которого была личность Ю. Пилсудского [5, с. 62]. Таким образом, перед Союзом ставилась цель «воспитывать душу молодого сельского человека в соответствии с идейными принципами Вождя Нации Маршала Юзефа Пилсудского, создать совершенного гражданина, который осознает свои права и обязанности» [14, с. 1].

Организационная деятельность Союза строилась на основе разветвленной, строго централизованной структуры с центром в Варшаве. Ему подчинялись воеводские союзы: на территории Западной Беларуси – Виленский, Полесский, Новогрудский и Белостокский. Воеводским союзам, в свою очередь, поветовые союзы, которые объединяли первичные ячейки – кружки сельской молодежи. Высшей властью считался ежегодный общий съезд, который тайным голосованием избирал Правление союза. Из Правления формировался Президиум. На местах воеводские союзы, поветовые собрания и собрания кружков соответствующим образом формировали местные руководящие органы. Уставными документами предусматривалось не только строгое подчинение нижестоящих органов вышестоящих, но и отчетность руководства и его ежегодная ротация [12, с. 6–7; 13; 17].

Если раньше в организацию вступали с 16 лет, то сейчас членами Союза могли быть только совершеннолетние граждане 2-й Речи Посполитой, но при этом разрешалось и членство с 16 лет в качестве «элевов» (учеников, воспитанников). Как и ранее, каждый член организации обязан был действовать «согласно с требованиями христианской этики и достоинства гражданина Речи Посполитой», исполнять устав союза и решения его вышестоящих органов, регулярно посещать собрания и платить членские взносы (при этом правление кружка могло освободить своего члена от уплаты этих взносов) [12, с. 16].

Организация трудящейся молодежи

ССМ «Сев» – СМД охватывал своей деятельностью сельскую молодежь. Для работы среди городской рабочей и ремесленной молодежи «санационными» властями в 1933 г. была создана Организация трудящейся молодежи (ОТМ) (Organizacja Młodzieży Pracującej). В ее состав вошел ряд существовавших уже ранее региональных организаций, одной из которых было и Объединение ремесленной и промышленной молодежи Виленского воеводства (Zrzeszenie Młodzieży Rzemieslniczej i Przemysłowej woj. Wileńskiego). В 1933 г. Объединение только в Вильно насчитывало около 900 человек [15, л. 243].

Как и другие «санационные» молодежные объединения, ОТМ считалась аполитической организацией. Главной ее задачей объявлялось распространение опеки над молодым поколением в форме противодействия антигосударственным влияниям через воспитание в общественно-государственном духе. Большое внимание в своей деятельности она придавала помощи в трудоустройстве молодым безработным [5, с. 98].

Согласно «Инструкции Главного правления ОТМ о работе кружков трудящейся молодежи», основной организационной ячейкой ОТМ являлся «очаг», который охватывал территорию района большого города. Во главе «очага» стоял руководитель. ОТМ действовала исключительно в городах и имела строгую иерархическую структуру. Ис-

полнение руководящих функций зависело не от «случайных результатов выборов», а от прохождения организационной учебы. Претендент на руководящий пост должен был получить ступень только после соответствующего обучения и экзаменов [16, с. 89].

Молодежь внутри ячейки делилась на коллективы (от 6 до 15 человек). Именно в этих коллективах велась работа, которая имела своей целью «самовоспитание и формирование характера». Коллектив возглавлял передовик, который назначался руководителем «очага».

Одновременно в «очаге» ОТМ формировались «реализационные кружки» (музыкальные, театральные, спортивные, ремесленные, хоровые и т.д.), в которые молодежь входила независимо от принадлежности к отдельным коллективам. Во главе кружков стояли соответствующие инструкторы, которые также назначались руководителем «очага». Таким образом, общественно-воспитательная работа проводилась в коллективах, а отдых и обучение – в кружках.

Члены ОТМ делились на кандидатов, участников и действительных членов. Кандидаты (в возрасте 14–21 год) принимались в ОТМ руководителем «очага».

Инструкция признавала следующие средства:

1) клубная работа (информация, техническое обеспечение, библиотека, чтение прессы, клубные вечера, пение, зрелища, краеведческие экскурсии, беседы, самообразование);

2) физическое воспитание;

3) создание «очага» и организация в нем мастерских;

4) взаимопомощь, предоставление возможности получить оплачиваемую работу (создание бюро по трудоустройству), оказание материальной помощи бедным, пропаганда бережливости и создание касс взаимопомощи [17, л. 1–5].

Именно последний момент – помощь в трудоустройстве и материальная поддержка – обеспечили ОТМ количественный рост и влияние в условиях экономического кризиса. Но по мере экономической стабилизации и выхода страны из кризиса влияние организации уменьшилось, а количество ее членов сократилось. Помимо этого, в городах Западной Беларуси ОТМ испытывала серьезную конкуренцию со стороны местного комсомола и еврейских молодежных организаций.

Заключение

Таким образом, можно признать, что проправительственные организации сельской молодежи стали заметным явлением молодежного движения Западной Беларуси в межвоенный период. К середине 1930-х гг. «санационным» властям удалось консолидировать их в рамках Союза сельской молодежи «Сев» – Союза молодой деревни. Согласно уставным документам, данное объединение должно было вести культурно-просветительскую и воспитательную работу среди сельской молодежи в духе «санационной» идеологии. Аналогичную деятельность должна была проводить в городах Организация трудящейся молодежи, однако она не смогла достичь влияния, сравнимого с влиянием союзов сельской молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Młodzież sięga po pracę. Załącznik, tablice / Kom. red.: H. Kołodziejcki, K. Kornilowicz, L. Landau. – Warszawa, 1938. – 88 s.
2. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918–1970 / Cz. Kozłowski [i in.] ; pod red. Cz. Kozłowskiego. – Warszawa : Iskry, 1971. – 191 s.
3. Mioduchowska, M. Centralny Związek Młodzieży Wiejskiej w województwie białostockim w latach 1912–1928 / M. Mioduchowska // Białostoczczyzna. – 1986. – № 3. – S. 4–9.

4. Tomczonek, Z. Źródła do historii Poleskiego Związku Młodzieży Wiejskiej w latach 1920–1939 w zasobie Archiwum Państwowego Obwodu Brzeskiego w Brześciu / Z. Tomczonek // Białostoczczyzna. – 2001. – № 3–4. – S. 16–22.
5. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa, 1934. – 292 s.
6. Kosmowska, I. Związki młodzieży polskiej od 1816 roku do naszych czasów / I. Kosmowska. – Warszawa, 1924. – 196 s.
7. Tomczonek, Z. Związek Młodzieży Ludowej na Białostoczczyźnie w latach 1928–1937 / Z. Tomczonek // Białostoczczyzna. – 1992. – № 2. – S. 16–19.
8. ГАБО. – Фонд 1. Полесское вое-водское правление. – Оп. 9. – Д. 516.
9. ГАБО. – Фонд 1. Полесское воеводское правление. – Оп. 9. – Д. 483.
10. ГАБО. – Фонд 1. Полесское воеводское правление. – Оп. 9. – Д. 714.
11. Szyszko, M. Ruch zjednoczeniowy młodzieży wiejskiej / M. Szyszko // Głos ziemi Białostockiej. – 1931. – № 239. – 17 października. – S. 3.
12. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 23 s.
13. Kołodziejczyk, A. Ruch ludowy a Kościół rzymskokatolicki w latach II Rzeczypospolitej / A. Kołodziejczyk. – Warszawa, 2002. – 516 s.
14. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931–1932. – Brześć nad Bugiem, 1933. – 16 s.
15. НАРБ. – Фонд 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 465.
16. Hillebrandt, B. Polskie organizacje młodzieżowe XIX i XX wieku: zarys historii / B. Hillebrandt. – Warszawa, 1986. – 479 s.
17. ГАБО. – Фонд 67 сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 1668.

Krivuts V.I. Pro-government Union Rural and Urban youth of West Belarus (1920–1930-s)

This article is devoted to the study of the development of a pro-government youth movement in Western Belarus in the interwar period. The organizational design, ideological evolution and unification of «remedial» associations of rural and urban youth are paid attention to. The role of the authorities in the creation of «leading «remedial» organizations» of 2nd Rzeczpospolita acting among the younger generation of the village – the Union of Rural Youth «Sew» and the Union of young village is revealed. At the same time the objectives and activities of the forms of Organization of youth workers, which was to win over to the authorities of the younger generation of Western Belarusian cities, are described.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.03.2014

УДК 271.4-044.382 (437)"195"

А.А. Петрусевиц

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

События Второй мировой войны внесли в жизнь как Чехословацкого государства, так и Православной Церкви на его территории серьезные потрясения. 27 сентября 1942 г., после событий явного сопротивления фашистскому режиму духовенства и мирян Чехии, Православная Церковь была объявлена вне закона. Ее имущество конфисковано, храмы закрыты, духовенство подвергнуто арестам и заключениям, миряне отправлены на принудительные работы в Германию. После захвата фашистскими войсками чешских земель на территории Словакии было провозглашено самостоятельное государство, находившееся в фактической зависимости от немецких властей, а католическое и униатское духовенство, имевшее поддержку со стороны новой власти, приняло решение о ликвидации Православия в Словакии.

Введение

Период после Первой мировой войны и до конца 1930-х гг. можно было назвать временем активного возрождения Православия в новообразовавшейся Чехословакии. В это время на территории ЧСР действовали 2 епархии: Чешско-Моравская и Мукачево-Прешовская, подчинявшиеся СПЦ, а также русские приходы во главе с епископом Пражским Сергием (Королевым). Кроме сербской и русской на территории ЧСР существовала и константинопольская юрисдикция во главе с архиепископом Савватием (Врабцеце). Но Вторая мировая война внесла в жизнь как государства, так и Церкви серьезные потрясения вплоть до объявления Православной Церкви вне закона.

Цель статьи – описать события Второй мировой войны, повлиявшие на жизнь Православной Церкви на территории современных Чехии и Словакии, и дать оценку сложившейся ситуации в указанный период.

Положение Православной Церкви на территории Словакии

29–30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, рейхсканцлером Германии А. Гитлером и главой правительства Италии Б. Муссолини было подписано Мюнхенское соглашение, известное как «мюнхенский зговор». Соглашение предусматривало передачу Германии в срок с 1 по 10 октября 1938 г. Судетской области Чехословакии, а также удовлетворение территориальных притязаний к ЧСР со стороны правительства Венгрии и Польши [1]. 14 марта 1939 г. было провозглашено самостоятельное Словацкое государство: Словакия была отделена от Чехии и получила статус «независимой страны». Для Церкви начался период преследований православных венгерскими властями. Епископ Мукачевский Владимир был выслан из страны, а на его место Сербский Патриарх Гавриил смог назначить лишь своего администратора – протоиерея Василия Соловьева [2, с. 51].

Большая часть территории Словацкого государства оказалась в составе фашистско-тисовской Словакии, остальная часть была оккупирована венгерскими фашистами. Православная Церковь испытывала гонения не только от немцев, но и со стороны вражески настроенных инославных конфессий: католиков и протестантов. С их стороны проводилась пропаганда идеи уничтожения Православной Церкви с целью присоединить к себе православных верующих [3, с. 227]. Так, в конце 1942 г. в Межилаборцах состоялось собрание католического и униатского духовенства, которое приняло решение о ликвидации Православия в Словакии [4, с. 120].

Положение Православной Церкви на территории Чехии

15 марта 1939 г. германскими войсками была оккупирована Чехия. На следующий день, в соответствии с указом А. Гитлера, здесь был создан имперский Протекторат Богемия и Моравия, лишивший ЧСР независимости. По указанию правительства Третьего рейха 3 ноября 1939 г. между архиепископом Берлинским Серафимом (Ляде) и епископом Пражским Сергием (Королевым) было подписано соглашение, согласно которому русские приходы в ЧСР, управлявшиеся епископом Сергием, были присоединены к Берлинской епархии. Министерство церковных дел Германии видело в архиепископе Серафиме человека, ответственного перед государством за всех православных на оккупированных территориях. Подчинение Чешской епархии давало архиепископу Серафиму возможность пользоваться документацией и, в случае необходимости, применять к православным дисциплинарные санкции [5, с. 167]. В скором времени правительство стало принуждать епископа Чешского и Моравско-Силезского Горазда (Павлика) перейти в подчинение архиепископа Берлинского и Германского Серафима. До разгрома и оккупации Югославии епископ Горазд подчинялся Священному Синоду СПЦ. К этому времени его епархия состояла из 20 общин, имевших 11 церквей и 9 молитвенных помещений; 21 священник и их архипастырь окормляли около 25 000 верующих [6]. Владыка Горазд обратился с письмом к Патриарху Сербскому Гавриилу, прося благословения на вынужденный временный переход епархии под опеку архиепископа Серафима, обещая информировать Патриарха о деятельности православного духовенства [7, с. 143]. При взятии Белграда это письмо оказалось у немцев, которые использовали его в качестве свидетельства против епископа Горазда в судебном процессе 1942 г. На переход в подчинение Берлинского архиепископа СПЦ согласия не дала, но это было осуществлено административным распоряжением немцев и не имело канонического основания [5, с. 167].

6 апреля 1942 г. фашистская Германия захватила Белград. Сербский Патриарх Гавриил был заключен в монастыре Раковицы, а многие иерархи, в том числе из ближайшего окружения Патриарха, либо покинули страну, либо пропали без вести, в результате чего жизнь СПЦ была парализована. После захвата Белграда немцам стал доступен архив Сербской Патриархии, где хранились документы, которые высылал епископ Горазд с 1921 г. Святитель Горазд, узнав о подготовке к арестам священников Чешской епархии, 28 мая 1941 г. обратился к архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму с прошением о том, чтобы он принял Чешскую и Моравскую епархию «под свою архипастырскую опеку, заботу и защиту, как в церковном, так и в государственно-политическом отношениях» [8, с. 91].

7 октября в Прагу прибыл Берлинский архиепископ Серафим и, встретившись с Преосвященнейшим Гораздом, просил его составить дополнение к Уставу Чешской православной епархии. В связи с этим епископом Гораздом было выработано приложение к Уставу 1929 г., согласно которому Чешская епархия присоединялась к Берлинской. Утвержденный 4 марта 1942 г. Министерством образования и народного просвещения документ гласил: «Права, которые в соответствии с Уставом Чешской православной епархии принадлежат Его Святейшеству Сербскому Патриарху, Архиерейскому Собору и Священному Синоду Сербской Православной Церкви, принадлежат на время действия настоящего приложения православному епископу Берлинскому и Германскому – преосвященному архиепископу Серафиму... Действие этого приложения прекратится, когда будет определенно решен вопрос юрисдикции православной епархии в Чехии и Моравии» [9].

После создания Архиерейским Синодом РПЦЗ 26 мая 1942 г. Средне-Европейского митрополичьего округа, в состав которого вошли приходы Чешской епархии, руководство СПЦ проявило заметное беспокойство. 3 июля 1942 г. председатель Священ-

ного Синода СПЦ митрополит Иосиф в письме первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию отметил: «Необходимо иметь в виду права Сербского Патриархата на Чешскую и Моравскую епархию... сербская юрисдикция не должна быть повреждена в новообразованном митрополичьем округе» [9]. Митрополит Анастасий ответил, что Архирейский Синод РПЦЗ не рассматривает епархию епископа Горазда в качестве составной части Средне-Европейского округа и сербская юрисдикция над ней сохраняется, хотя епископ и подчиняется временно митрополиту Серафиму [9].

Подтверждая послание митрополита Анастасия, митрополит Серафим 12 августа 1942 г. заявил: «Я никогда не покушался на сербские приходы, не подчинял их моей юрисдикции. Но, признаюсь откровенно, я взял под свое покровительство сербский приход в Вене, бывшую епархию епископа Горазда и приходы в Словакии. Но инициатива не исходила от меня, а от сербских приходов... На православную епархию епископа Горазда я также никогда не покушался. Инициатива в этом деле исходила от епископа Горазда, который, принимая во внимание тяжелое положение своей епархии, просил меня взять его и его епархию под мое покровительство впредь до восстановления нормальных сношений со Священным Синодом Сербской Православной Церкви. Входя в чрезвычайно трудное и сложное положение епископа Горазда, я дал свое согласие. Все мое покровительство заключалось в том, что я предоставил в распоряжение епископа Горазда святое миро и святые антимины, в которых он нуждался, да и укрепил пошатнувшееся его положение в Протекторате» [10, с. 128].

Подвиг в Пражском соборе

Особое внимание необходимо уделить описанию события из жизни Православной Церкви в Чехословакии, которое во многом предопределило дальнейшее положение Церкви. Это событие вошло в историю под названием «Подвиг в пражском соборе». В июле 1940 г. в Англии было создано временное Чехословацкое правительство во главе с Э. Бенешем, стремившееся к восстановлению независимой ЧСР в границах, существовавших до Мюнхенского договора 1938 г. В самом Протекторате оформилось движение Сопротивления. После нападения Третьего рейха на СССР в чешских землях заметно увеличилось число актов саботажа и диверсий на промышленных предприятиях, железных дорогах, складах и линиях связи. Встревоженный этим, А. Гитлер 27 сентября 1941 г. отозвал из Праги К. фон Нейрата и назначил исполняющим обязанности протектора шефа имперской службы безопасности генерала полиции обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха, известного организатора многочисленных карательных акций в оккупированных странах. Ему было поручено ликвидировать чешское движение Сопротивления. Прибыв в Прагу, Р. Гейдрих объявил о введении чрезвычайного положения. Лишь за два первых месяца его правления по приговорам военно-полевых судов были казнены 342 человека и около 3 000 отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря [9]. Жестокая политика Р. Гейдриха побудила местное некоммунистическое население действовать бескомпромиссно и конкретно, что проявилось в поддержке военной акции, которая была проведена чешским эмигрантским правительством в Лондоне. В сотрудничестве с британскими воздушными силами была осуществлена высадка чехословацких парашютистов, которые проходили военную подготовку в 1941 г. в Шотландии. В ночь с 28 на 29 декабря 1941 г. на чехословацкую землю были высажены две группы: «Антропоид» (ротмистр Й. Габчик и ротмистр Я. Кубиш) и «Сильвер А» (старший лейтенант А. Бартош, ротмистр Й. Вальчик и сержант Й. Потучек) [11]. Группа «Антропоид» должна была ликвидировать Р. Гейдриха, а цель группы «Сильвер А» заключалась в разведке и сборе информации.

В результате военной акции, которая состоялась в 27 мая 1942 г., Р. Гейдрих был тяжело ранен и 4 июня скончался [12, с. 15]. В день проведения акции из Германии при-

были несколько сот эсэсовцев и отряд гестаповцев, которые с 27 на 28 мая 1942 г. устроили «ночь кошмара». Обергруппенфюрер СС К. Далуеге, назначенный исполняющим обязанности протектора Рейха, развязал террор с целью остановить распространение освободительного движения. За разоблачение покушения на Р. Гейдриха была назначена награда 10 миллионов крон [12, s. 15].

Перед проведением операции по ликвидации Р. Гейдриха организаторами продумывалось и место укрытия парашютистов. Следует обратить внимание и на тот факт, что скрывающиеся парашютисты не были православными, и они вначале обратились за помощью к католическому прелату Становскому, который отказался помочь. Также не помогла и ниодна из инославных церквей [7, с. 149]. Одним из тех, кому было поручено найти убежище для парашютистов, был сотрудник Лиги по борьбе с туберкулезом П. Фарек. Сотрудником этой организации также являлся Я. Зоневенд, староста православного кафедрального храма во имя святых Кирилла и Мефодия в Праге. П. Фарек обратился к Я. Зоневенду с просьбой помочь укрыть незарегистрированных в полиции особ, так как это было в интересах народа. Я. Зоневенд обсудил эту просьбу с В. Петржеком, священником православного кафедрального собора во имя святых Кирилла и Мефодия в Праге, который согласился временно укрыть этих людей в крипте кафедрального храма. После покушения на Р. Гейдриха один из участников операции Я. Зеленка-Гайский посетил Я. Зоневенда и отца Владимира Петржека. Они разработали точный план прихода парашютистов. В результате в крипте кафедрального храма во имя святых Кирилла и Мефодия на Ресловой улице в Праге нашли себе убежище Я. Кубиш, Й. Габчик, А. Опалка, Й. Вальчик, Я. Шварц, Й. Бублик и Я. Грубый. Отец Владимир Петржек принимал парашютистов, обеспечивал их продуктами и газетами, долго с парашютистами беседовал и организовывал для них связь с другими участниками операции и знакомыми. Помощь парашютистам оказывали как отряды освободительного движения, так и отдельные лица. Настоятель кафедрального храма отец Вячеслав Чикл и пономарь Вячеслав Орнест узнали о скрывающихся парашютистах позднее. В крипте храма парашютисты пробыли в течение 22-х дней, готовясь к переходу в более безопасное место. Узнав об этом, владыка Горазд одобрил действия своего духовенства, но был очень обеспокоен, понимая, что если нацисты раскроют тайник, то вся Чешская Православная Церковь подвергнется репрессиям. Перед отъездом 11 июня в Берлин, куда его пригласил митрополит Серафим для участия в хиротонии епископа Потсдамского Филиппа (Гарднера), епископ Горазд просил, чтобы парашютисты были как можно скорее переправлены в другое убежище [13, s. 224].

Но 16 июня один из парашютистов, Карел Чурда, под страхом ежедневных казней и террора добровольно явился в гестапо и информировал о месте нахождения парашютистов [14, s. 145]. «18 июня в два часа ночи был дан приказ окружить кафедральный храм во имя святых Кирилла и Мефодия. Против семи парашютистов гестапо выслало около 800 солдат, из них 360 членов дозорного батальона СС «Прага». Операция началась в 4.15 утра. Согласно приказу, парашютистов необходимо было взять живыми. Два часа шла перестрелка. Оставшиеся парашютисты воевали в крипте до последних сил. Последние патроны они оставили для себя» [12, s. 20].

Еще до начала и во время осады было арестовано духовенство: священники В. Петржек и В. Чикл, староста Я. Зоневенд, пономарь В. Орнест и их семьи. Об этих трагических событиях епископ Горазд узнал во время богослужения в берлинском русском соборе. В своих воспоминаниях И. Никиташин писал: «Во время малого входа к епископу Горазду на кафедру подходит кто-то в штатском и передает записку. Епископ Горазд зашатался, страшно побледнел, спустился с кафедры и ушел в алтарь. Владыка (епископ Сергей (Королев) – А.П.) стоял рядом. “Пойди, мальчик, может быть, надо помочь”, – говорит, наклоняясь ко мне, Владыка. (Тогда я уже был хирургом). Про-

шел в алтарь. Епископ Горазд лежит на чем-то, как бы на кушетке... Разоблачился, но не ушел из алтаря. Как мы потом узнали, в записке епископу Горазду сообщали, что в его храме на Рессловой улице нашли скрывавшихся в нем чехов-парашютистов, убивших рейхспротектора Гейдриха» [10, с. 130].

На следующий день, 19 июля 1942 г., епископ Горазд во имя спасения Чешской Православной Церкви взял всю ответственность за произошедшее на себя и написал три письма: премьер-министру Я. Крейчиму, министру образования и просвещения Э. Моравцу и в управление протектора Рейха, – в которых говорил: «Я предаю себя в распоряжение подлежащих властей и готов понести любое наказание, вплоть до смертной казни» [10, с. 130]. За день до ареста епископа Горазда, 24 июня 1942 г., нацистами, в связи с гибелью Р. Гейдриха, были расстреляны 33 жителя деревни Лежаки, 14 детей было вывезено в Германию. Деревня была стерта с лица земли. По данным рапорта К. Далуге, посланного А. Гитлеру, с 27 мая по 3 июля 1942 г в связи с покушением на Р. Гейдриха было расстреляно 1 357 человек, которые «одобряли покушение» [11]. 26 июня епископ Горазд был арестован и после двух месяцев допросов и пыток 3 сентября вместе с протоиерем В. Чиклом, священником В. Петржеком и Я. Зонневендом приговорен военным судом к смертной казни. 4 сентября 1942 г. владыка Горазд и еще двое осужденных были расстреляны на полигоне в Кобылисах (сегодня это один из районов Праги). Священник В. Петржек был расстрелян на день позже, 5 сентября [15, с. 42]. Тела мучеников немцы увезли и кремировали, о чем свидетельствует «Prazska crematoria», на которую ссылается иеромонах Кирилл (Поспишил) в исследовании по данной теме. Не сожжено было только тело В. Чикла, оно было передано для исследования в анатомический институт [7, с. 155]. Немецкая пресса, сообщая о казни осужденных, отмечала: «Особенно отвратительную роль играл епископ Чешской Православной Церкви Горазд. Прекрасно зная, что убийцы спрятались в его церкви, он поехал в Берлин к митрополиту Серафиму, юрисдикции которого Чешская Православная Церковь подчинилась, из соображений осторожности» [9].

За помощь парашютистам гестапо схватило 263 человека и направлены в Малую крепость Терезин. 22 октября арестованные были отправлены в концлагерь Маутхаузен, а 24 октября все они были расстреляны [13, с. 228]. Из записки застольных бесед А. Гитлера в ставке верховного командования можно сделать вывод, что события в Праге глубоко поразили его, и, вероятно, фюрер был лично причастен к проведению репрессий против православных священнослужителей. 4 июля 1942 г., говоря об антигосударственных поступках Церкви, Гитлер с возмущением заявил: «Достаточно вспомнить о тесном сотрудничестве церкви с убийцами Гейдриха. Они не только предоставили убежище в одном из храмов в предместье Праги, но и дали им, а также пробравшемуся к ним священнику, возможность хорошенько подготовиться в этом храме за алтарем к защите» [9].

Протектор Рейха в Чехии и Моравии Декретом от 27 сентября 1942 г. объявил Православную Церковь вне закона: «Государственный протектор в Чехии и Моравии на основании параграфа 13 распоряжения об организации управления и немецкой полиции Чехии и Моравии от 1 сентября 1939 года сделал следующее мероприятие: Чешские православные религиозные общины Сербской и Константинопольской юрисдикций в Протекторате Чехии и Моравии распускаются. Продолжать всякую деятельность в этих религиозных общинах запрещается. На имущество этих религиозных общин, по смыслу параграфа 2 распоряжения о конфискации имущества в Протекторате Чехии и Моравии от 4 октября 1939 года, налагается конфискация, и тайная полиция может это имущество конфисковать для государства, пока государственный протектор в Чехии и Моравии не сделает другого мероприятия. Это мероприятие приобретает действительность с объявления в дневной прессе. Далуге – обергруппенфюрер СС и гене-

рал-оберст полиции» [7, с. 157]. Имущество Церкви было конфисковано в пользу Рейха. Священники Чешской Православной Церкви были вывезены в Германию на принудительные работы или отправлены в концлагеря. Под угрозой смерти были запрещены богослужения и какая бы то ни было деятельность Православной Церкви [16, с. 109]. Храмы были превращены в склады, хранилища или разрушены, а православные чехи были зарегистрированы как политически неблагонадежные лица и находились под особым наблюдением гестапо.

Мученической смертью деятельность первого православного епископа Чешского и Моравско-Силезского Горазда была насильственно остановлена. Чешские верующие и священники принесли себя в жертву людям и народу, в будущее которого они верили. Г. Брянцев в романе «Это было в Праге» писал: «Ни один добрый чех до конца дней своих не забудет этих служителей Церкви. Да, это были люди! Люди, шедшие вместе с народом и погибшие за его свободу» [17, с. 335].

Православная Церковь и правительство ЧСР высоко оценили подвиг владыки Горазда. 28 октября 1945 г. Преосвященнейший Горазд и другие представители Православной Церкви, положившие свою жизнь в борьбе против фашистов, посмертно были награждены чехословацким военным крестом «In memoriam» («В память»). Пресса ЧСР дала этим патриотическим действиям Чешской Православной Церкви следующую оценку: «Гейдриха надо было устранить, ибо нужно было в последнюю минуту прекратить комедию с так называемой расширенной автономией, которая должна была быть объявленной в день устранения Гейдриха, и вместе с этим мобилизованы чехи против Советского Союза» [18, с. 159].

Владыка Горазд был прославлен СПЦ как новомученик в 1961 г. [19, с. 26] Православная Церковь в Чехословакии причислила епископа Горазда к лику святых новомучеников в 1987 г., установив день трагической кончины 4 сентября днем его памяти [20]. Именем Преосвященнейшего епископа Горазда сегодня названы площади и улицы в Праге, Брно, Оломоуце и в других городах Чехии.

Заключение

В результате событий, описанных выше, официально чешские православные общины прекратили свое существование, но, несмотря на это, продолжали функционировать подпольно. А мученическая кровь первого чешского епископа и его единомышленников, пролитая за родину, стала основанием для обретения Православной Церкви в Чехословакии самостоятельности в 1951 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

РПЦЗ – Русская Православная Церковь Заграницей

СПЦ – Сербская Православная Церковь

ЧСР – Чехословацкая республика

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Травкин, Е.Н. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией 29 сентября 1938 г. / Е.Н. Травкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hrono.info/dokum/myunh1938.html>. – Дата доступа : 15.02.2008.

2. Фейсак, И. Православная Церковь в Чехословакии. Путь к автокефалии / И. Фейсак // Журнал Московской Патриархии. – 1981. – № 12. – С. 48–53.

3. Кирилл (Поспишил), иеромонах. История Православия в Чехословакии с IX по XX век / (Поспишил) Кирилл // Православная мысль. – Прага, 1959. – № 3–4. – С. 206–231.
4. Vopartný, G. Dědictví Otců. Osudy svaté pravoslavné víry na území bývalého Československa / G.Vopartný. – Praha, 1999. – 167 s.
5. Бурега, В.В. Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских землях и в Словакии в XX веке / В.В. Бурега // Церковно-исторический вестник. – М., 2002. – № 9. – С. 154–185.
6. Situační zprava pravoslavné církve // Národní Archiv, Praha. – Státní úrad pro věci církevní. – Č.j. – 2330/53-1. – 9.VI.1953.
7. Кирилл (Поспишил), иеромонах. Труды епископа Горазда (Павлика) по возрождению и укреплению Православия в Чехословакии / (Поспишил) Кирилл. – Загорск, Свято-Троице Сергиева Лавра, 1959. – 175 с.
8. Бурега, В.В. Горазд (Павлик Матей) / В.В. Бурега // Православная Энциклопедия. – М. : Православная Энциклопедия, 2006. – Т. XII. – С. 88–92.
9. Шкаровский, М.В. Православная Церковь в Чехии в годы II мировой войны / М.В. Шкаровский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ricolor.org/europe/zchehia/mp/2_ww/. – Дата доступа : 19.04.2007.
10. Горазд, монах. Судьбы святой православной веры на территории бывшей Чехословакии / Монах Горазд // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. – Джорданвилль : Типография преп. Иова Почаевского. Свято-Троицкий монастырь, 2000. – С. 109–146.
11. Православный храм Св. Кирилла и Мефодия: большой подвиг небольшой Церкви // Mitropolitní Archiv. – Most, složka. – «R. 1986, 1987».
12. Šuvarsky, J. Pravoslavný katedrálni chrám sv. Cyrila a Metodeje. Narodní památník obeti heydrichiady / J. Šuvarsky, E. Šuvarska. – Praha, 1995. – 62 s.
13. Šuvarsky, J. Biskup Gorazd / J. Šuvarsky. – Praha : Metropolitní Rada Pravoslavné Církve ČSSR, 1979. – 258 s.
14. Čestmír, Kráčmar. Panychida za statečně / Kráčmar Čestmír. – Praha, 1989. – 87 s.
15. Šuvarsky, J. Svätý Gorazd. První pravoslavný český a moravsko-slezský (Matěj Pavlík 1879–1942) / J. Šuvarsky, E. Šuvarska. – Praha, 2009. – 64 s.
16. Новак Г., протоиерей. Православная Церковь в ЧССР / Протоиерей Г. Новак // Ежегодник Православной Церкви в Чехословакии. – Прага, – 1960. – С. 103–112.
17. Брянцев, Г. Это было в Праге / Г. Брянцев. – Минск, 1956. – 634 с.
18. Бессонов, М.Н. Православие в наши дни / М.Н. Бессонов. – М., 1990. – 301 с.
19. Biskup, Gorazd. Z Dila / Gorazd Biskup. – Praha, 1988. – 315 s.
20. Из деяний Священного Синода Православной Церкви в Чехословакии от 04.09.1987 г. // Mitropolitní Archiv. – Most, složka. – «R. 1986, 1987».

Petrusevich A.A. Position of Orthodox Church in Czechoslovakia during World War II

The author of article describes the events of World War II which have affected life of Orthodox Church on the territory of the modern Czech Republic and Slovakia, and gives a current situation assessment during the specified period. After World War I and until the end of the 1930th it was possible to call the period time of active revival of Orthodoxy in the new formed Czechoslovakia. But World War II brought in life as the states, and Churches serious shocks, up to the announcement of Orthodox Church beyond the law. The special attention in article is paid to the event description from life of Orthodox Church in Czechoslovakia which in many respects predetermined further position of Church is an event became history under the name «Feat in the Prague Cathedral».

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.05.2014

УДК 94(476) «1941/1944»: 619

Е.А. Гребень

ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье на основе ранее значительного массива архивных документов рассматривается не изученный аспект экономической политики нацистов в Беларуси, как система ветеринарии. Отмечается, что нарушение функционирования довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миг-раций населения на оккупированной территории приводило к резкому увеличению эпизоотических заболеваний по сравнению с довоенным временем, что сокращало поголовье скота и усложняло суровую оккупационную действительность. Реконструирован механизм функционирования ветеринарных структур в составе органов коллаборационной администрации, на конкретных примерах охарактеризованы меры по борьбе с эпизоотией, показаны масштабы заболеваний скота в период оккупации. Констатируется, что вынужденное внимание немецкой оккупационной к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории.

Введение

Нацистский оккупационный режим на территории Беларуси достаточно подробно разработан в отечественной историографии. В то же время колоссальная база источников позволяет более детально исследовать различные аспекты немецкой оккупационной политики. Целью статьи является реконструкция ветеринарной системы периода нацистской оккупации и оценка эффективности ее функционирования.

Нарушение работы довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миграций населения на оккупированной территории приводило к росту эпизоотических заболеваний, что сокращало поголовье скота и еще более усложняло и без того суровую оккупационную действительность.

Формирование ветеринарных структур

Уже осенью 1941 г. в составе коллаборационной администрации были созданы подразделения ветеринарных служб. Документы коллаборационной администрации дают представление о функционировании ветеринарных структур. Например, в Могилеве до весны 1942 г. городской ветеринарный отдел отсутствовал, ветеринарной помощью занимался земельный отдел, в штате которого состоял городской ветеринарно-санитарный врач. С 1.04.1942 г. в составе городского управления был создан ветеринарный отдел как отдельная административная единица со штатом 4 чел.: начальник отдела – ветврач, ветеринарный фельдшер, секретарь-счетовод, кучер-конюх. В подчинении отдела находились две бойни, на которых работало 2 ветврача (они же заведующие боен), 2 убойщика скота и 2 сторожа. Отдел выполнял функции, практически аналогичные довоенным, с той разницей, что в его подчинении не было уже лечебного учреждения как в довоенные годы, ветлечебница подчинялась ветеринарному отделу Могилевской районной управы. Отделу подчинялись две скотобойни со штатом ветврач, забойщик скота и сторож в каждой. Ветеринарный отдел выполнял такие же функции, что и до войны, с той лишь разницей, что городская ветлечебница находилась в ведении районного ветеринарного отдела; специальные мясоконтрольные станции отсутствовали, и осмотр мяса производился на бойнях. В функции отдела входил учет и оборудование кузниц в городе, проведение туберкуликации, борьба с эпизоотией ящура путем карантина, дезинфекции, лечения и вакцинации, периодическая проверка состояния пригородных хо-

зайств, гужевого транспорта, заготовительных и мясных складов, столовых. Работа ветеринарного отдела курировалась ветеринарным отделом фельдкомендатуры [1, л. 48].

С момента организации первыми мероприятиями ветотдела были: учет всех кузниц и их оборудования; проведена проверка на туберкулез всего крупного рогатого скота в городе путем туберкулезаии; борьба с эпизоотией ящура путем введения карантина, лечения заболевших животных, дезинфекции помещений. Работники ветотдела периодически проводили проверку ветеринарного состояния пригородных хозяйств, гужевого транспорта, складов Заготскот, шерсти и пушнины, мясных складов и столовых городского управления. Все мероприятия проводились в контакте и под наблюдением ветеринарного отдела Полевой и местной комендатур [1, с. 48].

Лепельский район обслуживала ветеринарная лечебница в Лепеле и 7 ветеринарных пунктов в местечках Камень, Пышно, деревнях Несино, Ляховичи, Волосовичи, Свяда, Воронь. В 1942 г. в районе фиксировались такие заболевания скота, как рожа свиней (Лепель, Лепельская, Каменская и Полянская волости), чесотка лошадей (Несинская, Каменская, Пышнянская, Лепельская, Стайская волости), энцефало-миелит лошадей (Волосовичская волость), чума свиней (Полянская волость) и чесотка овец (Сущанская волость) [2, с. 136–137].

Многие граждане не могли обращаться в ветеринарные службы из-за высокой стоимости услуг. В качестве иллюстрации можно привести расценки на ветеринарные услуги в Гомельском округе, утвержденные на период с 1.09.1941 г. по 1.01.1942 г. Первичный прием ветеринаром крупного рогатого скота и лошадей стоил 15 руб., повторный – 5 руб., мелкого рогатого скота и свиней – 10 и 2 руб. соответственно, птиц и кроликов – 3 и 1 руб., собак и кошек – 10 и 2 руб.; вызов на дом ветеринара к животным всех видов стоил 30 руб., экспертиза на предмет определения трудоспособности – 25 руб. (на дому – 50 руб.); кастрация – 10–30 руб. (на дому – 15–50 руб.); туберкулезаии и маллеинизация – 5 руб. [3, с. 92]. 3.01.1944 г. было издано распоряжение начальника Борисовского округа о порядке взимания сборов с населения за ветеринарную помощь. Частная ветеринарная практика временно воспрещалась, оплата ветперсонала производилась по установленным окладам с возможностью компенсации дополнительного вознаграждения в случае лечения животного вне места жительства ветеринарного работника (10 руб. за каждые 3 км.), при оказании помощи во время действия комендантского часа и ночное время (от 50 до 100% от установленных сборов). Амбулаторное лечение в лечебнице или фельдшерском пункте мелких животных составляло 10 руб., крупных животных 20 руб.; стационарное лечение крупных и мелких животных стоило 10 руб., причем питание предоставлял владелец животного; исследования во время беременности – 20–40 руб., помощь при родах мелким животным – 30–60 руб., крупным – 60–150 руб.; кастрация и прочие хирургические действия оценивались в 10–200 руб. в зависимости от возраста и размера животного; лечение ран стоило 15 руб., лечение внутренних заболеваний – 10–50 руб.; уничтожение паразитов в газовой камере – 25–40 руб., инъекции и вакцинация – 10–30 руб.; обследование убитого скота – 15–30 руб.; выдача ветеринарного свидетельства – 5 руб.; выдача свидетельства о состоянии здоровья животного для судебных целей или подтверждения временной нетрудоспособности – 50 руб. [4, с. 1–2].

К концу оккупации вследствие возрастающей важности сохранения конского поголовья, которое катастрофически сокращалось, могла практиковаться бесплатная помощь владельцам лошадей. Приказом начальника Березинского окружного управления от 21.04.1944 г. в целях борьбы с эпизоотией чесотки отменялась оплата за лечение лошадей в газокамерах. Как и прежде владельцы лошадей были обязаны приводить животных на лечение; за уклонение от лечения или нарушение установленного курса ле-

чения полагался штраф до 2 000 руб. с возможной заменой его принудительными работами сроком на месяц [5, с. 26].

Профилактика

Ветеринарные подразделения коллаборационной администрации постоянно осуществляли мониторинг эпизоотической ситуации и проводили профилактические мероприятия. Вспышки эпизоотии фиксировались уже осенью 1941 г. В декабре 1941 г. в Браславском районе наблюдалась чесотка коней. Крестьянам рекомендовалось обращаться за ветеринарной помощью (платной), заболевшие кони могли использоваться только на территории своего хозяйства (карантинная мера) во избежание дальнейшего распространения инфекции. Районный ветеринарный врач сообщил всем ветеринарным пунктам разработанный проф. Демьяновичем способ (характеризуется как простой и эффективный) лечения чесотки у лошадей: в остриженную и вымытую мылом кожу животного рекомендовалось втирать 60% раствор гипосульфита (серноватисто-кислого натрия), после высыхания кожи через 3–3,5 часа водный раствор соляной кислоты, повторяя процедуру дважды в день, после чего лошади давался 2–3-дневный отдых и усиленное питание. В случае тяжелого заболевания процедура повторялась [6, с. 18].

Для предотвращения эпидемий проводился обязательный осмотр скота. На основании приказа Могилевского городского управления № 66 от 2.10.1941 г. предписывалось провести поголовное обследование крупного рогатого скота на бруцеллез по реакции Райта в срок с 27.10 по 29.10.1941 г. 27.10 планировалось обследование скота, владельцы которого проживали в поселке и станции Луполово, поселке Броды, Авторемонтного завода и торфозавода Гребенево, 29.10 – граждане, проживавшие в остальной части города. За взятие пробы и исследование в Облветлаборатории взималась плата 10 руб. за голову, за уклонение от доставки скота предусматривался штраф в размере 50 руб. и принудительная доставка скота полицией на осмотр [7, с. 98А]. Начальник Клецкой районной управы предписывал волостным бургомистрам организовать 3.05.1943 г. прививки против рожи свиней старше двух месяцев и присутствовать при вакцинации. Устанавливалась плата за прививку: для государственного ветеринарного фельдшера – 0,2 марки за голову скота, для ветврача – 0,3 марки, для частнопрактикующих ветфельдшера и ветврача – 0,3 и 0,4 марки соответственно [8, с. 126]. Оршанское районное земельное управление 4.05.1943 г. поручило бургомистру Орши обеспечить доставку поголовья коз для осмотра к 9.00 11.05.1943 г. на площадь возле бывшего кинотеатра [9, с. 203].

В рамках профилактических мероприятий проводилась маллеинизация скота (метод диагностического обследования животных на заболевание сапом). На основании приказа № 5 от 1.06.1943 г. по Осиповичскому окружному управлению предписывалось провести ряд мероприятий в целях предохранения домашних животных от заразных заболеваний: провести дезинфекцию в подозрительных хозяйствах; провести 100-процентную туберкулизацию крупного рогатого скота (с оплатой по 20 руб. за голову); с целью предотвращения распространения заболевания сапом (поскольку лошади поступали в округ из разных мест) провести маллеинизацию всех лошадей (с оплатой по 25 руб. за голову) начиная с двухлетнего возраста. Ответственность возлагалась на начальников районов и волостей, которые также должны были обеспечить лошадей сеном на одни сутки. Владельцы должны были иметь при себе документы на лошадь, в которых ставилась отметка о маллеинизации. За уклонение от процедуры или отсутствие отметки высказывалась угроза конфискации лошади [10, с. 23]. Данное мероприятие в округе проводилось ежегодно. С 10.03 по 21.03.1944 г. в Осиповичской райветлечебнице планировалось провести маллеинизацию конского поголовья из 9 волостей Осиповичского района и г. Осиповичи [11, с. 196].

Приказом по Глусской городской управе от 26.05.1943 г. жителям г. Глусска предписывалось 29.05.1943 г. к 7.00 привести в городскую ветлечебницу лошадей для проверки (выявление чесотки и т.д.). В случае опоздания владельца лошадь задерживалась на двое суток, а за уклонение от осмотра грозил штраф 1 000 руб. или 3-месячное заключение в трудовом лагере. Аналогичный приказ ранее издала и Глусская районная управа [12, с. 154, 183]. В марте 1943 г. аналогичные мероприятия по инициативе сельскохозяйственной комендатуры проводились на территории Клецкого района. Коневладельцы были обязаны с 4.03 до 23.03.1943 г. привести в Клецк лошадей для осмотра, имея при себе свидетельство об осмотре за 1942 г. [13, с. 16].

Рейхскомиссар Украины в своем циркуляре генеральным комиссарам от 5.03.1942 г. требовал принять меры по борьбе с болезнями овец (парши и др.), поскольку в будущем регион предназначался для разведения овец, для чего планировалось привезти из Германии необходимые средства. В приложении пересылались инструкции на русском языке относительно борьбы с паршой, в которых регламентировался производить обследования поголовья (отмечалось, что в реальности заболеваний значительно больше, нежели указывается в статистических отчетах), организовывать стационарные и переносные купальни для овец [14, с. 28].

Несмотря на профилактические мероприятия эпизоотическая обстановка в годы оккупации оставалась сложной, что признавали местные власти различных территориально-административных единиц. В отчете о деятельности Осиповичского окружного управления за ноябрь 1943 г. отмечался рост заболеваний домашних животных, в первую очередь, заболеваний органов пищеварения, причиной чему, по мнению администрации служило неправильное питание и дефицит кормов, а также небрежное обращение с животными [15, с. 51]. В аналогичном отчете об эпизоотической ситуации в Пинском Западном районе за 1-ый квартал 1943 г. отмечалось заболевание лошадей лимфогонитом, случаи свиной чумы в двух населенных пунктах (часть свиней пала или была зарезана). В районе работал следующий ветеринарный персонал: ветврач, заведующий районной ветлечебницей в Жабчицах, ветфельдшер, санитар-дезинфектор. За 1-ый квартал 1943 г. было осмотрено 216 животных (102 лошади, 68 голов крупного рогатого скота, 41 свинья, 5 животных других видов), за предоставление ветеринарных услуг было получено 1 589,5 карбованцев: 498,5 за медикаменты и 1091 за осмотр и консультацию. Ветперсонал провел 90 служебных выездов. Состояние скотомогильника оценивалось как удовлетворительное [16, с. 5–5 об.].

В докладной записке начальника Холопеничского района Березинскому окружному управлению и Холопеничской ортскомендатуре от 17.02.1944 г. констатировалось, что после проверки конского поголовья был установлен рост чесотки на 243 головы вместо имевшихся ранее 400 заболевших лошадей, что объяснялось прибытием на территории, подконтрольные оккупационным властям, лошадей из партизанских зон (очевидно, как результат проведенной карательной операции). В районе функционировало 3 противочесоточные газокамеры. За прошедший месяц в районе были зафиксированы 3 случая заболеваний свиней чумой, 1 случай заболевания бациллярной рожей и 2 случая пироплазмоза у крупного рогатого скота, причем констатировалось, что препаратов, необходимых для лечения данных заболеваний, не имелось. На фоне неблагополучной эпизоотической ситуации районная управа ходатайствовала перед фельдкомендатурой о выделении значительного количества медикаментов, биопрепаратов и инструментов [17, с. 56].

Аналогичную ситуацию констатировала и Бобруйская городская управа. В распоряжении бургомистра Бобруйска от 13.01.1944 г. «О борьбе с чесоткой лошадей» отмечалось значительное увеличение количества лошадей, пораженных чесоткой, причем, по данным городской администрации, их владельцы не только не подвергали их

лечению, но и использовали на работах вместе со здоровыми лошадьми, распространяя болезнь. Бургомистр предупреждал владельцев лошадей о наказании в случае обнаружения ветнадзором чесоточных лошадей и обязывал в течение 24 часов подать заявление о болезни животного в домоуправление. Домоуправлениям вменялось в обязанность составить списки больных лошадей, передав копию городскому ветврачу; на воротах дворов, в которых имелись чесоточные лошади, необходимо было вывешивать объявление на немецком и русском языках [18, с. 23].

С осени 1941 г. и на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавались распоряжения относительно содержания собак. В целях профилактики борьбы с бешенством их владельцам предписывалось держать всех собак (а в некоторых случаях и кошек!) на привязи. Полиции приказывалось отстреливать свободно бегущих животных. Немедленному уничтожению подлежали также животные, больные бешенством и с подозрением на заболевание бешенством, трупы животных следовало глубоко закапывать. Исключение составляли служебные и охотничьи собаки и сельскохозяйственные животные, которые ввиду своей ценности могли быть подвергнуты предохранительным прививкам и 6-месячному ветеринарному наблюдению [19, с. 74; 20, с. 350].

Наличие животных, больных бешенством, в ряде случаев наносило урон людям и домашним животным. В административной переписке коллаборационной администрации фиксировались случаи укусов бешеными собаками домашнего скота, который приходилось забивать [21, с. 9]. Могилевский бургомистр 6.09.1943 г. предписал начальнику уголовно-розыскной полиции немедленно изъять у двух граждан теленка и свинью, покусанных бешеной собакой, и доставить их на бойню; городскому ветврачу произвести осмотр мяса [22].

Был регламентирован порядок отлова бродячих животных. В распоряжении Слонимской городской управы от 29.09.1942 г. отмечалось, что специально назначенный городской собаколов обязан производить отлов собак ежедневно с 7.00 до 9.00 и с 18.00 до 19.00. Пойманную собаку надлежало держать двое суток, после чего она уничтожалась. Если владелец желал забрать животное, он уплачивал 2 марки собаколову. Шкуры и жир убитых животных поступали в распоряжение городской управы [23, с. 55]. Полевая комендатура в письме к бургомистру Могилева 5.01.1942 г. отмечала, что изданный им ранее приказ о борьбе с бешенством и уничтожении всех бродячих собак не выполняется. Главе городской администрации предлагалось назначить специального ловца собак (как это практиковалось до войны) с оплатой 1 марка за каждую пойманную собаку. Шкуры убитых собак с целью контроля надлежало сдавать в комендатуру [24, с. 21].

Коллаборационная администрация предпринимала попытки взять на ветеринарный контроль систему общественного питания и торговли. На основании приказа № 104 по Лепельскому окружному управлению от 16.11.1943 г. в целях контроля за выпускаемыми и продаваемыми продуктами питания предписывалось установить ветеринарно-санитарный надзор за скотобойней, складами мясной продукции, столовыми и рынками округа. Районные ветеринарные лечебницы были обязаны осматривать и клеймить мясо, идущее на продажу. Надзор осуществляли районные ветврачи, а в г. Лепеле окружной ветврач, который совместно с полицией осуществлял общий контроль за выполнением приказа [25, с. 174–174об]. Практика ветеринарного осмотра продаваемого на рынках мяса вводилась повсеместно, но не всегда давала эффект. Например, санитарный врач Бобруйска в марте 1944 г. жаловался городскому ветеринарному врачу на частое отсутствие сотрудника в ветлаборатории, которого продавцы не могут застать на месте [26, с. 69].

Обязательному ветеринарному осмотру подлежал павший скот. Ветеринар или глава местной администрации, составляли специальный акт. Староста дер. Нивки Тереховского района 13.05.1943 г. составил акт в том, что принадлежавшая жителю этой деревни кобыла трех лет пала по причине воспаления кишечника [27, с. 13]. Брест-

ская городская ветеринарная лечебница 5.11.1942 г. выдала гражданину справку о том, что принадлежавший ему конь 22 лет пал в результате хронической болезни (катар желудка и кишечника) [28, с. 4]. В акте ветврача Березинского района от 26.07.1942 г. отмечалось, что переданная районной Заготбазе корова заболела злокачественной катаральной горячкой тяжелой формы. Предписывалось безотлагательно произвести убой животного, а мясо использовать в пищу только после предварительного ветеринарно-санитарного осмотра [29, с. 117–117об].

Оккупационные власти пытались рационально использовать павших животных. Согласно приказу Барановичского гебитскомиссара, опубликованном в Листке правительственных объявлений комиссара Барановичского округа от 28.12.1941 г. предписывалось все трупы павших коней после ветеринарного осмотра доставлять на лисью ферму в Новой Мыши в качестве корма для разводимых там лис. Самостоятельное захоронение трупов павших животных не разрешалось [30, с. 1]. Аналогичная практика существовала в рейхскомиссариате «Украина». На основании распоряжения начальника Лунинецкого района Пинского округа от 22.01.1944 г. местному населению предписывалось сдавать павший в результате инфекционных заболеваний скот на салотопку, а шкуры животных после освидетельствования ветеринара сдавать в Заготконттору. Животных, павших от острых инфекционных заболеваний, надлежало сжигать в поле, немедленно сообщая о факт болезни местной администрации [31, с. 2].

Поскольку владельцы лошадей были обязаны исполнять гужевую повинность, в случае болезни лошади граждане обращались к ветврачу за получением свидетельства, в котором указывался срок освобождения от работы. Так, житель Клецкого района 13.05.1943 г. получил свидетельство районного ветврача о болезни лошади с освобождением от тяжелых работ до 1.12.1943 г. [32, с. 40]. 29.09.1942 г. жителю Пинского района старшим ветеринаром района была выдана справка в том, что принадлежавшая ему кобыла больна воспалением слизистой оболочки, на основании чего лошадь освобождается от работы на три дня [33, с. 9].

Карантинные мероприятия

На основании распоряжения Пинского гебитскомиссара в 1942 г. по причине распространения ящура был введен карантин в Лунинецком районе. До полной ликвидации эпизоотии предусматривались следующие ветеринарные мероприятия: запрещался перегон скота за пределы района и выпас его на пастбищах вне района, убой скота без надзора ветперсонала, поставка молока больных коров на маслозаводы, вывоз из района поставка государству мяса и фуража. Молоко для нужд населения предписывалось употреблять только в переработанном виде, на въездных дорогах устанавливались таблички на украинском языке с информацией об эпидемии, организовывалось дежурство сторожей, в охваченных эпизоотией хозяйствах проводилась дезинфекция едким натром [14, с. 103].

После введения карантина составлялся специальный акт. 10.12.1942 г. ветврач Лемешевского ветпункта Пинского района ввел карантин в госимении Бижеревичи по причине падежа свиней от рожи. К моменту составления акта (29.12.1942 г.) после поголовной термометризации и осмотра оставшегося поголовья констатировалось, что животные здоровы, карантинные мероприятия сняты. В процессе карантинных мероприятий был вывезен и сожжен навоз, проведена дезинфекция [14, с. 100].

В Ленинском районе Пинского округа в 1942 г. был определен порядок действий на случай вспышки эпизоотии. Владелец заболевших животных был обязан сообщить об этом старосте деревни или напрямую ветеринару. Староста пересылал заявление в волостную управу и обеспечивал до прибытия ветврача изоляцию заболевших животных, перевод здоровых животных в другое помещение. Запрещалось выводить скот

из данного хозяйства на пастбище и приводит сюда скот из других хозяйств, входит сюда посторонним лицам. Труп павших животных необходимо было сохранять до прибытия ветврача, запрещалось снимать шкуру [34, с. 1]. Иллюстрацией функционирования карантинных мероприятий служит вспышка эпизоотии в дер. Запросье Микашевичской волости Ленинского района в июне 1942 г. В Запросье в двух хуторских хозяйствах скот заболел ящуром. Заведующий ветеринарным фельдшерским участком оповестил Микашевичское волостное управление о случившемся и предложил принять следующие меры: изолировать больных животных, здоровый скот из этих хозяйств не выпасать на общинном пастбище, а пасты около домов, не допускать сюда скот с соседних хуторов, прекратить сдачу молока из этих хозяйств, воспрепятствовать жителям зараженных хуторов выходить за пределы хозяйств, а также запретить посещение Запросья населению из-за Припяти, поскольку, по его мнению, эпизоотия перекинулась с территории Столинского района [34, с. 9].

Карантинные мероприятия могли охватывать как целые районы, потерпевшие от эпизоотии, так и отдельные деревни или дворы. Согласно приказу Могилевского городского управления от 20.02.1942 г. в целях предотвращения распространения ящура дворы двух жителей были подвергнуты карантину. Карантинные мероприятия предусматривали ограничение доступа во дворы посторонних лиц и животных, восприимчивых к эпидемии. Граждане, ухаживающие за животными, должны были иметь отдельные галоши и халат, обязательно дезинфицировать руки и обувь. Средства дезинфекции размещались при входе во двор и в помещения, в которых находился больной скот. Молодняк предписывалось изолировать от остального скота. Молоко и сливки, полученные от зараженных животных, разрешалось использовать только внутри хозяйства в пищу людям и скоту только после обработки (кипячение или подогрев до 80 °С в течение 30 мин.). Хозяева зараженных животных получали предписания, как о них заботиться: больных животных ежедневно необходимо было обеспечивать чистой подстилкой, достаточным количеством чистой воды и специальным питанием (болтушка из отрубей и сена). Скотный двор, загоны и предметы ухода ежедневно необходимо было очищать и раз в три дня дезинфицировать 2%-м раствором едкого натрия, поилки и кормушки обрабатывались 3–5%-м раствором бельевой соды; дезинфекционные средства выдавала ветлаборатория [20, с. 88]. Согласно распоряжению Могилевского бургомистра от 26.05.1942 г., начальнику городской полиции предписывалось установить два заградительных поста (по направлению Луполово и на стыке Гомельского и Оршанского шоссе) с целью избежать проникновения в город животных, больных ящуром [35, с. 290].

Заключение

Вынужденное внимание немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Беларуси. Испытывая острый дефицит гужевого транспорта и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта, оккупационные власти пытались минимизировать урон для постоянно сокращающегося поголовья скота, страдавшего от эпидемических заболеваний. Тем не менее оккупационные власти не смогли взять ситуацию под контроль. Сокращение поголовья скота вследствие эпизоотии еще более осложняло возможность выживания гражданского населения в тяжелейших условиях оккупационной повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 23.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 178.
5. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
6. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
8. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Фонд 1566. – Оп. 1. – Д. 5.
9. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 51.
10. ГАМинО. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3.
11. ГАМО. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 9.
12. ГАМинО. – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 7.
13. ГАМинО. – Фонд 1538. – Оп. 1. – Д. 69.
14. ГАВО. – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 17.
15. ГАМО. – Фонд 847. – Оп. 2. – Д. 1.
16. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2735. – Оп. 1. – Д. 74.
17. ГАМинО. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 49.
18. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 20.
19. ГАВО. – Фонд 2134. – Оп. 1. – Д. 8.
20. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 156.
21. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 4.
22. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 26.
23. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Фонд 660. – Оп. 1. – Д. 2.
24. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 22.
25. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
26. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 3. – Д. 4.
27. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 22.
28. ГАБО. – Фонд 192. – Оп. 1. – Д. 32.
29. ГАМинО. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 225.
30. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4.
31. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 43.
32. ГАМинО. – Фонд 1540. – Оп. 1. – Д. 48.
33. ГАБО. – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 19.
34. ГАБО. – Фонд 2733. – Оп. 1. – Д. 49.
35. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 20.

Greben E.A. Veterinary Service in Belarus during the Nazi Occupation

On the basis of a great amount of archival documents it is examined such unexplored aspect of Nazi economical policy in Belarus as veterinary service. It is pointed out that the breaking of prewar veterinary structures functioning, high cost of veterinary services, chaotic movement of domestic animals after forced migration of population on the occupied territory increased epizootic diseases dramatically in comparison with the prewar situation. This fact decreased flocks of livestock and made severe occupation more difficult. The mechanism of veterinary structures functioning of the occupation authorities is reconstructed. Measures against epizooty are characterized on the concrete examples. It is stated that forced attention of German occupation authorities was as a result of the dramatic decline of livestock on the occupied territory.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2012

УДК 94(438:476) «1928/1930»

А.П. Дзімітрук

РЭГІЯНАЛЬНЫ ЭТАП ФАРМІРАВАННЯ БЕСПАРТЫЙНАГА БЛОКА МАРШАЛА Ю. ПІЛСУДСКАГА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА (1928–1930 гг.))

На падставе матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці адлюстраваны працэс стварэння ўрадавай палітычнай групой супрацоўніцтва з урадам маршала Ю. Пілсудскага на прыкладзе Палескага ваяводства як рэгіянальнай адзінкі. Аналіз генезісу дазволіў аўтару вызначыць яго фазы, акрэсліць сістэму кіравання краем, характар узаемасувязі паміж яе элементамі.

Уводзіны

У польскай, савецкай, беларускай гістарыяграфіі існуюць усяго тры манаграфіі, дзе блок выступае ў якасці аб'екта даследавання [1–3]. Праблему генезісу Беспартыйнага блока супрацоўніцтва з урадам маршала Ю. Пілсудскага (далей – ББСУ) падумаў А. Хайноўскі, але на цэнтральным узроўні, не закранаючы рэгіянальны. На яго погляд, рэгіянальны аспект з'яўляецца ключавым пры вызначэнні характару палітычнай групы. Актуальнасць артыкула абумоўлена яшчэ і тым, што ўпершыню разглядаецца функцыянаванне агульнапольскага ББСУ на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Асаблівасцю крыніцзнаўчай базы па пастаўленым пытанні з'яўляецца яе сціпласць. Дакументы, выпрацаваныя самой палітычнай групой, амаль адсутнічаюць. Найбольш масавай крыніцай інфармацыі аб дзейнасці блока з'яўляюцца справаздачы грамадзянскай і ваеннай адміністрацыі. Але, аналізуючы дзейнасць ББСУ з дапамогай такіх крыніц, даследчык павінен улічваць, што аб'ектыўныя дадзеныя ён атрымлівае не толькі і не столькі аб генезісе і дзейнасці палітычнай групы, колькі аб самім суб'екце. З тэорыі крыніцзнаўства вядома, што інфармацыйную аддачу ад дакументаў магчыма павысіць шляхам вылучэння з іх схаванай інфармацыі, бо вядома, што разам з той інфармацыяй, якую суб'ект імкнецца наўмысна атрымаць ці прадставіць, вылучаецца і інфармацыя празмерная, якая зафіксавана міжвольна і таму невідавочная для суб'екта. Акрамя гэтага, на падставе архіўных матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці ўзнікае магчымасць супастаўлення справаздач ваеннай і грамадзянскай адміністрацыі, што дазваляе таксама верыфіцыраваць крыніцы.

Структурны характар гэтай інфармацыі дазваляе аналізаваць узаемасувязі, уласцівыя разглядаемым з'явам і працэсам, на падставе непасрэдна выражаных у крыніцах дадзеных. Усё гэта абумоўлівае прымяненне ў даследаванні палітычнай групы сістэмнага падыходу як найбольш эфектыўнага метаду.

Падчас выбараў у сейм і сенат 1928 г. Савет міністраў Рэчы Паспалітай Польшчы (назва дзяржавы падаецца згодна з загаловам Канстытуцыі і артыкула 1; далей – РП Польшчы – *А.Д.*) выступіў ініцыятарам стварэння ўрадавай групы. Ён прызначаў, кантраляваў працэс стварэння ваяводскіх рэгіянальных камітэтаў на чале з ваяводамі, якія займаліся не толькі фарміраваннем выбарчых камітэтаў Беспартыйнага блока, але і кіравалі ўсёй выбарчай акцыяй згодна з дырэктывамі ўрада, падпарадкоўваючы грамадскія арганізацыі свайму ўплыву. Іх роля ў якасці кіраўніка грамадскім рухам юрыдычна замацавана ў Распараджэнні прэзідэнта РП Польшчы аб арганізацыі і межах дзейнасці ўлад агульнай адміністрацыі. У сваю чаргу, функцыяй ББСУ падчас выбараў на заходнебеларускіх землях стала мабілізацыя польскага насельніцтва, канцэнтрацыя польскіх галасоў. На першым этапе – гэта шылда для дзейнасці адміністрацыі [4]. У выніку выбарчай акцыі ББСУ атрымаў 130 мандатаў з 444 у сейме і 46 з 111 у сенате.

У канцы сакавіка 1928 г., адразу пасля выбараў, лідары пілсудчыкаў абвясцілі свой намер захаваць ББСУ, па-першае, як адзіны клуб паслоў і сенатараў і стварылі ў сувязі з гэтым арганізацыйны камітэт № 1 і яго прэзідыум на чале з В. Славекам. Па-другое, было абвешчана, што ён будзе дзейнічаць у якасці ваяводскіх груп і на тэрыторыях, дзе да супрацоўніцтва заклікалі «мужоў даверу» і кандыдатаў спіса № 1, якія не прайшлі ў сваіх акругах [1, с. 69].

У красавіку 1928 г. ва ўсіх ваяводствах адбыліся арганізацыйныя з'езды з удзелам паслоў, сенатараў, прадстаўнікоў цэнтральных улад ББСУ (В. Слабек) і прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі. Апошнія былі пачынальнікамі пасяджэнняў: зачытвалі рэфераты, уводзілі сваіх прадстаўнікоў, прапаноўваючы, нават навязваючы тым самым накірунку працы ББСУ. Як вынік – стварэнне пастаянных ваяводскіх бюро ББСУ. Такім чынам, парламенцкі клуб арганізацыі выкарыстоўваўся ўладамі як база для стварэння сеткі на месцах.

Калі суаднесці дадзеныя адміністрацыйных улад, то заўважым, што працэс стварэння рэгіянальных структур блока ў 1928 г. у Палескім ваяводстве таксама супадае па часе з выбарамі, але ўжо на мясцовым узроўні. З красавіка 1928 г. была абвешчана выбарчая акцыя ў гарадскія рады павятовых гарадоў. У маі 1928 г. у сувязі з гэтым былі створаны выбарчыя камітэты розных партый, у тым ліку Камітэт беспартыйнага блока працы самакіравання. Цікавае выклікае факт, што непасрэдна напярэдадні выбараў у гарадскую раду Брэста, якія адбыліся ў сярэдзіне чэрвеня, быў аформлены ваяводскі сакратарыят у Брэсце (1 чэрвеня 1928 г.). Акрамя гэтага, у выніку выбараў у гарадскія рады павятовых гарадоў, па-першае, было пашырана ў іх хрысціянскае прадстаўніцтва; па-другое, адначасова ствараліся арганізацыйныя структуры ББСУ [5, с. 2, 15, 21, 32].

Найбольш важнымі акцыямі восенню 1928 г. былі ўстаноўчы з'езд Арганізацыі сярэдняга стана на ўсходніх землях, практычным вынікам якога стала не толькі стварэнне арганізацыі, але і выбарчага камітэта для правядзення выбараў у Рамесную палату [6, с. 50; 7, с. 80, 102], гмінныя выбары і раскол у ППС, які адбыўся на цэнтральным узроўні, але закрануў і мясцовыя пляцоўкі.

На працягу верасня–лістапада 1928 г. паэтапна праводзяцца гмінныя выбары. Напрыклад, у Драгічынскім павеце выбарчы каляндар паказвае дакладную прадуманасць акцыі: 7 верасня выбіралі гмінных радных у Драгічыне, 8 – у Моталі і Бездзежы, 10 – Хомску, 11 – Янаве, 13 – Асоцах. Адзначаецца, што ў іх склад увайшло 20% палякаў [6, с. 135; 7, с. 65]. Адначасова напярэдадні саміх выбараў у кастрычніку 1928 г. ваяводскі сакратарыят арганізаваў павятовыя сакратарыяты [7, с. 47].

У лістападзе–снежні 1928 г. аднавіла сваю дзейнасць Польшкае таварыства «Белы крыж», таксама быў створаны ў Брэсце Саюз грамадзянскай працы жанчын. Да майскага перавароту пілсудчыкі праяўлялі цікавасць да стварэння базы лагера праз легальныя грамадскія арганізацыі, а пачынаючы з 1926 г. працэс набыў планавы, сістэмны характар. Прычым займацца гэтай справай пачалі ваяводы, старасты. «Сетка кааператываў, кас Стэфчука, гандлёвых, малочных таварыстваў пакрыла Палескае і Навагрудскае ваяводствавы. Паўсюдна пры выдатнай дапамозе адміністрацыйных улад» [8]. Фінансаванне большасці з іх вялося ваяводскай радай, пэўнымі міністэрствамі праз цэнтральныя органы арганізацыі.

Аднак калі назіраць за справаздачамі, то можна заўважыць, што кіраўніцтва ДАК ІХ адзначала: напрыканцы 1928 г. ББСУ з кожным днём усё больш страчваў кантакт з выбаршчыкамі і адхіляўся ад ходу грамадскага жыцця, назіраўся масавы пераход служачых у апазіцыйныя партыі [8, с. 10]. Ваенныя ўлады характарызувалі рэгіянальныя гурты як «род бюракратычных устаноў» [8, с. 10]. Фактычна са сканчэннем серыі выбараў ББСУ не змог развіць ніякай іншай дзейнасці на дадзеных тэрыторыях. А ў пачатку 1929 г. ББСУ страціў свой ўплыў і ў Палескім, і ў Навагрудскім ваяводст-

вах [9]. Кіраўнік ДАК ІХ адзначаў: «Нягледзячы на тое, што колькасна прадстаўляецца грунтоўна, ўсё ж гэта фікцыя» [10; 11, с. 133–134].

З сакавіка па май 1929 г. ББСУ імкнуўся павысіць свой прэстыж праз правядзенне рэгіянальных з'ездаў і завязванне кантактаў з польскім грамадствам [12]. Праходзіла рэарганізацыя выбарчых камітэтаў ББСУ ў гарадскія ці павятовыя рады. На Палессі яна праходзіла ў перыяд з 9 лютага па 6 сакавіка 1929 г. [13, с. 46; 14, с. 22–30]. Найбольш значнай падзеяй стаў з'езд функцыянераў Блока, на які 10 мая 1929 г. у Брэсце над Бугам сабраліся прадстаўнікі павятовых рад Палескага ваяводства і пасольскага Палескага клуба ББСУ, кіраўніцтва блока – В. Слабек і М. Даланоўскі (генеральны сакратар) [14, с. 32]. На з'ездзе былі ўсталяваны прынцыпы супрацоўніцтва мясцовых арганізацый блока з дзяржаўнай адміністрацыяй. На заўвагу старшыні Пружанскай павятовай рады Т. Свіды, што кіраўніцтва ББСУ, не ведаючы мясцовых умоў, дабівалася правядзення ў жыццё невыканальных на гэтай тэрыторыі распараджэнняў, В. Слабек адказаў, што ніводная нерэальная прапанова не будзе здзейснена, бо існуе ваявода, які лепш ведае патрэбы Палесся [13, с. 91; 14, с. 35; 15, с. 31–32]. Такім чынам, на мясцовым узроўні замацавалася залежнасць ваяводскай арганізацыі ББСУ не толькі ад кіраўніцтва клуба, але і ад ваяводы.

Амаль адразу пасля з'езда (23 мая 1929 г.) з ваяводскага сакратарыята ББСУ ў адрас кіраўніка аддзела бяспекі Палескай ваяводскай установы С. Траяноўскага было адпраўлена два паведамленні. У адным з іх на падставе інфармацыі, атрыманай ад павятовых сакратарыятаў, адзначалася, што жыццё рамесных цэхаў часткова замірае. Рамеснікі не ахоплены ніякімі ўплывамі, часткова знаходзяцца пад апекай іншых апазіцыйных арганізацый. Гэтую сітуацыю трэба было змяніць. У сувязі з тым, што сродкаў на правядзенне акцыі ББСУ не меў, ён звярнуўся да кіраўніка аддзела бяспекі з просьбай аказання дапамогі. «Формай яе магло б быць указанне падпарадкаваным ваяводскай установе прамысловым рэфэрэнтам ініцыяваць акцыю ажыўлення цэхаў і пракантраляваць выкананне гэтага даручэння». З боку ваяводскага сакратара такое ж распараджэнне выдадзена і павятовым сакратарам ББСУ [16, с. 105].

У другім пісьме ваяводскі сакратар А. Ханебах просіць Палескую ваяводскую ўстанову даследаваць умовы стварэння кампраміснага спіса, які б суадносіўся з вынікамі перамоў урада з цэнтральнымі ўладамі рамесных арганізацый. На яго погляд, правядзенне гэтай акцыі было б больш эфектыўным праз скліканне ўладамі канферэнцыі прадстаўнікоў рамеснікаў-хрысціян і яўрэяў з усіх паведаў. Ініцыятыва з боку ваяводскага сакратарыята ББСУ можа такому кампрамісу прынесці шкоду [16].

Справа ў тым, што яшчэ ў пачатку мая пры прыняцці бюджэту гарадской рады старшыня праўлення ББСУ доктар Лопат выступіў супраць скарачэння яўрэйскіх субсідый, што прывяло да яго змяшчэння. Яго супернік – ваяводскі сакратар А. Ханебах – выкарыстаў саму справу як прапагандысцкую акцыю, мэтай якой была не толькі кансалідацыя палякаў, але і ўцягванне ўсіх хрысціян-рамеснікаў у час выбараў у палату. Але пасля такога тыпу акцыі выступіць з ініцыятывай кампраміснага яўрэйска-хрысціянскага спіса кіраўніцтва Палескай ББСУ не магло і прапанавала, каб гэтую працу ўзяла на сябе ваяводская ўстанова. А само пачало развіваць дзейнасць сярод хрысціянскіх рамеснікаў, выступаючы ў якасці ініцыятара і цэнтра іх аб'яднання, імкнулася любымі сродкамі кансалідаваць хрысціянскую меншасць і такім чынам стварыць хрысціянскае прадстаўніцтва ў Рамеснай палаце. У выніку з ідэяй стварэння сумеснага хрысціянска-яўрэйскага спіса выступіла адміністрацыя, якая праводзіла выбарчую кампанію ў палату з дапамогай брэсцкага аддзялення Арганізацыі сярэдняга стана на ўсходніх землях на чале з С. Жуком [17, с. 6].

Актыўнае супраціўленне яўрэйскага насельніцтва выклікала не толькі скарачэнне субсідый, але і само «варшаўскае» пагадненне (11 палякаў і 7 яўрэяў), якое прапа-

ноўвалі ўлады падчас выбараў у Рамесную палату. Толькі 10 лістапада 1929 г. адміністрацыя змагла склікаць у Брэсце з'езд прадстаўнікоў хрысціян-рамеснікаў і яўрэяў, які прывёў да згоды кіраўнікоў цэха і Саюза яўрэйскіх рамеснікаў у Польшчы з польскімі арганізацыямі. У выніку паразумення выстаўлены сумесны спіс ва ўсіх чатырох выбарчых акругах. Выбары ў Рамесную палату ў Брэсце над Бугам адбыліся 26 студзеня 1930 г. і фактычна поўнасьцю згодна з мэтамі адміністрацыі. Роля ББСУ ў дадзенай акцыі зводзілася ў асноўным да правядзення антыяўрэйскай прапаганды, з дапамогай якой імкнуліся правесці кансалідацыю галасоў польскіх рамеснікаў і ўцягвання ў яе астатніх хрысціян [18, с. 1].

Акрамя выбараў ў Рамесную палату дзейнасць урада ішла і ў іншых накірунках: працэсе ўніфікацыі сельскагаспадарчых арганізацый, спробах наладзіць працу ў рабочых асяродках праз ППС (былую рэвалюцыйную фракцыю) [13, с. 184, 261].

Аднак мясцовыя сакратарыяты, акрамя іншых недахопаў, па ацэнцы ваенных улад, мелі адзін кардынальны: не маглі вылучыць з грамадства ідэйны элемент, які б здольны быў праводзіць працу сярод грамадства, настаўляць яго ў накірунку ідэалогіі Ю. Пілсудскага. Барацьба за ўплыў і амбіцыі прывялі да сітуацыі, што замест таго каб сцэнтаваць усё, што сканцэнтравалася пад сцягам маршала Ю. Пілсудскага, пачалі расці ўзаемны антаганізм, нянавісць. Такое становішча, на думку ўлад, патрабавала неадкладнай санацыі, бо ў іншым выпадку ўзаемная варожасць можа прывесці да таго, што людзі (нават з найлепшымі намерамі) будуць уцягнуты ў вір барацьбы [19, с. 11–13].

Акрамя гэтага, у справах адзначалася, што ББСУ ўплываў толькі на служачых і частку асаднікаў, астатняя частка грамадства засталася па-за дзейнасцю ББСУ [19, с. 11–13]. Такія высновы дэманструюць незадаволенасць польскіх улад вынікамі стварэння ўрадавага руху на рэгіянальным узроўні ў гэты перыяд.

Фактычна дзейнасць адміністрацыі паказвае, што галоўнай мэтай стала стварэнне тэрытарыяльнай структуры Блока, яго базы ў выглядзе грамадскіх арганізацый, асабліва на павятовым і гмінным узроўнях, г.зн. акцыя, ініцыяраваная ўрадам, прасоўвалася ўглыб. Яна суправаджалася правядзеннем выбараў у тэрытарыяльнае і прафесійнае самакіраванне, паміж якімі назіралася цесная сувязь, прычым гэты працэс насіў планавы характар. На дадзеным этапе выразна відна роля адміністрацыі, якая з дапамогай рэгіянальных пасольскіх груп выступіла ў якасці ініцыятара і каардынатора працэсу фарміравання як ББСУ, так і грамадскіх арганізацый. Таксама назіраліся спробы выкарыстання створаных структур для працы з некаторымі сляямі насельніцтва, і адначасова пры гэтым ішло выпрабаванне іх сіл, магчымасцей, сілы ўздзеяння на масы. Характар супрацоўніцтва ББСУ і адміністрацыі на дадзеным этапе найбольш ярка праявіўся найперш падчас з'езда, дзе была ўстаноўлена залежнасць ББСУ як ад кіраўніцтва клуба, так і ад ваяводы, а таксама ў перадвыбарчы перыяд у Рамесную палату г. Брэста над Бугам. У апошнім выпадку адбылося размежаванне функцый паміж ББСУ і адміністрацыяй, якое найбольш эфектыўна забяспечвала вынікі акцыі.

У пачатку 1930 г. цэнтральныя ўлады праводзілі рэвізію фактычнага стану ББСУ на тэрыторыях. У сакавіку 1930 г. кожны ваявода і стараста падаў справаздачу аб дзейнасці Блока; сваю ацэнку давала паліцыя, дзеячы партый, якія ўвайшлі ў склад ББСУ, а з красавіка генеральны сакратар ББСУ дасылаў ў рэгіёны сваіх эмісараў, якія даследавалі сітуацыю ў некаторых ваяводствах [1, с. 158].

Арганізацыйна структура Блока ў Палескім ваяводстве не была канчаткова сфармавана. Ваяводскае праўленне да 1 сакавіка 1930 г. так і не было аформлена. Яно ажыццяўлялася калегіумам, у склад якога ўвайшлі старшыня і сакратары павятовых рад, але фактычна бяздзейнічала [20, с. 65, 93]. Рэальна існавалі толькі ваяводскі сакратарыят (дзе былі платныя пасады) і рэгіянальная пасольская група, але наладзіць супрацоўніцтва паміж сабой гэтыя дзве структуры ў рэгіёне не змаглі.

Акрамя таго аказалася, што павятовыя арганізацыі, хаця і былі створаны, але ніякай дзейнасці не праявілі. Нягледзячы на тое, што старасты ў сваіх справах адзначалі наяўнасць гмінных камітэтаў амаль ва ўсіх вёсках і гарадах, аднак іх асабовы склад не быў зацверджаны вышэйстаячымі ўладамі ББСУ, таму групы не былі канчаткова сфармаваны [20, с. 12]. Ваявода наконт гэтага выказаўся наступным чынам: «Мясцовых гуртоў не арганізавана да гэтага часу. Сувязь з сялянскім насельніцтвам ажыццяўляецца праз давераных асоб» [20, с. 91–92]. У справах вызначаліся прычыны такога стану.

Вайсковае кіраўніцтва ў Брэсце над Бугам у сваіх справах за 1929 г. адзначала, што хаця ББСУ колькасна на тэрыторыі Палескага і Навагрудскага ваяводстваў прадстаўляецца ў справах ваявод нядрэнна, але «гэтыя дадзеныя з'яўляюцца фікцыяй» [9, с. 2]. У сваю чаргу, старасты адзначалі, што ўплыву Блока падлягаюць асобы, якія займаюць кіраўнічыя пасады ў таварыствах, у сувязі з чым саюзы развіваюцца ў накірунку, азначаным Блокам [20, с. 50]. А ваявода ў якасці галоўнага выніку працы ББСУ адзначыў атрыманне пяці мандатаў у сейм (з дзесяці) і ўсіх трох у сенат.

Калі больш пільна назіраць за дзейнасцю кіраўніцтва Блока ў 1930 г. як у цэнтры, так і на перыферыі, то можна вызначыць, што яго актыўнасць была скіравана наўцягванне розных арганізацый у працу Блока і адначасова іх падпарадкаванне. У пачатку 1930 г. генеральны сакратар ББСУ выдаў інструкцыю, паводле якой увадзілася членская сістэма і ўстанаўлялася залежнасць арганізацыйных адзінак Блока, фармулявалася тактыка прыняцця ў Блок новых членаў, ставілася задача ажыўлення дзейнасці [21, с. 21].

Гэта, як і працэс уніфікацыі сельскагаспадарчых гуртоў, выклікала супраціўленне некаторых грамадскіх арганізацый, што засведчылі вальны сход Брэсцкага аддзела Саюза легіянераў (15 студзеня) і з'езд дэлегатаў аддзелаў гэтага саюза з Палеска-Падляскай акругі (19 студзеня). Абодва сходы, акрамя вырашэння арганізацыйных пытанняў, былі прысвечаны і палітычным праблемам. Палескі ваяводскі сакратарыят ББСУ быў абвінавачаны ў неадпаведных метадах працы, якія, на думку дэлегатаў, не садзейнічалі цеснаму супрацоўніцтву з Саюзам. Лідэрам апазіцыі стаў пасол П. Алявінскі, адзін з кіраўнікоў Аб'яднання працы горада і сяла. Яе дзеячы ў красавіку 1930 г. публічна выступілі супраць надання ББСУ на тэрыторыі ўсходнепольскіх ваяводстваў арганізацыйных форм партыі, што, на іх погляд, супярэчыць характару Блока, які з'яўляецца і павінен быць толькі парламенцкім прадстаўніцтвам усіх элементаў, што згуртаваліся на ідэях майскага перавароту [22, с. 270].

Але кіраўніцтва ББСУ падтрымала дзеянні ваяводскага сакратара. З красавіка па чэрвень 1930 г. Блок праводзіў працу па рэарганізацыі, а знешніх акцый так і не праводзіў. У сувязі з пашырэннем Блока у маі назіралася значнае павелічэнне яго членаў з ліку дзяржаўных служачых, настаўнікаў, прадстаўнікоў органаў самакіравання і свабодных прафесій. За гэты час канчаткова склаліся прэзідыумы павятовых рад, і асноўны цяжар працы перамясціўся на гмінныя камітэты, якія ў межах сваіх тэрыторый пачалі вербаваць членаў сялянскіх гуртоў. І зноў жа што паралельна з рэарганізацыяй была абвешчана выбарчая кампанія ў гарадскія і гмінныя рады [18, с. 46; 23, с. 8].

У той жа час у чэрвені 1930 г. непаразуменні ва ўрадавым лагерах, якія ўзніклі ў студзені, яшчэ больш абвастраліся, але, па ацэнцы ваенных улад, яны не знайшлі сур'ёзнага водгуку ў шырокіх слаёў насельніцтва з-за малалікасці групавак, якія змагаліся за ўладу, і нетрываласці іх сувязі з жыццём насельніцтва Палесся. «Указаныя з'явы заслугоўвалі ўвагу як сімптоматычны эпизод хутчэй тэарэтычнага значэння, чым практычнага» [24, с. 140].

Канец непаразуменням паклаў з'езд прэзідыумаў павятовых рад і вядомых дзеячаў ББСУ ў Брэсце над Бугам 20 ліпеня 1930 г. На ім прысутнічалі былы прэм'ер-міністр К. Свігальскі, Т. Галуўка, намеснік генеральнага сакратара ББСУ Сядлецкі, сена-

тар Друцка-Любецкі, пасол П. Алявінскі. К. Світаліскі адзначыў, што арганізацыйнай асновай Блока павінна стаць салідарнасць сярод членаў і субардынацыя, якая выражаецца словам «загад». Немагчыма невыкананне загада, усе спробы парушэння арганізацыйнай дысцыпліны павінны жорстка карацца. Галоўная задача Блока – падрыхтоўка грамадства да наступных выбараў у заканадаўчыя органы. Другі прамоўца – Т. Галуўка – выказаўся на тэму працы на тэрыторыі крэсаў, мэта якой «упаньствоўванне» («звязванне з дзяржавай») крэсаў і яднанне іх з маці-Польшчай. Ён жа абгрунтаваў патрэбу правядзення прынцыповых змен у Рэчы Паспалітай, без якіх немагчыма рацыянальнае развіццё дзяржавы [7].

У жніўні 1930 г. асноўныя намаганні ўлад былі накіраваны на правядзенне выбараў у органы самакіравання г. Брэста над Бугам, якое было прызначана на 14 верасня. Блок не выступіў самастойна, але стварыў спіс № 16 «Дэмакратычнае хрысціянскае аб'яднанне» і спіс № 17 «Дэмакратычнае хрысціянскае аб'яднанне прадмесцяў». Асобным спісам ішла ППС (былая рэвалюцыйная фракцыя) (спіс № 12) [25, с. 119–122]. Улады не правялі ніводнага мітынгу, не выпусцілі ніводнай лістоўкі ў падтрымку вызначаных спісаў. Але, нягледзячы на гэта, вынік выбараў выявіў, што пераважную большасць галасоў атрымалі хрысціяне, а рашаючы ўплыў у радзе набыў ББСУ [18, с. 85, 96; 26, с. 21]. Усё гэта аказала вялікае ўражанне на жыхароў Брэста над Бугам.

Фактычна выбары ў органы самакіравання сталі лепшым агітацыйным сродкам Блока напярэдадні агульнадзяржаўных выбараў у сейм і сенат і доказаў таго, што дае польскаму грамадству падпарадкаванне загадам партыі і адміністрацыі. Аднак калі аналізаваць дзейнасць Блока падчас гэтай фазы рэгіянальнага этапу стварэння праўрадавага руху, то выразна відаць, што яе вынікам у дадзены перыяд сталі не столькі вынікі выбараў, колькі падпарадкаванне польскіх грамадскіх арганізацый уладам ББСУ.

У разгар перадвыбарчых баталій у гарадскую раду Брэста над Бугам 30 жніўня акруговыя выбарчыя камісіі абвясцілі пачатак выбарчай кампаніі ў прадстаўнічыя органы РП Польшчы на падставе выбарчага ўстава ў сейм ад 28 ліпеня 1922 г. Выбары былі прызначаны на 16 лістапада 1930 г. Стварэнне тэрытарыяльных выбарчых камітэтаў у сейм і сенат і звязаны з гэтай падзеяй шэраг арганізацыйных сходаў ББСУ распачаў у перыяд 13–20 верасня 1930 г. [18, с. 82]. Непасрэдна напярэдадні галасавання ў гарадскую раду 13 верасня 1930 г. былі створаны выбарчыя камітэты ў Брэсце і ў Пінску. Ваяводскі выбарчы камітэт ББСУ на тэрыторыі Палескага ваяводства быў сфармаваны 20 верасня дзякуючы Саюзу настаўнікаў народных школ і пасля змякчэння ўнутраных супярэчнасцей паміж Ваяводскім сакратарыятам і прадстаўнікамі Федэрацыі Саюза польскай абароны Айчыны [18, с. 91–92].

Важным аргументам на карысць Блока стала рашэнне Сарненскага аддзялення Саюза землеўласнікаў, якое не пагадзілася з пазіцыяй ваяводскага саюза гэтай арганізацыі адносна выбараў і выказалася за безумоўную падтрымку ББСУ [18, с. 91; 27, с. 29–32]. Але замацаваць поспех і правесці сход землеўласнікаў яны не змаглі. У гэты ж час на з'ездзе Палескай ваяводскай рады 6 кастрычніка асаднікі, за выключэннем прадстаўнікоў ад Пружанскай і Лунінецкай арганізацый, канчаткова вырашылі ісці на выбары з ББСУ [18, с. 114; 25, с. 187].

У наступны перыяд (5–11 кастрычніка 1930 г.) намаганні ББСУ ў накірунку прыцягнення да супрацоўніцтва грамадскіх груп прадоўжылася, але адначасова распачалася арганізацыя выбарчых камітэтаў у паветах і гмінах [18, с. 113]. Цікавай з'явілася, якая яскрава праявілася ў дадзеных выбарах, стала стварэнне не толькі тэрытарыяльных выбарчых камітэтаў, але і прафесійных, такіх як Дырэкцыя выбарчага камітэта работнікаў чыгункі, Палескі ваяводскі выбарчы камітэт настаўнікаў народных школ, Саюз работнікаў пошты Віленскай акругі, Рабочы выбарчы камітэт інтэлектуальных работнікаў.

У пачатку кастрычніка былі падрыхтаваны спісы членаў выбарчай камісіі па выбарах у сейм і сенат 1930 г. Нягледзячы на тое, што ў іх прысутнічалі прадстаўнікі праваслаўнага насельніцтва, улады сведчылі, што кандыдаты – усе прыхільнікі ББСУ. Спісы кандыдатаў у паслы і сенатары можна было падаваць да 7 кастрычніка ўключна ў выбарчую камісію. Цывільныя і ваенныя ўлады пільна аналізавалі акруговыя спісы ў цэлым і асобна тэма, якія падаваліся нацыянальнымі меншасцямі [18, с. 358, 125–128].

Пасля вылучэння спіса кандыдатаў Блок распачаў шырокую прапагандысцкую і мітынгавую акцыю. Быў складзены графік мітынгаў. У абедзвюх акругах Блок шырока выкарыстоўваў друкаванае слова. Акрамя гэтага, прапаганда вялася і на публічных, і на закрытых сходах, прычым перавага аддавалася апошнім [28, с. 40; 18, с. 138].

Адметнасцю выбарчай кампаніі стала шырокае выкарыстанне грамадскіх арганізацый. Каб акрэсліць іх функцыі, трэба азнаёміцца з распараджэннямі, выдадзенымі іх цэнтральнымі органамі. Важнае месца ў іерархіі грамадскіх арганізацый заняло Таварыства рэзервістаў, якое ўваходзіла ў Федэрацыю польскіх абаронцаў Айчыны. 20 верасня 1930 г. яно выдала сваім падначаленым аддзелам загад, што «абавязкам кожнага члена з'яўляецца галасаванне за спіс Блока, а ў падрыхтоўчы перыяд – актыўны ўдзел у выбарчых камітэтах», а таксама арганізацыйна-вярбовачная дзейнасць і цеснае супрацоўніцтва з выбарчымі камітэтамі ББСУ. Аддзяленні таварыства павінны былі:

1) выбраць членаў, якія ўвойдуць у склад выбарчых камітэтаў у якасці агітатараў, давераных асоб г.д.;

2) арганізаваць службу сувязі (кур'ераў, ганцоў) і забяспечыць яе сродкамі камунікацыі (роварамі, канямі і падводамі, стварыць пункты начлегу);

3) арганізаваць сталыя аддзелы выбарчай стражы, задачай якіх было назіранне, падтрыманне парадку і арганізацыя «мабільных груп» для выканання сакрэтных распараджэнняў.

Пасля заканчэння выбараў усе аддзелы і службы павінны былі захавацца [29, с. 7–8].

Задачай галоўнага рабочага выбарчага камітэта інтэлектуальных работнікаў сталі мітынгавая дзейнасць сумесна з ББСУ і правядзенне сходаў і канферэнцый. Кожны работнік за тры апошнія дні перад галасаваннем у сейм, а потым і ў сенат павінен быў склікаць некалькі сходаў хаця б толькі з некалькіх чалавек і прачытаць ім лекцыі [30, с. 2].

Дастаткова актыўна ў выбарах 1930 г. выступіў выбарчы камітэт Дырэкцыі чыгуначнікаў у Вільні, які стварыў мясцовыя камітэты чыгуначнікаў па месцах іх кампактнага пражывання на тэрыторыі Віленскага, Навагрудскага, Палескага і Беластоцкага ваяводстваў і задаваў агульны накірунак іх дзейнасці. Дырэкцыя размеркавала камітэты па малых станцыях з мэтай апекі над работнікамі, якія працавалі ў школах.

У кастрычніку–лістападзе 1930 г. сталі праводзіцца пасяджэнні грамадскіх арганізацый «для ўстанаўлення адзінства поглядаў па пытанні галасавання ў сейм і сенат». На гэтых сходах, як правіла, аднагалосна прымаліся рашэнні не толькі галасаваць за спіс ББСУ, але і схіляць да гэтага іншых грамадзян мястэчак і вёсак [30, с. 14]. Вынікі выбараў у сейм і сенат пацвердзілі прагнозы адміністрацыі: безумоўную перамогу атрымаў ББСУ. На першым пасяджэнні парламенцкага клуба 26 лістапада 1930 г. былі ўхвалены яго асноўныя арганізацыйныя прынцыпы яго дзейнасці.

Падчас гэтай фазы працэсу фармавання Блока ўвесь выбарчы працэс быў падзелены на перыяды, якія адпавядалі асноўным патрабаванням, прадугледжаным законам. Адметнасцю стала стварэнне не толькі тэрытарыяльных выбарчых камітэтаў, але і прафесійных, а таксама шырокі ўдзел у выбарчай кампаніі грамадскіх арганізацый. Іх месца і роля ў Беспартыйным блоку вызначалася функцыямі, якія яны выконвалі пры арганізацыі і правядзенні выбараў, якія завяршыліся ў ваяводстве поўнай перамогай урадавай групойкі. На дадзеным этапе захоўвалася вядучая роля адміністрацыі, але ажыц-

цяўлялася пераразмеркаванне паўнамоцтваў паміж Блокам і грамадскімі арганізацыямі, у выніку чаго склалася структура руху пілсудчыкаў і канчатковае афармленне ББСУ.

Заклучэнне

Працэс стварэння ББСУ на рэгіянальным узроўні – пэўны этап на шляху пабудовы ўрадавага руху, частка агульнага плана ўрада. Захоўваецца цесная ўзаемасувязь паміж выбарамі і арганізацыйнай працай урадавага руху, але на іншым іерархічным узроўні. Важную ролю ў стварэнні гэтай палітычнай групойкі адыграла адміністрацыя (ваяводы і старасты), якая на дадзеным этапе стала самастойным суб'ектам, кіраўніком працэсу, у той час як ББСУ быў аб'ектам яе дзейнасці. Калі ў якасці асноўнага крытэрыю вылучыць дзейнасць самой адміністрацыі, то ў генезісе ББСУ даволі выразна праглядаюцца тры асноўныя фазы: 1) 1928–1929 гг., 2) студзень–жнівень 1930 г., 3) жнівень–лістапад 1930 г.

Галоўнай скрытай мэтай першага этапа стала стварэнне тэрытарыяльнай структуры Блока і яго базы ў выглядзе грамадскіх арганізацый, асабліва на павятовым і гмінным узроўнях. Гэта суправаджалася ўстанаўленнем залежнасці ББСУ як ад кіраўніцтва клуба, так і ад ваяводы, а вынікам стала размежаванне функцый паміж адміністрацыяй і ББСУ, што забяспечывала эфектыўнасць выбарчай кампаніі. Падчас другога этапа замацоўваецца падпарадкаванне польскіх грамадскіх арганізацый уладам ББСУ, што суправаджалася ўнутранымі канфліктамі. Вынікам стала перамога палітычнай групойкі ББСУ на выбарах у гарадское самакіраванне, што стала лепшым агітацыйным сродкам Блока напярэдадні агульнадзяржаўных выбараў у сейм і сенат і доказам таго, што дае польскаму грамадству падпарадкаванне загадам партыі і адміністрацыі. На трэцім этапе адбылося пераразмеркаванне паўнамоцтваў паміж Блокам і грамадскімі арганізацыямі, якое завяршаецца фармаваннем структуры руху пілсудчыкаў праз ББСУ.

Такім чынам, утварэнне ББСУ сведчыць пра ўмацаванне ўладных паўнамоцтваў польскай адміністрацыі шляхам стварэння цэласнай сістэмы кіравання. Яе элементамі сталі не толькі дзяржаўныя рэгіянальныя ўрадавыя органы, але і Блок, а таксама грамадскія арганізацыі на тэрыторыі Палескага ваяводства, якія выступалі ў якасці прадмета дзейнасці як адміністрацыі, так і дзеячаў ББСУ. Блок стаў своеасаблівай формай узаемадзеяння улад з грамадскімі арганізацыямі, выконваў ролю пасрэдніка паміж імі. Аналіз генезіса гэтай палітычнай групойкі дае магчымасць вызначыць метады дзейнасці адміністрацыі ў грамадскай сферы, характар узаемаадносін паміж элементамі сістэмы кіравання, ролю і месца кожнага.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Chojnowski, A. Piłsudczycy u władzy. Dzieje BBWR / A. Chojnowski [et al.]. – Wrocław–Warszawa : Ossolineum, 1986. – 294 s.
2. Dziuda, K. Dzieje Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem w Łodzi w latach 1930–1935 / K. Dziuda. – Bełchatów : Związek Strzelecki «Strzelec» Organizacja Społeczno-Wychowawcza, 2010. – 300 s.
3. Скульский, С. Беспартыйный блок сотрудничества с правительством (санация) / С. Скульский. – Минск : Изд-во Белорус. АН, 1935. – 62 с.
4. Дмитрук, Е.П. Формирование ББСП маршала Ю. Пилсудского на западно-белорусских землях, его роль в системе власти / Е.П. Дмитрук // Грані історії : зб. наук. пр. / ГПМ Донбас. держ. пед. ун-ту ; под ред. В.М. Докашенко. – Горлівка, 2013. – Вип. 6. – С. 177–188.

5. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 964. Отчёты Полесского воеводы об общественно-политическом движении в воеводстве 1928 г.

6. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1246. Сведения о состоянии и деятельности фашистской организации «Беспартийный блок сотрудничества с правительством» за апрель–сентябрь 1930 г.

7. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1350. Донесение брестского поветового старосты о съезде поветовых рад фашистской организации «Беспартийный блок» 16–27 июля 1930 г.

8. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 932. Отчёты ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 4 квартал 1928 г.

9. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1212. Отчёты ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 2 квартал 1929 г.

10. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1213. Отчёты ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 3 квартал 1929 г.

11. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 946. Отчёты Белостокского, Новогрудского, Люблинского и Полесского воевод об общественно-политическом движении в воеводствах 29 апреля 1928 г. – 30 января 1932 г.

12. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1211. Отчёт ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 1 квартал 1929 г.

13. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 448. Недельные отчёты брестского поветового старосты об общественно-политической ситуации в повете за декабрь 1928 – декабрь 1929 гг.

14. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 740. Отчёты и донесения поветовых старост о проведении митингов членами фашистской организации «Беспартийный блок сотрудничества с правительством» за 1929 г.

15. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1253. Отчёты Полесского воеводы об общественно-политическом движении в воеводстве за апрель–август 1929 г.

16. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2475. Отчёты Полесского воеводы о состоянии и деятельности фашистской организации ББСУ в воеводстве.

17. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1672. Донесения тайных агентов о деятельности организации ББСП и ее членов. 25 апреля – 3 июля 1930 г.

18. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1574. Отчёты Полесского воеводы об общественно-политическом движении в воеводстве. – 1930 г.

19. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1214. Отчёты поветовых старост Полесского воеводства о состоянии и деятельности фашистской организации ББСУ 23 февраля – 8 марта 1930 г.

20. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1214. Отчёты ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 4 квартал 1929 г.

21. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1016. Квартальные отчёты Командования окружного корпуса № 9 об общественно-политической ситуации на территории корпуса за 1930 г.

22. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1246. Сведения о состоянии и деятельности фашистской организации «Беспартийный блок сотрудничества с правительством» за апрель–сентябрь 1930 г.

23. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1532. Отчёт ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса за 2 квартал 1930 г.

24. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1252. Отчёты Полесского воеводы об общественно-политическом движении в воеводстве 1930 г.

25. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1059. Месячные и недельные отчёты брестского поветового старосты об общественно-политической ситуации в повете за период с 1 июля по 8 октября 1930 г.

26. ГАБО. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 1244. Информационные сообщения и рапорты полицейских об участии в выборах в городскую раду профессиональных польских организаций за август 1930 – сентябрь 1930 г.

27. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 479. Решения и протоколы заседаний общественных организаций о подготовке к выборам в сейм и сенат 17 сентября – 9 октября 1930 г.

28. ГАБО. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 1245. Информационные сообщения, донесения полицейских о предвыборной кампании по выборам в Сейм на территории Брестского повета за 28 октября – 14 ноября 1930 г.

29. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 32. – Оп. 1. – Д. 7. Приказы и инструкции по работе 1930–1932 г.

30. ГАБО. – Фонд 493. – Оп. 5. – Д. 2. Циркуляры главного Варшавского подготовительного комитета, протоколы собраний Полесского воеводского и Пинского поветовых подготовительных комитетов по выборам в Сейм и Сенат. 25 октября – 18 ноября 1930 г.

Dzmitruk A.P. Regional Stage of Formation Nonpartisan Block Cooperation with the Government of Marshal J. Pilsudski (on the example of Poleski Province (1928–1930))

On the basis of archival material of the State Archives of Brest Region reflects the process of creating a political group of Nonpartisan block cooperation with the government of Marshal J. Pilsudski is shown on the example of Poleski province as a regional entity. The analysis allowed the author to determine the genesis of its phases, to define the control system, the nature of the relationship between its elements.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.07.2013

УДК 94(476)+930.2(159.923:316.6+801.7+004.9)

В.Ю. Пилипович

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПОСЛЕВОЕННОГО БЕЛОРУССКОГО СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ РЕПАТРИАНТОВ ОСТАРБАЙТЕРОВ)

В статье рассматриваются возможности междисциплинарного сотрудничества исторической науки, других социальных наук, исторической информатики и статистики в сфере изучения поствоенного белорусского общества на примере социальной группы репатриантов-остарбайтеров, сформировавшейся в результате войны. Обосновывается необходимость методологического синтеза для всестороннего изучения многомерной социальной реальности в исторической динамике.

Введение

Послевоенное общество характеризуется усложнением социальной структуры и представляет особый социально-психологический феномен. В результате социальных процессов, инициированных Второй мировой войной, внутри советского социума появляются особые социальные группы: побывавшие под оккупацией, эвакуированные (вернувшиеся из эвакуации), демобилизованные фронтовики, инвалиды войны, дети (сироты) войны, вдовы войны, коллаборационисты, репатриированные военнопленные, репатрианты-остарбайтеры, участники антисоветских формирований. Каждая из этих групп обладала собственным жизненным опытом, особой ментальностью и психологией, нуждалась в специальной адаптации в условиях поствоенного устройства жизни. Наличие таких групп нередко создавало напряжение в обществе.

Марксистско-ленинский классовый подход предусматривал жесткую схему стратификации социума на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию и не признавал дробления общества на более мелкие социальные группы, так как это могло разрушить стройную систему официальной идеологии. Поэтому обозначенные группы общества со специфической психологией и сложной судьбой советской общественностью не рассматривались и, соответственно, не изучались. Более того, расстановка акцентов в исторической науке на героико и масштабные по своему значению события способствовала тому, что чувства и мировосприятие «маленького человека» были вытеснены за пределы исследовательского поля. В результате целостная картина развития послевоенного белорусского общества во всей его сложности и многоаспектности не нашла отражения в исторических исследованиях и исследованиях других социальных наук.

Общеизвестно, что предметом научно-исторического исследования в глобальном смысле является человеческое общество (люди) во времени. Многоуровневость предмета определяет стремление исторической науки к междисциплинарному синтезу. Ученые отмечают, что междисциплинарный подход возник не сегодня и отвечает самой природе истории [1, с. 3]. Историческая реальность слишком сложна и, как следствие, не поддается изучению при помощи отдельно взятого метода. К тому же она отстоит во времени от исследователя и представлена лишь историческими источниками. М. Блок, основоположник школы «Анналов», сыгравшей, пожалуй, самую значительную роль в подготовке почвы для междисциплинарного синтеза в исторической науке, отмечал, что предмет истории в точном и последнем смысле – сознание людей, а отношения, связывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, – составляют для истории подлинную действительность [2, с. 86]. В своем труде

Научный руководитель – В.Н. Сидорцов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

«Апология истории, или Ремесло историка» он констатирует, что знание фрагментов, изученных по отдельности, никогда не приведет к познанию целого: оно даже не позволит познать сами эти фрагменты [2, с. 88]. Следовательно, современные исторические исследования обязаны строиться на адекватном методологическом комплексе, основанном на синтезе традиционных методов исторической науки и заимствованных из других социально ориентированных, точных или прикладных наук, адаптированных к задачам и логике конкретного исследования. Выдающийся советский и российский историк-методолог И.Д. Ковальченко обращал внимание, что конкретным средством, которое, реализуя потенции теории и методологии, движет познание вперед и дает возможность получать новое знание, являются методы научного исследования [3, с. 4]. Таким образом, ограничение изучения обозначенной проблемы лишь традиционными методами исторической науки обедняет получаемое знание, в то время как включение в данный процесс комплекса исследовательских практик смежных социальных наук, специализирующихся в научном познании психологии индивида, социальных стратегий, систем смыслов и их трактовке, позволяет избежать фрагментарности в исследовании.

На примере изучения отдельной социальной группы репатриантов-остарбайтеров мы рассмотрим возможности междисциплинарного подхода в исследовании поствоенного белорусского общества. Целью нашего изучения является формирование целостного представления о роли и месте «восточных рабочих» в системе социальных отношений через анализ субъективного и объективного, официального дискурса и повседневности, мировосприятия и психологии в той мере, в которой позволяют имеющиеся в наличии источники. Произшедшие в исторической науке антропологический и лингвистический повороты открыли возможность использовать для достижения цели новые подходы (история повседневности, социальная история, устная история), инновационные методы (социологические, лингвистические, социально-психологические, математико-статистические) и современные информационные технологии.

Междисциплинарные подходы в изучении репатриантов-остарбайтеров

Общий обзор выявляет сложность и противоречивость феномена репатриантов-остарбайтеров. С одной стороны, мы находим свидетельства о бесчеловечном отношении к советским гражданам в нацистской Германии, а с другой – сообщения о добром расположении и даже заботе немецких хозяев о своих работниках [4; 5, л. 289]. Одни документы говорят об успешной адаптации в советском обществе, другие – о трудностях и дискриминации, с которыми столкнулись остарбайтеры на Родине [6, л. 9–293; 7, л. 333–371]. В некоторых источниках (включая устные истории и мемуары репатриантов) на фоне неприятия нацизма и его проявлений отмечаются благоустроенность немецкого быта, развитость экономики и продуманная организация сельского хозяйства [8]. В результате реконструкция исторической реальности в виде однозначной линейной модели не возможна. При исследовании мы вынуждены учитывать весь комплекс политических, экономических, социальных, психологических факторов, весь набор противоречий и неоднозначностей, чтобы приблизиться к истине.

Социальная группа репатриантов-остарбайтеров в послевоенном обществе была достаточно многочисленной, и ее изучение невозможно без привлечения массовых источников. Поэтому мы можем говорить об определенной удаче, так как не все социальные структуры оставляют «после себя» документы, относимые к источникам массового происхождения. В документах, собранных Чрезвычайной Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, содержатся опросные листы репатриантов, представляющие собой массовый источник по изучаемой проблеме.

Проведение исследования лишь традиционными методами малоэффективно, поскольку актуальная (очевидная) информация, содержащаяся в нем, будет использоваться лишь как иллюстрация, а потенциальная (скрытая) вообще не будет доступна исследователю. Для устранения этой проблемы необходимо обращение к количественным методам, инструментарию социологических исследований и информационным технологиям. Создание специализированной базы данных предполагает использование современных наработок в информатике, теории информации. Опросные листы представляют собой информационный массив, состоящий из десятков тысяч документов, размещенных в разных архивах, и сплошная их обработка в данный момент невозможна, поэтому были заимствованы разработанные в социологии методики организации выборки с целью обеспечения репрезентативности результата. Количественные методы обработки формализованных данных выборочной совокупности позволяют выявить скрытые связи (корреляции), сформировать из множества документов и характеристик типичный образ репатрианта-остарбайтера, проанализировать отклонения в вариационном ряду типичных признаков. Построенное таким образом исследование открывает возможность создания образа целой группы общества с выявлением присущих ей социальных характеристик [9].

Имея реконструированный типичный образ репатриантов, обозначенный целым рядом социальных параметров, важно определить место для данной группы на общественной арене, причем выявить как формальный, декларируемый статус, так и реальный, чаще всего выраженный в конкретных отношениях (бытовой уровень) с обязательным последующим сравнением. В СССР с целью формирования сознания граждан в нужном русле презентация идеологически верного образа осуществлялась не только официальными сообщениями органов власти и партийных структур, но и докладами специальных комиссий, публицистическими и художественными произведениями, выступлениями в СМИ. В этой связи особое значение приобретает изучение официального дискурса. Исходя из положения, что дискурс – это форма социальной практики, которая и конституирует социальный мир и конституируется в других социальных практиках, метод критического дискурс-анализа, заимствованный из лингвистики, позволяет выявить формальный статус (образ) репатриантов-остарбайтеров, создаваемый и поддерживаемый в обществе на официальном уровне [10, с. 108–162]. Надо отметить, что сформированный идеологами образ оказывал влияние на самих репатриантов, заставляя применять по отношению к себе определенные клише, чтобы не выбиваться из «стройной картины». Так, с помощью метода контент-анализа удается в виде смысловых единиц выделить в нарративных документах репатриантов (письма, обращения) усвоенные ими идеологемы и образы, которые транслировались официальной идеологией [11, с. 110–117]. Эти факты свидетельствуют о стремлении бывших «восточных рабочих» адаптироваться либо мимикрировать в условиях советского социума.

Однако декларируемый статус далеко не всегда соответствовал реальному уровню интеграции репатриантов в советское общество. Для анализа результативности (или безрезультатности) процессов интеграции из социальной психологии взято понятие социальной адаптации, которая рассматривается как процесс ресоциализации (реадаптации), который активизируется конфликтом между потребностями и возможностями индивида с одной стороны и особенностями среды – с другой. В результате человек приспособливает свое социальное поведение к системе правил общественного поведения, выработанной либо принятой данным социумом. Поэтому в понятии «адаптация» представлен и процесс, и состояние одновременно. Как процесс – она отражает приспособление к условиям среды, как состояние – характеризует отношения между индивидом и средой, выявляет степень успешности процесса [12, с. 20]. В отношении репатриантов правомерно трактовать социальную адаптацию на родине как реадаптацию, поскольку, находясь на принудительных работах, вывезенные граждане вынуждены были «вжи-

ваться» в абсолютно новые для них политико-экономические и социально-культурные условия немецкого общества. В результате исследования стало очевидным, что процесс социальной адаптации нельзя назвать успешным в отношении всей массы репатриантов, довольно большая часть из них испытала унижения, дискриминацию в правах, трудности с устройством на работу и поиском места жительства.

Ограниченность и до сих пор частичная закрытость документальной источниковой базы не всегда позволяют сделать взвешенные выводы. Это обстоятельство диктует необходимость расширять круг источников и прибегать к данным устной истории. Основными методами устной истории стали возникшие в недрах социологии формализованное (стандартизированное) и глубокое (неформализованное) интервью в различных формах, обусловленных задачами исследования. Известный исследователь войны Е.С. Сеньявская подчеркивала: «Если участники и современники изучаемых событий еще живы, историк имеет уникальную возможность использовать самих людей в качестве непосредственного источника информации. Преимущество в этом случае состоит в том, что исследователь может управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные» [13, с. 28]. К тому же подавляющая масса документов формировалась в результате деятельности государственных структур, следовательно, большинство архивных документов отражают точку зрения власти. Пол Томпсон отмечает: «Неудивительно, что суд истории чаще всего выносит решения в пользу сильных мира сего. Устная история, напротив, создает условия для куда более справедливого суда: можно вызвать свидетелей из низших классов, из числа обездоленных или побежденных» [14, с. 18]. В этих, создаваемых самим исследователем источниках содержится уникальная информация, отсутствующая в других материалах. Она открывает возможность изучения на уровне «микроистории», позволяет учитывать субъективность отражения исторических событий в сознании людей, их мотивацию, ментальность, эмоционально-психические и ценностные характеристики.

Заключение

Необходимо отметить, что идеализировать инновационные методы не стоит, так как они не являются панацеей для научно-исследовательской работы сами по себе. Историки-методологи предупреждают, что продуктивными они могут быть лишь в рамках адекватного теоретического контекста, а также при подчиненности логике исторического исследования [15, с. 102]. Междисциплинарный подход не исключает использования традиционных методов. Более того, такие методы, как историко-генетический, историко-системный, представляющие объект изучения как систему и как элемент системы, изменяющиеся во времени, позволяют исследовать «внешнюю» (объективно-структурную) сторону феномена репатриации. Однако изучение на этом не должно останавливаться. Р. Коллингвуд обращает внимание, что работа историка может начинаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается; он всегда должен помнить, что событие было действием и что его главная задача – мысленное проникновение в это действие, проникновение, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринял [16, с. 203]. Таким образом, в результате методологического синтеза становится возможным преодоление фрагментарности в изучении социума, поскольку в исследовании вовлечены как политические и социальные институты, детерминирующие, в известной степени, общественные отношения, так и непосредственно человек с его субъективной мотивацией, являющийся субъектом и объектом этих отношений. При такой взаимодополняемости, отмечают исследователи, историческая наука обретает известную целостность и становится социальной в объемном смысле этого слова [17, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с.
2. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 259 с.
3. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 439 с.
4. Советские люди на немецкой каторге : сб. писем и рассказов. – М., 1943. – 52 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 7021. – Оп. 88. – Д. 503. Опросные листы на возвратившихся из германской неволи советских граждан в Климовичский район.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 52. Письма репатриированных для отправки за границу.
7. НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 2. – Д. 8. Докладная записка о работе среди репатриантов, списки репатриантов, записи бесед с ними и переписка с Управлением уполномоченного СМ СССР по репатриации, МВД БССР, его местными органами и исполкомами о местопребывании граждан, устройстве репатриантов и сборе писем-обращений.
8. Грыбаў, М. Запіскі остарбайтэра / М. Грыбаў. – Брэст : Акадэмія, 2005. – 228 с.
9. Пилипович, В.Ю. Опросные листы репатриантов Брестской области: квантитативный анализ / В. Ю. Пилипович // Вест. Брэсц. ўн-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 1. – С. 46–57.
10. Йоргенсен, М.В. Дискурсанализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.
11. Сидорцов, В.Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В.Н. Сидорцов, А.А. Приборович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – 199 с.
12. Розум, С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека / С.И. Розум. – СПб. : Речь, 2006. – 365 с.
13. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
14. Томпсон, П. Устная история. Голос прошлого / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 366 с.
15. Поршнева, О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях : учеб. пособие / О.С. Поршнева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 136 с.
16. Коллингвуд, Р.Д. Идея истории / Р. Д. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 485 с.
17. Сидорцов, В.Н. Социокультурные измерения истории: проекты XX века / В.Н. Сидорцов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: У.Н. Сідарцоў, С.М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – Вып. 3 – С. 5–12.

Pilipovich V.Yu. The Interdisciplinary Approach in Study of Post-war Belarusian Society (Based on the Example of Repatriates-ostarbeiters)

This article describes the possibilities of the historical science interdisciplinary cooperation, psychology, sociology, historical informatics and applied mathematics at the sphere of studying the postwar Belarusian society according to the example of the repatriates-ostarbeiters' social group which had been formed in the issue of the war. There is a substantiation of the necessity of the methodological synthesis for the comprehensive multidimensional social reality study in the historical dynamics. The prominence is accented on the oral history, discourse-analysis, content-analysis; quantitative methods and also possible spheres of their usage are demonstrated.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014

УДК 94(476) «1906/1914»: 332.21

К.Ю. Таранович

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО СОЗДАНИЮ ХУТОРОВ И ОТРУБОВ В БЕЛАРУСИ (1906–1914 гг.)

В статье показана деятельность землеустроительных комиссий по созданию хуторских и отрубных хозяйств в Беларуси. Автор определила предпосылки создания землеустроительных комиссий, обозначила их роль в реализации Столыпинской аграрной реформы. В исследовании отражены виды и формы хуторов и отрубных хозяйств, раскрыты методы и способы популяризации хуторских и отрубных хозяйств в Беларуси, а также особенности хозяйственной деятельности хуторян и отрубников. Автором сделан вывод о том, что деятельность землеустроительных комиссий способствовала улучшению земельного положения крестьян и повышению их экономического благосостояния.

Введение

Экономическое положение сельскохозяйственного населения Российской империи в начале XX в., угрожавшее серьезным общественным взрывом, вызывало объективную необходимость в реформировании аграрного сектора экономики страны. Сложилась ситуация, при которой существовавшая форма хозяйства утратила эффективность и не могла конкурировать на международном рынке. Крестьяне, считавшиеся главной опорой экономики, сталкивались с проблемой малоземелья и устаревшими методами и приемами ведения хозяйства. В этой ситуации важным шагом в решении назревших социально-экономических противоречий стало проведение Столыпинской аграрной реформы, направленной на модернизацию сельскохозяйственного сектора экономики. В 1906 г. для реализации реформы были созданы землеустроительные комиссии – государственные учреждения, осуществлявшие на практике аграрные преобразования. Комиссии имели широкий круг полномочий: взаимодействие с Крестьянским поземельным банком; проведение мобилизации земельной собственности: размежевание земель, ликвидация чересполосицы; оказание крестьянам агрономической помощи; участие в организации процесса переселения. Однако основной задачей комиссий при землеустройстве было создание хуторских и отрубных хозяйств на основе крестьянского землевладения и землепользования. Хутора и отруба представляли собой эффективные единоличные формы владения, которые соответствовали необходимым требованиям для организации продуктивного хозяйства, отвечающего вызовам реальности.

Цель нашего исследования состоит в установлении роли землеустроительных комиссий в создании хуторских и отрубных хозяйств и в оценке их влияния на экономическую ситуацию в Беларуси. Сформулированная автором проблема впервые затрагивается в отечественной историографии. Работы исследователей, посвященные Столыпинской реформе, косвенно указывают на деятельность землеустроительных комиссий и не отражают их роль в организации хуторов и отрубных хозяйств [1; 2].

Виды хуторов и отрубных хозяйств

Хуторское и отрубное разделение проводилось с целью распределения всех сельскохозяйственных угодий, принадлежавших крестьянскому обществу, в единоличное владение отдельных домохозяев. В зависимости от особенностей расположения земель землеустроительные комиссии могли создавать несколько видов единоличных вла-

Научный руководитель – А.П. Житко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской истории и методологии исторической науки Белорусского Государственного педагогического университета имени М. Танка

дений. Наиболее предпочтительным видом единоличного владения был хутор, представлявший собой один сплошной участок, по возможности квадратной формы, который включал в себя все полевые угодья вместе с усадебной землей. В тех случаях, когда комиссиям не удавалось образовать участок правильной формы, земля разбивалась на продолговатые хуторские участки, которые также объединяли полевые угодья и усадебную землю. Комиссии обращали внимание на то, чтобы длина такого участка не превышала его ширину более чем в пять раз. В тех ситуациях, когда расположение земель не позволяло образовать ни одну из двух перечисленных форм, землеустроительные комиссии создавали хутора, состоявшие более чем из одного участка, причем в один из участков входила усадьба вместе с пахотной землей, а в другой – вспомогательные угодья (лес, луг).

Если земельные условия не позволяли образовывать единоличные участки в форме хуторов, комиссии создавали другой вид владений – отрубные хозяйства. Здесь наиболее предпочтительным был отруб, представлявший собой один сплошной участок со всеми полевыми угодьями, но расположенный отдельно от усадебной земли. При этом землеустроительные комиссии не допускали чрезмерной отдаленности полевых угодий от усадьбы. Наименее предпочтительной, но допустимой формой был отруб, где усадебная земля, пахотные земли и вспомогательные угодья располагались отдельно, но на приемлемом расстоянии друг от друга. В зависимости от расположения угодий отруба могли состоять из нескольких отдельных участков: пашни, леса, покосов, – но при обязательном условии, чтобы угодья каждого вида были расположены в одном месте. Это обеспечивало хозяйственную самостоятельность каждого отрубника, так как чересполосица пахотных угодий устранялась и крестьяне могли отгораживать свои поля и вводить на своей земле такие порядки полеводства, которые каждый считал для себя наиболее удобными и выгодными [3, с. 41].

Наряду с хуторским и отрубным разверстанием в индивидуальных случаях комиссии применяли смешанные формы владений, когда, например, часть домохозяев оставалась на отрубном хозяйстве, а часть выселялась на выделенные им участки, образуя самостоятельные хутора [3, с. 43].

Примечательно, что землеустроительная комиссия Гродненской губернии практиковала своеобразный способ расселения, отличавшийся от обычного перехода на хутор или отруб. Перед расселением комиссии разбивали все пашни на участки по числу дворов. Каждое хозяйство устраивалось на отведенном ему участке, при этом в совокупности хозяйства составляли небольшое поселение. На каждое поселение приходилось в среднем по 4–8 дворов. Пастбище, сенокос, лес и неудобные земли разверстывались по числу дворов. Чтобы создать для каждого хозяйства приемлемые условия, комиссии при делении угодий подразделяли их на категории в зависимости от качества и расположения. Такие хозяйства имели некоторые преимущества, но они не были эквивалентны хуторскому или отрубному расселению [4, с. 44].

Популяризация хуторов и отрубов на территории Беларуси

Изучив сельское хозяйство на территории Беларуси, землеустроительные комиссии обратили внимание на определенные особенности, которые создавали благоприятные условия для развития здесь хуторских и отрубных владений. Это особенности характера и размеров местной чересполосицы. Так, в северо-западных губерниях с подворным владением (Виленская, Гродненская, Минская губернии) существовало два вида внутренней чересполосицы: 1) полосами по отдельным пластам или ярусам и 2) шнуровая. В первом случае все земли, принадлежавшие селению, были разбиты на пласты или ярусы в зависимости от качества и расстояния. В такой ситуации одни владельцы имели полосы во всех пластах, другие – только в некоторых из них. При шнуровой чересполосице земли на пласты не разбивались, а полосы («шнуры») тянулись через весь

надел. Первый вид чересполосицы был распространен в крупных селениях, второй – в небольших по численности [5].

Внутренняя чересполосица усугублялась наличием внешней: с частновладельческими, казенными и церковными землями. Убыточное влияние чересполосицы на хозяйство вынуждало крестьян Беларуси переходить на хутора и отруба. Кроме этого, комиссии отмечали ряд других факторов, способствовавших хуторскому расселению на территории Беларуси. Во-первых, в северо-западных губерниях хозяйственные условия в наибольшей мере подходили для создания хуторов и отрубов, так как население для этого «достаточно созрело». Во-вторых, на территории Беларуси были распространены хутора колонистов (латышей и немцев), которые являлись примером фермерского типа хозяйства. Хутора колонистов служили образцом эффективного единоличного владения для местных крестьян. В-третьих, новый земельный строй, который укореняли комиссии, не противоречил юридически или фактически существовавшей форме владения в северо-западных губерниях [6].

Опыт работы землеустроительных комиссий в Беларуси показал, что в тех местностях, где преобладали малоземельные крестьяне, разверстание на хутора и отруба не находило поддержки среди населения, так как небольшой участок земли не позволял организовать эффективное единоличное хозяйство. С другой стороны, комиссии сталкивались с ситуациями, когда земельное обеспечение владельцев значительно превышало среднюю норму, и крестьяне не видели необходимости в переходе на хутор. Поэтому наиболее благоприятные условия для разверстания на единоличные участки землеустроительные комиссии находили в тех губерниях, где наделы большинства крестьян имели среднюю величину (8–10 дес.). В этом отношении северо-западные губернии представляли для комиссий наиболее подходящий регион. Так, в Минской губернии средняя площадь крестьянского надела была равна 9,1 дес., в Могилевской – 8,2 дес., в Витебской – 9 дес., в Виленской – 13,5 дес. Это было одной из причин активного перехода крестьян к хуторским и отрубным хозяйствам [7, с. 14–15].

С целью популяризации среди крестьян хуторских и отрубных форм хозяйства Главным управлением землеустройства и земледелия была издана брошюра А.А. Кофода «Хуторское расселение». Землеустроительные комиссии активно распространяли эти брошюры среди крестьянства. Здесь в доступной форме разъяснялось преимущество хуторского и отрубного расселения над другими видами хозяйства, опровергались мнения противников хуторов и отрубов, указывалось, что необходимо для того, чтобы перейти от общинного или чересполосного пользования землей к расселению на хутора и отруба [8, с. 522]. Популяризация хуторов и отрубов на территории Беларуси осуществлялась не только посредством распространения различных брошюр и изданий, но и благодаря организации показательных экскурсий для крестьян в районы с развитыми хуторскими и отрубными хозяйствами. Часто к экскурсионным группам присоединялись этнографы и исследователи крестьянского быта. Так, в 1909 г. исследователь С. Бельский присоединился к группе крестьян, которые посетили несколько хуторских хозяйств, организованных землеустроительными комиссиями в Минской губернии. Свои впечатления от увиденного С. Бельский позже опубликовал в очерках «Новая земледельческая Россия». Он писал: «Всюду белеют хутора и придают картине необычайное оживление. Кажется, что едешь по какой-то бесконечной деревне, где тщательно возделан каждый вершок плодородной, хорошо орошенной земли» [9, с. 3].

Землеустроительные комиссии старались ознакомить экскурсантов со всеми возможными прогрессивными приемами ведения хозяйства на хуторах и отрубях. Так, по словам С. Бельского, «в течение одного дня можно увидеть и оценить влияние на хозяйство различных форм землепользования и землевладения, наблюдать постепенный

переход от рутинного ленивого земледелия к разумному, энергичному и даже талантливому труду на земли» [9, с. 4].

Показательные хуторские и отрубные участки выполняли роль не «приманки» для крестьян, а являлись реальным примером образцового хозяйства, к которому стремился любой домохозяин. Если в процессе ознакомления с показательными хуторами и отрубам у крестьян возникали вопросы, то неперенные члены землеустроительных комиссий и специалисты-инструкторы подробно разъясняли экскурсантам все детали и особенности ведения хозяйства. Так, С. Бельский писал: «При мне хутора осматривали две партии ходоков. Сопровождали их неперенные члены землеустроительных комиссий и инструктор по сельскохозяйственной части. Ходоки убеждались, что «фальши» нет и что доходы хуторянина раза в три, четыре больше доходов общинника, владеющего таким же количеством земли» [9, с. 6].

Результаты деятельности комиссий по популяризации хуторских и отрубных хозяйств на территории Беларуси были заметны уже к 1908 г., когда землеустроительными комиссиями Виленской губернии было принято от населения 6 862 ходатайства о желании перейти на хутора и отруба, под которые было отведено 19 969 дес. земли. В Витебской губернии комиссиями было удовлетворено 8 035 ходатайств и создано хуторских хозяйств на площади 64 544 дес. земли, в Гродненской – 6 359 ходатайств и 9 138 дес., в Минской – 7 057 ходатайств и 7 935 дес., в Могилевской – 4 393 ходатайств и 38 734 дес. Наиболее активно создавались хуторские и отрубные хозяйства в Витебской и Могилевской губерниях [10, с. 3].

Землеустроительные комиссии активно приобщали хуторян и отрубников к окультуриванию ранее неиспользовавшихся земель. Благодаря этому в 1906–1908 гг. наблюдалось фактическое увеличение обрабатываемых на хуторах земель за счет незадействованных площадей и земельных полос, разделенных чересполосицей. В отчетах землеустроительных комиссий Витебской и Виленской губерний за 1908 г. указывалось, что за счет вовлечения в хозяйственный оборот ранее неиспользованных земель площадь засеянных на хуторах участков увеличилась на 15–20% [10, с. 24].

Создание хуторских и отрубных хозяйств в северо-западных губерниях

Ходатайства о переходе на хутор или отруб поступали в землеустроительные комиссии не только от единичных владельцев, но и от целых деревень. Так, большую работу по разверстанию на хутора провели комиссии в деревне Бубновка (Минская губерния), которая состояла из 34 надельных дворов. Владения крестьян в деревне были разбросаны в 25 различных местах, причем отдельные земельные полосы имели или незначительные размеры, или сильно удлиненную форму. Общая площадь надельной земли, которой владели крестьяне, составляла 920 дес., и по причине ее неудобного расположения часть крестьян подала ходатайства в землеустроительную комиссию о переходе на хутора, а другая часть – на отруба. Специалисты комиссии провели в деревне работу по разверстанию земель, в результате чего было образовано 22 хуторских и 12 отрубных хозяйств. Всем владельцам и хуторов, и отрубных были обеспечены необходимые условия для ведения хозяйства: наличие пашни, сенокоса и небольших участков дубового леса. Размер хуторского владения был равен в среднем 27 дес., отрубного – 23 дес. Благодаря деятельности комиссий деревня Бубновка стала представлять собой группу рационально организованных единоличных хозяйств [11].

Значительное количество хуторских участков землеустроительными комиссиями было создано в деревне Рыжовка (Могилевская губерния), занимавшей площадь 949 дес. До вмешательства комиссий большая часть леса и небольшие участки пахотной земли состояли в общем владении крестьян. Отдельные полосы, которые составляли крестьянские наделы, были сильно разбросаны и представляли собой узкие вытянутые по-

лосы, расположенные на расстоянии 6–7 км друг от друга. В результате работы комиссий на территории деревни было образовано 72 хуторских участка. При этом некоторые из хуторян, во владениях которых не имелось сенокосов, получили добавочные сенокосные участки, в результате чего все были обеспечены как полевыми, так и луговыми угодьями. При разверстании были задействованы все усадебные и огородные наделы, на которых комиссии образовали 11 самостоятельных участков. Площадь хуторов в среднем составляла 17 дес. Все хуторские участки были обеспечены водоснабжением и дорогами, которые специально прокладывались комиссиями [12].

Хотя хуторские и отрубные хозяйства пользовались большим спросом среди крестьян северо-западных губерний, некоторые владельцы отказывались выходить на хутора и отруба. Противниками расселения на хутора и отруба были, как правило, с одной стороны, малоземельные, а с другой – состоятельные, арендовавшие наделные земли у своих односельчан или занимавшиеся торговлей в селе. Малоземельные крестьяне отказывались выходить на хутора и отруба по той причине, что в составе общества они наравне с другими домохозяевами пользовались общими выгонами, пастбищами и толоками. Крестьяне боялись потерять право пользования этими землями при переходе в хуторские и отрубные хозяйства. Это было характерно для Минской и Виленской губерний. Состоятельные домохозяева не переходили на хутора и отруба потому, что у многих из них имелись сложные хозяйственные сооружения, перенос которых на новые места обходился слишком дорого. Кроме того, многие из состоятельных крестьян держали свои лавки и арендовали наделы у менее обеспеченных односельчан, преимущественно безлошадных и не имевших достаточного числа взрослых работников. Поэтому переселение на хутора и отруба могло отрицательно отразиться на их торговой деятельности, а также на возможности продолжать аренду, так как хуторские и отрубные участки обычно обрабатывались самими владельцами. Кроме указанных групп противниками расселения на хутора и отруба выступали проживавшие в деревнях лица некрестьянского сословия, которые приобрели имения и землю в северо-западных губерниях. Для них расселение крестьян в хуторских и отрубных хозяйствах грозило убытками и потерей рабочей силы, поэтому они пытались сохранить прежний порядок [10, с. 17].

Землеустроительные комиссии не только приобщали крестьян к хуторским и отрубным формам хозяйства, но также отслеживали, насколько комфортно устроились крестьяне на новых хуторах. Специалисты землеустроительных комиссий, объезжая хуторские владения, отмечали: «Со времени перехода от старого порядка землепользования к новому замечается полная перемена в укладе жизни хуторян: развивается личная инициатива, самостоятельность и восприимчивость к введению улучшенных приемов хозяйства, особая заботливость в отношении обработки почвы, а именно: осенняя вспашка, перепашка, черный пар, замена сохи плугом, применение пружинных борон и других усовершенствованных орудий, удобрение пашни не только навозом, но и туками, ограждение и охрана участков, борьба с сорными травами, приобретение улучшенных семян» [13, с. 34]. Кроме того, сразу после переселения крестьян на хуторские участки землеустроительные комиссии инициировали проведение мелиоративных работ, которые приводили к увеличению площади культурных и удобных земель за счет запущенных, бездоходных и неудобных участков. Комиссии оказывали содействие крестьянам в расчистке от зарослей и камней пашни и других угодий, удалении кочек, выкорчевке пней, осушении мокрых и болотистых мест. Наиболее активное содействие оказывалось крестьянам Витебской, Виленской и Могилевской губерний. Также в Могилевской губернии землеустроительные комиссии приобщали хуторян к посеву трав на свободных местах и к лесонасаждению [14].

Деятельность землеустроительных комиссий оказывала положительное влияние на систему полеводства в хуторских и отрубных хозяйствах. Специалисты комиссий

обучали хуторян и отрубников правильному многопольному севообороту с введением кормового клина (особенно активно эти процессы проходили в Виленской и Витебской губерниях). Если крестьяне испытывали затруднения при переходе к многопольному севообороту, агрономы из состава землеустроительных комиссий обучали их приемам посева клевера, тимофеевки, вики и других сельскохозяйственных культур в рамках прежнего трехполья [15].

Специалисты сельского хозяйства, приглашенные землеустроительными комиссиями, проводили мониторинг результатов более тщательной обработки почвы и ухода за посевом, а также введения многопольного севооборота в хуторских и отрубных владениях крестьян. По итогам мониторинга землеустроительные комиссии уже в первые годы отмечали повышение урожайности в хозяйствах хуторян. Так, в 1908 г. в Витебской губернии уровень урожайности на отрубных и хуторских участках сравнительно с урожаями чересполосных владений повысился приблизительно на 20–30% [16].

О результативности деятельности комиссий по созданию эффективных хуторских и отрубных хозяйств свидетельствует тот факт, что никто из переселившихся на хутора и отруба, несмотря на определенные расходы, не изъявил желания вернуться обратно к общинным или чересполосно-подворным формам землевладения [17].

Комиссии оказывали финансовую помощь крестьянам, переходящим на отрубные и хуторские участки, в виде ссуд и пособий. Денежная помощь предназначалась не только на перенос построек, но и на расходы, связанные главным образом с улучшением условий полевого хозяйства, введением интенсивных севооборотов, посевом трав, приобретением инвентаря, на производство простейших гидротехнических сооружений, проведение дорог и огораживание. Комиссии могли либо выдавать общую сумму, не конкретизируя отдельные статьи расходов, либо выдавать ссуду по отдельным категориям запросов. Наибольшие суммы такого рода выдавались в Витебской и Могилевской губерниях [13, с. 19]. Стоимость переноса построек при хуторском расселении по губерниям и уездам отличалась: например, в Гродненской губернии, где лес был дешевле, среднестатистический расход на перенос, не считая работы хозяина, обходился в 30–60 руб. В случаях, когда переносимые сооружения были слишком ветхими, расходы возрастали до 100 руб. [18].

Заключение

Наблюдая за хозяйствами хуторян и отрубников в Беларуси, землеустроительные комиссии неоднократно в годовых отчетах отмечали изменения в отношении крестьян к своим владениям: «С выходом на хутора во всех селениях без исключения пашни значительно увеличиваются. Каждый хозяин стремится расчистить и распахать на своем участке все, что только может быть распахано: кустарники, бывшие пастбища, плохие покосы. С ростом пашни в той же степени возрастает и посевная площадь. Благодаря близости и кучности полей обработка производится своевременно и тщательнее, пашня удобряется ровнее. Заметно повышается урожайность в хуторских и отрубных владениях» [4, с. 67].

Таким образом, активное распространение хуторских и отрубных хозяйств являлось особенностью сельскохозяйственной жизни Беларуси. С одной стороны, этому способствовали сложившиеся здесь экономические условия (необходимость в ликвидации чересполосицы, наличие в крае фермерских хозяйств колонистов), с другой – царское правительство уделяло Беларуси особое внимание и осуществляло здесь активную популяризацию хуторов и отрубов. Так, землеустроительные комиссии неоднократно организовывали для крестьян за счёт собственных средств поездки в местности с развитым хуторским расселением. Хуторянам и отрубникам оказывалась техническая и финансовая помощь.

Благодаря деятельности землеустроительных комиссий в Беларуси увеличилось число эффективных единоличных владений в форме хуторских и отрубных хозяйств. Эти процессы объективно влияли на улучшение земельного положения крестьян, а также на повышение их экономического благосостояния в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дудкоў, Д.А. Стальпінская рэформа ў Віцебскай губерні / Д.А. Дудкоў. – Мінск : Ін-т гісторыі, 1931. – 121 с.
2. Липинский, Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии / Л.П. Липинский. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 221 с.
3. Землеустройство (1907–1910 гг.) : обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 г. . – СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911 г. – 120 с.
4. Шилдаев, И.С. Хуторское расселение в западных губерниях / И.С. Шилдаев. – Пермь : Электротипография губернского земства, 1908. – 80 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 47. – Оп. 1 – Д. 99. По проведению в исполнение проекта разверстания на хутора и отруба. За 1908 г.
6. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1 – Д. 14. Журналы заседаний губернской землеустроительной комиссии. За 1908 г.
7. Итоги землеустройства: графическое изображение деятельности землеустроительных комиссий за первое пятилетие. – СПб., 1912. – 83 с.
8. Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по 1 июня 1908 г.). – СПб. : Тип. В.О. Киршбаума, 1908. – 1294 с.
9. Бельский, С. Новая земледельческая Россия (очерки землеустройства). – М., 1910. – 208 с.
10. Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908 гг.). – СПб. : Тип. В.О. Киршбаума, 1909. – 95 с.
11. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 26. Список деревень и выполненных работ. За 1907–1911 гг.
12. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 49. Журнал входящих бумаг. За 1909 г.
13. Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1909 гг.). – СПб. : Тип. В.О. Киршбаума, 1911. – 79 с.
14. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 28. Входящий журнал. За 1908 г.
15. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 29. Циркуляры минского губернатора. За 1909 г.
16. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 41. Сборник циркуляров. За 1909 г.
17. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 43. Журнал заседания комиссий. За 1908 г.
18. НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 38. О кредитах на оказание денежной помощи. За 1908 г.

Taranovich K.Yu. The Activities of the Land Commission to Create Farms and Cuts in Belarus (1906–1914)

The article describes the activities of the land commissions on creation of farms in Belarus. The author has determined the background to the planning commissions, outlined their role in the implementation of Stolypin agrarian reform. The study reflected the types and forms and farm cuts, discloses the methods and ways to promote farms in Belarus, and especially the economic activities of farmers in the North-Western provinces. The author makes the conclusion that the activities of the land commissions contributed to the improvement of land situation of farmers and increase economic welfare in the region.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.04.2014

УДК 37.015

И.И. Вавренюк**РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ИУДЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)**

В статье проведён анализ развития начальных иудейских школ на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.), выделены основные типы школ, рассмотрен процесс обучения, определены особенности работы начальных иудейских школ региона. Выделены направления работы начальных иудейских школ. Подчёркнута традиционная воспитательная доминанта в образовании иудеев.

Введение

История еврейского образования насчитывает более двух тысяч лет. Именно образование сыграло важнейшую роль в сохранении еврейского народа и развитии его культуры. В еврейском мире образование было одним из символов принадлежности к аристократии еврейского общества. Период 1920–1930-х гг. был благоприятным временем для развития иудейского образования, когда Польша стала для иудеев глобальным религиозным, культурным и образовательным центром [1, с. 34–35]. Иудейское образование было представлено в государстве различными типами учебных учреждений: начальными школами (хедеры, «Талмуд Торы», «Бейс Яков», «Хойрев», «Тахкемоне», «Явне»), иешивами. Система иудейских школ позволяла еврейским детям получать начальное религиозное образование и тем самым на практике реализовать один из важнейших принципов иудаизма: через учение передавать религиозную традицию.

Историография проблемы

История иудейских учебных заведений Западной Беларуси 1921–1939 гг. является одной из малоизученных тем в современной отечественной историографии. Данная тема затрагивалась в исследованиях А. Вабищевича, А. Мощука [2], В. Кривутя [3], П. Стецкевича [4], Е. Пашкович [5], А. Войтещик [6] и др. Системно вопросы культурного развития евреев Западной Беларуси через призму национально-культурной жизни региона рассмотрены в публикациях и докторской диссертации А.Н. Вабищевича [7]. Исследователь выделил начальные школы и иешивы как формы религиозных учебных заведений евреев, показав на учебном процессе воздействие полонизации. В диссертационном исследовании А. Мощука рассмотрена деятельность сионистов в учебных учреждениях Западной Беларуси, отмечен курс большинства еврейских политических организаций на создание еврейской национально-культурной автономии в рамках Польского государства. В диссертационном исследовании П. Стецкевича подчеркивается, что сеть национальных школ еврейские политические партии использовали как платформу для агитации, а под влиянием «Агудас Исраэль» в Западной Беларуси находился ряд образовательных организаций. В диссертационном исследовании А. Войтещик автор на основе множества источников охарактеризовала школы как центры культурной жизни местечек.

В целом специфика историографии по данной теме заключается, во-первых, в малой изученности данной проблемы; во-вторых, в попытках рассмотреть исследуемую проблему без учёта специфики иудейских учебных учреждений. В последние годы в научный оборот вводится большое количество архивных документов. Публикации бе-

Научный руководитель – А.Н. Вабищевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

лорусских учёных отличаются использованием множества различных источников. При всей важности изучения данной проблемы необходимо констатировать, что до сих пор она не была предметом специального исследования.

Целью работы является характеристика процесса развития начального иудейского образования Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: выявить основные типы иудейских начальных учреждений образования, определить специфику их работы.

Организация иудейского образования

Образовательная деятельность была одной из приоритетных в работе иудейских гмин в 1921–1939 гг., что было обусловлено рядом факторов (антисемитизм, полонизация, сионизм и др.). Гмины занимали активную позицию по проблемам сохранения культуры, так как считали иудаизм и иврит главными оплотами сохранения идентичности еврейского народа в многоконфессиональном государстве. В силу этого предпочтение в субсидировании отдавали учреждениям образования, которые сохраняли традиции иудаизма и преподавание строили на иврите. Так, например, иудейские гмины Полесского воеводства материально поддерживали хедеры, «Талмуд Торы», школы «Бейс Яков», «Хойрев», «Явне», иешивы. В 1936 г. религиозная еврейская гмина Берёзы Картузской выделила на «Талмуд Тору» 355 злотых, на школу «Явне» – 300, школу имнеи Переца – 300 [8, л. 2]. В 1937 г. гмина Кобриня выделила на школы «Бейс Яков» 3 593 злотых 55 грошей, «Хойрев» – 9 850 злотых 56 грошей [9, л. 3об.].

Кардинальные изменения в процессе организации иудейского образования произошли в 1920-е гг. в связи с активизацией «Агудас Исраэль», с которой гмины ранее сотрудничали. В 1926 г. прошла окружная конференция, где было принято решение о необходимости существования и поддержки иудейских религиозных школ с целью сохранения иудейской идентичности в Польском государстве. Уже в 1929 г. с целью реализации принятых решений была создана Центральная образовательная организация «Хойрев», которая декларировала основной целью своей деятельности организацию новых и покровительство ранее созданным религиозным школам для еврейских мальчиков. С этого момента организационный центр иудейского образования в Польском государстве сместился. Активность проявляла и партия «Мизрахи», под покровительством которой находилась сеть учреждений образования «Явне», но она занимала не главенствующего положения.

Польские власти ожидали покорности и поддержки со стороны еврейской общности и использовали для этого языковой фактор. В 1921–1939 гг. на западнобелорусских землях евреи разговаривали на идиш, а почитали иврит как язык святых книг, который знало сравнительно небольшое количество иудеев. Упор польских властей на иврит и польский язык в образовании являлся дезинтегрирующим элементом для еврейской общности. Полонизация нашла своё отражение в процессе деятельности данных учебных учреждений, что выразилось в первую очередь в организации процесса образования, ужесточении контроля за работой школ (особенно в 1930-е гг.).

Иудейское образование западнобелорусских территорий было в ведомстве Министерства вероисповедания и общественного просвещения. До 1932 г. на еврейские религиозные школы распространялось распоряжение от 1919 г. № 15931/259 генерального комиссара восточных земель по школьным вопросам и просвещению. Также деятельность иудейских религиозных школ регулировалась законодательными актами о начальных религиозных школах национальных меньшинств Польского государства. До 1935 г. действовал закон 1919 г., согласно которому все дети независимо от национальности или религиозных взглядов должны были учиться в начальных школах, вводились обязательные светские предметы. Если начальная школа сохраняла свою только

религиозную направленность, то ученики этих школ обязаны были параллельно посещать светскую школу [10, л. 5].

Вплоть до реформы системы образования 1932 г. для открытия религиозной школы Министерством вероисповеданий и общественного образования Польского государства предъявлялись такие общие требования:

- в первый класс дети не могут приниматься, не достигнув полных 7 лет;
- программа обучения в школе должна соответствовать программам Министерства вероисповеданий и общественного образования Польского государства для публичных начальных школ;
- в школе должен быть предмет «Физическая культура» и др.

Кроме этого, о всех изменениях в помещениях, составе персонала и прочего необходимо было сразу же сообщаться в кураториум через школьного инспектора. В противном случае учебное заведение закрывалось. Руководитель и преподавательский состав утверждались на каждый учебный год. Только после этого религиозная частная школа могла претендовать на получение концессии на следующий учебный год. Концессию необходимо было оформлять ежегодно. Персонал нельзя было менять на протяжении учебного года [11, л. 2–2об.].

По вопросу приёма учителей на работу в школы действовала строгая система отбора. 26 сентября 1922 г. был издан закон, касающийся квалификации учителей, принимаемых на работу в государственные и частные общеобразовательные учебные заведения и учительские семинарии. Для всех раввинов и подраввинов, преподававших в учебных учреждениях, необходимо было свидетельство от раввина синагоги о праве преподавания религии и Талмуда [12, л. 2]. Кроме того они должны были предоставить документ о знании польского языка и иврита [13, л. 1].

После реформы 1932 г. на начальные религиозные школы распространялись следующие нормативно-правовые акты Польского государства: законы от 11 марта 1932 г. и 7 июня 1932 г. о частных учебных заведениях [14, л. 1]. В соответствии с ними ужесточались правила открытия и содержания частных учебных заведений, что создавало ряд проблем для евреев. В целом развитие законодательства по вопросам частного образования значительно ограничивало в правах иудеев на развитие религиозных учебных учреждений, делало их более светскими, создавало ряд требований, выполнение которых было проблематичным для этих начальных школ. Позитивным моментом являлось повышение уровня образования иудеев, образование по новым стандартам, введение новых языков обучения.

Хедеры

История начальной исповедальной школы – хедера (в дословном переводе с древнееврейского – «комната») – уходит в глубь веков и впервые упоминается в документах XIII столетия. В дальнейшем хедеры стали непременным атрибутом национальной жизни европейского еврейства. Система еврейских вероисповедальных школ позволяла всем еврейским детям, прежде всего мужского пола, независимо от социального статуса и имущественного положения их родителей, получать начальное религиозное образование. Занятия в хедере давали возможность достаточно основательно знать Тору, читать повседневные и праздничные молитвы, ориентироваться в талмудических трактатах, читать, а нередко и знать на память ряд основных священных текстов на древнееврейском языке; воспитывали приверженность ценностям иудаизма [15, с. 68–69].

Хедеры в 1920-е гг. на территории Западной Беларуси были самыми распространёнными типами начальных школ среди иудеев. Их открывали как частные лица (раввины, подраввины, лица без духовного звания), так и религиозные гмины. Существовали хедеры следующих типов: подготовительные школы, подготовительные и началь-

ные школы, начальные школы; смешанные (для детей обоих полов) и только для мальчиков; реформированные и традиционные. К обучению принимали детей в возрасте не младше 7 лет, но не старше 14 лет. Хедеры имели названия, обусловленные религиозной традицией, назывались именем попечителя или авторитетного религиозного деятеля: «Хинух» [16, л. 2–12] и «Хахаим» [17, л. 2] (Брест), имени раввина Зильберфарба (Высоко-Литовск) [18, л. 18], «Месора» (Ганцевичи) [11, л. 2–22] и др.

Наиболее распространёнными в 1921–1939 гг. на территории Западной Беларуси были реформированные хедеры. Их характерными чертами были: 1) обучение детей обоих полов, 2) преподавание на польском и иврите. Светские предметы преподавали по программам, утверждённым Министерством вероисповедания и общественного просвещения в 1922 г., религиозные – по специально составленным программам. В Бресте, центре Полесского воеводства, по адресу улица Сенкевича, 40 работал реформированный 1-классный хедер «Хинух». Материальную ответственность по его содержанию взяла на себя еврейская религиозная гмина города. Концессия на проведение хедера была оформлена на брестчанина, члена иудейской гмины Юдея Кагана. В 1925/26 учебном году в школе училось 50 учеников обоего пола. Оплата от учеников составляла по 10 злотых ежемесячно. Процесс обучения был рассчитан на 10 месяцев (с сентября по июнь включительно). Иудеи сохраняли религиозные традиции, вследствие чего каждый учебный день начинался с молитвы, а по субботам и праздникам (еврейским, иудейским, польским государственным) учёбы не было вообще. Обучение было предметным. Профиль учебного заведения определял перечень преподаваемых предметов: «Польский язык», «Арифметика и геометрия», «Библия», «Псалмы», «Иврит», «Молитвы». Обучение шло на двух языках: польском (светские предметы) и иврите (религиозные предметы). В 1926/27 учебном году открыли подготовительный и первый классы, причём количество учебных часов в первом классе было всего на 1 час больше, чем в предыдущем. Соотношение количества часов на изучение светских и религиозных предметов в подготовительном классе составляло 9/21 (30%/70%), в первом – 10/21 (32%/68%) [16, л. 2–12]. В 1935/36 учебном году в этом хедере училось уже 82 ученика в 5 классах. Вследствие давления польских властей произошло изменение недельного расписания и нагрузки в сторону увеличения часов на изучение светских предметов. Среди учебных предметов появились «Религия», «История», «География», «Природоведение», «Талмуд», «История евреев». Соотношение количества часов светских и религиозных предметов в 1-м классе стало составлять 10/12 (45%/55%), во 2-м – 10/17 (37%/63%), в 3-м – 12/13 (48%/52%), в 4-м – 15/11 (57%/43%), в 5-м – 20/15 (57%/43%) [18, л. 10–13], что свидетельствовало о доминировании религиозного обучения.

Характерными чертами традиционных хедеров были: преподавание только на иврите, изучение только религиозных предметов, обучение исключительно мальчиков. Срок обучения составлял 1 год в 1-м и 2-м классах, 2 года – в 3-м классе, 3 года – в 4-м. В традиционные хедеры часто принимали детей младше 7 лет, что соответствовало иудейской традиции, но противоречило польскому законодательству. Традиционные хедеры отличались малочисленностью обучающихся. Зачастую директором, владельцем здания школы и учителем (меламедом) традиционного хедера был один и тот же человек [19, л. 1–9]. Эти хедеры повсеместно закрывались под разными предлогами, так как польская власть никак не могла их контролировать. С другой стороны, такие хедеры не предоставляли никакой социализации обучающимся, создавая своим выпускникам в будущем проблемы. Методика преподавания в хедерах не менялась столетиями: господствовало механическое зазубривание текстов Торы, книг Пророков и Талмуда, часто без понимания смысла. Абсолютное большинство еврейских мальчиков прошло через обучение в хедере, и потому (в отличие от христианского населения) еврейские мужчины (а нередко и женщины) были грамотны, знали не только язык повседневно-

ного общения (идиш), но и древнееврейский язык (иврит). Но это отнюдь не свидетельствует о всеобщей грамотности, которой не было ни среди еврейского населения, ни среди населения Польского государства в целом. Характерным явлением еврейской общности Польского государства в 1921–1939 гг. был относительно низкий процент неграмотных. Согласно статистическим данным 1931 г., 79,9% евреев в возрасте 5–10 лет могли читать и писать, а старше 10 лет – 82,8% (среди поляков – 69,6% и 72,4% соответственно) [1, с. 38].

«Талмуд Торы»

Распространению образованности и сохранению иудейской культуры немало способствовали «Талмуд Торы», которые в 1921–1939 гг. в Польском государстве наравне с хедерами были распространёнными начальными иудейскими школами. Причём, если ранее традиционные «Талмуд Торы» были открыты только для мальчиков, то в 1921–1939 гг. широкое распространение получили и реформированные «Талмуд Торы», в которых обучались и мальчики, и девочки.

«Талмуд Торы» рассматривались в иудейской среде не только как иудейские начальные школы, но и как формы сохранения культурной идентичности евреев в поликонфессиональном обществе Польского государства. Различными способами (несоблюдение предписаний министерств, отсутствие либо слабое преподавание польского языка как предмета, упор в обучении на религиозные предметы и т.п.) владельцы «Талмуд Тор» противостояли полонизации, чем давали возможность для обучающихся продолжить домашнее обучение и воспитание в духе иудейских традиций.

Одной из особенностей «Талмуд Тор» являлась финансовая их поддержка со стороны иудейских религиозных гмин и благотворителей, что позволяло делать образование в школе бесплатным или частично платным (за счёт родителей учеников). За тех учеников, которые не могли оплачивать учёбу, деньги вносила гмина. Так, в Бресте в «Талмуд Торе имени раввина Соловейчика» по улице Длинной, 85b в 1930/31 учебном году из 459 детей в 11 классах около 50% учились бесплатно, 25% платили в месяц по 1 злотому, 25% – от 3 до 5 злотых [20, л. 6]. В 1932 г. в «Талмуд Торе» местечка Селец Пружанского повета оплата составляла от 5 до 18 злотых в месяц [21, л. 72]. Религиозные иудейские гмины по мере возможностей материально поддерживали «Талмуд Торы». В 1936 г. религиозная еврейская гмина Берёзы Картузской выделила на «Талмуд Тору» города около 30% годовых выплат на образование [8, л. 2]. В 1936 г. гродненская еврейская община выделила на «Талмуд Тору II» 1 200 злотых [22, л. 6]. В 1934 г. пинская религиозная гмина выделила на пинскую и каролинскую «Талмуд Торы» по 2 000 злотых [23, л. 2об.], в 1938 г. – 2 000 и 1 500 злотых [24, л. 7], в 1939 г. – 1 500 и 200 злотых соответственно, а на Талмуд Тору в Погосте Загородском – 100 злотых [25, л. 1]. Местные власти иногда материально поддерживали начальные школы этого типа: в Гродно магистрат города в 1929 г. разово выделил субсидии «Талмуд Торе I» 12 500 злотых [26, л. 47], на 1929/30 учебный год – 20 000 злотых [27, л. 17], но это не было распространённым явлением.

Владельцами «Талмуд Тор» значились в основном раввины, например, в Граево Щучинского повета раввин А. Гроссман [28, л. 9об.]. «Талмуд Торы» располагались преимущественно в городах и местечках, что объяснялось урбанизацией евреев. Так, в Пинске из пяти еврейских религиозных начальных школ две были «Талмуд Торами»: «Пинско-Каролинская Талмуд Тора» и «Пинская Талмуд Тора» [29, л. 3–8]. В Гродно из шести еврейских школ две были «Талмуд Торами» [26, л. 148]. Традиционные «Талмуд Торы» открывали и в сельских больших селениях, где было достаточно иудейских детей (Остролесье и Мышинец Кобринского повета [30, л. 7], Граево Щучинского повета [31, л. 2–7об.] и др.).

«Талмуд Торы» были востребованы по причине религиозности иудеев и бесплатного (или малой оплаты) обучения. В начальных школах этого типа учились дети не самых обеспеченных евреев. Анализ социального состава родителей учащихся гродненской «Талмуд Торы I» представляется следующим: рабочие – 17,2%, портные – 15,4%, швеи – 10,4%, извозчики – 10%, ремесленники – 9%, торговцы – 7,5%, носильщики – 7%, столяры – 5,5%, маляры – 4,3%, врачи 4,2% [32, с. 183]. Именно в «Талмуд Торах» училась значимая часть иудейских детей селения. Так, в «Талмуд Торе I» Гродно по состоянию на 7.05.1928 г. училось 309 детей в 6 классах (111 мальчиков и 198 девочек), а на 6.11.1929 г. – 509 человек в 10 классах (277 мальчиков и 232 девочки) [26, л. 23–46].

Процесс обучения длился 10 месяцев в году ежедневно, кроме суббот и праздников (иудейских, еврейских и государственных польских). Также не занимались в пятницу после обеда, что было обусловлено шабатом. Расписание составляли с воскресенья до пятницы включительно. Обучение шло на двух языках: польском и иврите (в документах начальных школ значилось, что языком преподавания является польский для светских предметов, иврит – для религиозных). В действительности в школах постоянно во время проверок выявляли, что дети не только не знают польского языка, но даже его не понимают. Такие факты были установлены, например, во время проверки школьным инспектором в «Талмуд Торе» Гродно в 1924 г. [26, л. 10–10об.]. Обучение в традиционных и реформированных «Талмуд Торах» шло по программам для частных еврейских начальных школ религиозного направления [21, л. 6].

Профиль учебного заведения определял перечень преподаваемых предметов. Ежедневно обучение начинали с молитвы. Изучали предметы как обязательные («Религия», «Польский язык», «Иврит», «История», «География», «Природоведение», «Арифметика» и др.), так и специальные («Талмуд с комментариями», «Талмуд и Библия», «Библия с комментариями», «Библия», «Религия») [33, л. 8]. Тип «Талмуд Торы» определял изучаемые предметы и уровень их изучения по классам. В традиционные «Талмуд Торы» принимали к обучению только мальчиков, в реформированные – и мальчиков, и девочек, а обучали и светским, и религиозным предметам. Расписание занятий реформированной «Талмуд Торы I» в Гродно имело ряд отличий от традиционной и отражало религиозную направленность начальной школы с учётом возрастного фактора. Соотношение количества часов на изучение светских и религиозных предметов в 1-м классе составляло 24/32 (43%/57%), во 2-м – 29/32 (48%/52%), в 3-м – 30/32 (48%/52%), в 4-м – 30/32 (48%/52%), в 5-м – 30/30 (50%/50%) [34, л. 86]. Перечень изучаемых предметов и нагрузка по классам изменялись в сторону увеличения часов на изучение светских предметов, а также их общего количества, что было обусловлено государственной политикой колонизации. Так, в «Талмуд Торе» г. Гродно в 1931/32 учебном году в 1-м классе проводилось 24 часа занятий в неделю, во 2-м – 29, 3–7-м – 36. Причём на изучение польского языка отводилось по 4 часа еженедельно, на иврит намного меньше, а на идиш – по 3 часа в 3–7 классах [26, л. 194об.].

Более религиозным было расписание в традиционных «Талмуд Торах», где обучались только мальчики. В таких начальных школах составлялись отдельно два расписания: для светских и религиозных предметов. Занятия начинались только с предмета «Молитва», а далее следовал обязательно какой-либо религиозный предмет. В традиционных «Талмуд Торах» предлагали к изучению ряд предметов («Молитва», «Пятикнижие», «Пророки», «Талмуд», «Книга Соломона», «Комментарии к Пятикнижию»), посещение которых было обязательным. Они давали возможность углубить изучение религиозных предметов [35, л. 5–6]. Традиционные «Талмуд Торы» зачастую составляли расписание, не соблюдая предписаний школьных властей по преподаванию светских предметов. Яркими примерами могут быть расписания «Пинско-Каролинской Талмуд

Торы» [30, л. 6] и «Талмуд Торы “Завет Моисея”» в Каменце Литовском, где из светских предметов постоянными были только «Польский язык» и «Счёт» [36, л. 32об.].

«Талмуд Торы» не ставили целью дать светское образование иудейским детям. Пополнить недостаток образования по общеобразовательным предметам дети могли в государственных польских или еврейских светских школах.

Согласно программы светских предметов для иудейских школ, утверждённой Министерством вероисповеданий и общественного образования Польского государства, во вступительном классе дети должны были изучать польский язык и счёт, в 1 и 2 классах – польский язык и арифметику, в 3 и 4 классах – польский язык, арифметику, историю Польши, природоведение, географию, в 5–7 классах – польский язык, арифметику, историю, природоведение, географию. Согласно программы светских наук для иудейских школ, утверждённой Министерством вероисповеданий и общественного образования Польского государства, в недельном расписании начальных религиозных школ светские предметы должны были быть представлены следующими предметами: польский язык (4–7 часов в неделю), арифметика (2–4 часа), история (2 часа), природоведение (2–3 часа), география (2 часа) [37, л. 11об.–17об.]. Некоторые попечители «Талмуд Тор» объединяли ряд светских предметов (рисунок и практические занятия; географию и природоведение; пение и гимнастику) [38, л. 108]. Наряду с отсутствием должного изучения светских предметов, доминированием в расписании религиозных предметов, несоблюдения программ министерства попечители «Талмуд Тор» с целью сохранения культурной идентичности не практиковали использования в процессе обучения польского языка. Весь процесс обучения строился на использовании иврита и идиша.

С 1929 г. учреждённая «Агудас Исраэль» организация «Хойрев» по всей территории Польского государства создаёт школы для мальчиков «Хойрев». Дети принимались в школу с 6 лет, но не старше 8. Преподавание общеобразовательных предметов велось на польском языке, религиозных – на идише. Выбор языков был сделан не случайно: польский язык соответствовал политике колонизации, способствовал социализации учащихся, а идиш был разговорным языком евреев Западной Беларуси. Таким образом, путём такого выбора языков обучения Центральная образовательная организация «Хойрев», с одной стороны, обеспечивала лояльность польских властей, с другой – привлекала на свою сторону еврейские массы доступным языком обучения (идишем), заручалась поддержкой еврейских религиозных гмин, так как обязательными предметами обучения считала «Талмуд», «Пророки» и др. Обучение религиозных предметов («Молитва», «Иврит», «Толкование молитвы», «Библия», «Пророки», «Рассказы») шло по специально разработанным программам общества «Хойрев» (34 часа в неделю); светских («Польский язык», «Арифметика», «История», «Природоведение», «География») – по программам для этого типа школ, составленным Министерством вероисповедания и общественного просвещения от 13.09.1922 г. № 21000/1 [39, л. 1–7об.]. Наполняемость классов была большой. Например, в 1933/34 учебном году в школе «Хойрев» в Кобрине училось 262 мальчика в 8 классах, а во 2-м «А» и 3 классах было по 43 ученика. Обучение шло только в первую смену ежедневно, кроме субботы. Соотношение количества часов на изучение светских и религиозных предметов в 1-м классе составляло 8/28 (22%/78%), во 2-м – 4/32 (11%/89%), в 3-м – 14/22 (39%/61%), в 4-м – 15/26 (37%/63%), в 5-м – 13/28 (32%/68%), в 6-м – 13/28 (32%/68%), в 7-м – 12/29 (29%/71%) [40, л. 18–19], что подтверждало религиозную направленность школы.

Распространёнными были в школах «Хойрев» подготовительные (вступительные) классы, в которых изучали «Иврит», «Рассказы», «Молитвы» (18 часов в неделю); «Польский язык» и «Арифметика» (10 часов в неделю). В целом нагрузка была приближена к нагрузке первого класса [39, л. 1–7об.].

В русле модернизации и феминизации образования по всей территории Польского государства специально для девочек была создана сеть религиозных ортодоксальных школ «Бейс Яков», которую стала контролировать «Агудас Исраэль». Первая школа этого типа была открыта в Кракове в 1918 г. тридцатипятилетней портнихой еврейкой Сарой Шенирер. Первоначально эти школы работали только после обеда и преподавали там ограниченное число предметов: «Молитвы», «Библия», «Основы религиозного права», «История евреев», «Иврит», «Идиш», «Этика». В 1930-е гг. эти школы стали работать в две смены и расширили перечень преподаваемых предметов, включив в них и светские. В 1937 г. в Польше количество школ «Бейс Яков» составляло 248 (35 586 учениц) [41, с. 99].

Концессию на открытие школ «Бейс Яков» получали в основном раввины и подраввины. Например, в Кобрине до 1929 г. работала 2-классная религиозная ортодоксальная школа для девочек «Бейс Яков», концессию на открытие которой получил раввин Кобриня Неах Вайнберг [42, л. 2–3]. В октябре 1931 г. в Лунинце стала работать 4-классная начальная религиозная школа для девочек этого типа (концессию получил раввин Лунинца Юдель Зуляр) [43, л. 3]. С 1937 г. при поддержке «Агудас Исраэль» аналогичная религиозная школа для девочек стала работать в Пинске [44, л. 1]. Обучение шло на польском языке (светские предметы) и идише (религиозные предметы). В классах училось от 5 до 38 учениц (максимальное количество в первых классах, минимальное в старших). Обучение шло только в первую смену ежедневно, кроме субботы. Среди изучаемых предметов были «Польский язык», «Идиш», «Иврит», «История», «География», «Природоведение», «Арифметика», «Религия», «Молитва», «Тора», «Пророки», «История евреев». Соотношение часов на изучение светских и религиозных предметов в 1933/34 учебном году в 1-м классе составляло 10/8 (56%/54%), во 2-м – 9/9 (50%/50%), в 3-м – 15/9 (63%/37%), в 4–6-м – 12/12 (50%/50%) [40, л. 22].

Обществом «Тахкемоне» была создана сеть религиозных школ двух видов: для мальчиков и совместные. Данное общество создавало школы для евреев западно-белорусских территорий как религиозные, так и светские. Более распространёнными были школы первого вида. К обучению принимали детей в возрасте 7–10 лет. Школы приравнивались к публичным начальным школам. Согласно уставу частной совместной 7-классной начальной религиозной школы «Тахкемоне» в Бресте, обучение велось на двух языках: польском (светские предметы) и иврите (религиозные предметы). Мальчики и девочки учились в разных классах и совместно занимались лишь по некоторым предметам [45, л. 1]. Перечень изучаемых предметов отличался разнообразием: «Тора», «Талмуд», «Религия», «Польский язык», «Иврит», «История», «Пророки», «Английский язык», «География», «Всемирная история», «История евреев», «Природоведение», «Наука о здоровье», «Арифметика». Соотношение количества часов на изучение светских и религиозных предметов в 1-м классе составляло 12/12 (50%/50%), во 2-м – 12/13 (48%/52%), в 3-м – 15/14 (52%/48%), в 4–5-х – 15/15 (50%/50%), в 6-м – 17/15 (53%/47%). Особенно примечательно, что среди изучаемых предметов в 6-м классе был английский язык (2 часа в неделю), что соответствовало декларируемой «Тахкемоне» европеизации образования евреев. Учебные планы были идентичными как для совместных школ, так и для школ для мальчиков [40, л. 1–2]. Наполняемость школ «Тахкемоне» была высокой. Так, в школе «Тахкемоне» Бреста по состоянию на 15.09.1935 г. училось 226 учеников.

После реформы образования 1932 г. перечень изучаемых предметов и недельная нагрузка изменились, что нашло отражение в расписании. Такие учебные предметы, как «Тора», «Пророки», «Английский язык» перестали изучаться. Зато появились «Рисунок» и «Практические занятия» (трудовое обучение) – по 1 часу в неделю в каждом классе. Соотношение количества часов на изучение светских и религиозных предметов

в 1935/36 учебном году в школе «Тахкемоне» Бреста в 1-м классе составляло 16/11 (59%/41%), во 2-м – 13/17 (43%/57%), в 3-м – 17/17 (50%/50%), в 4-м – 18/13 (58%/42%), в 5-м – 21/15 (58%/42%), в 6-м – 17/16 (51%/49%), в 7-м – 15/18 (45%/55%) [46, л. 16об.].

В местечках и деревнях открывались религиозные школы общества «Явне», которое находилось под влиянием религиозной сионистской организации «Мизрахи» (название было взято из ветхозаветного предания, согласно которому якобы римский полководец Веспасиан отдал под еврейскую школу город Явне). Например, в Столинском повете Полесского воеводства из трёх частных школ в 1932–1937 гг. одна школа (в Рубле) была «Явне» [47, л. 1]. Особенности обучения являлись следование принципам Торы и сионизм. В 1937 г. в Польше число школ «Явне» составляло 229 (15 923 учеников) [41, s. 99]. В школы «Явне» принимались дети обоих полов, но обучение шло раздельно. Полный курс обучения охватывал 6 лет. Процесс был разделён на 2 этапа: на 1-м учились 4 года, на 2-м – 2. Школьный год начинался 1 сентября и заканчивался 28 июня и был разделён на 4 четверти. Детей принимали в школу с 7 лет, но не старше 8. Обучение шло на польском языке (история, география, польский язык) и иврите (религиозные предметы) [48, л. 1–2].

По окончании обучения во всех вышеперечисленных школах выдавалось свидетельство об окончании публичных начальных школ образца, установленного школьными властями. По окончании «Талмуд Торы» самые способные из юношей могли продолжить иудейское образование в иешиве.

Заключение

Иудейское образование в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. стало более светским и политизированным. Необходимость создания сети иудейских учебных заведений была обусловлена культурной, религиозной, языковой отличностью иудейской общности, которая в условиях полиэтничного многоконфессионального общества Польского государства продолжала сохранять в первую очередь свои языки – иврит, идиш. В условиях экономического кризиса получение образования расширяло возможности трудоустройства и даже выживания евреев.

Расписание занятий различных типов школ имело ряд отличий, отражало религиозную направленность начальной школы с учётом возрастного фактора, идеологию учреждения. Перечень изучаемых предметов и нагрузка по классам изменялись в сторону увеличения часов на изучение светских предметов, а также общего количества предметов, что было обусловлено государственной политикой полонизации. Евреи смогли сохранить в образовании свои языки, модернизировать начальное иудейское образование благодаря введению ряда предметов светского характера. Развитие начальных школ необходимо рассматривать как стремление иудеев соответствовать времени, которое требовало знаний не только религиозных, но и светских, которые смогли бы социализировать иудеев в польском обществе. Изучение польского языка позволяло продолжить образование и получить работу. Основной акцент в обучении делался на знаниях иудейских религиозных традиций. Множество направлений религиозного иудейского образования отражало разнообразие идеологических течений среди еврейского населения, его стремление к образованию. Существовавшие формы образования демонстрировали широкий спектр подходов к традиционному еврейскому образованию. Но несмотря ни на что доминирующими в образовании были усилия, направленные на сохранение культурных и конфессиональных ценностей еврейского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kawalec, G. Szkolnictwo żydowskie w Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1939) / G. Kawalec // Rocznik Komisji Nauk Pedagogicznych. – Kraków, 2003. – Т. 56. – S. 34–38.
2. Мощук, А.В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дисс. ... канд. ист. наук / А.В. Мощук. – Брест, 2007. – 135 с.
3. Кривуть, В.И. Молодёжные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук / В.И. Кривуть. – Минск, 2004. – 115 л.
4. Стецкевич, П. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Западной Беларуси (1918–1926 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук / П. Стецкевич. – Гродно, 2008. – 159 с.
5. Пашковіч А.І. Дзейнасць дабрачынных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук / А.І. Пашковіч. – Мінск, 2007. – 132 с.
6. Войтещик, А.С. Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дисс. ... канд. ист. наук / А.С. Войтещик. – Гродно, 2013. – 203 с.
7. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст, 2010. – 356 л.
8. Отчёт об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины в Берёзе-Картузской за 1936 г. // ГАБО. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 19.
9. Отчёт об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины за 1937 г. (г. Кобрин) // ГАБО. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 28.
10. Решение Попечительства Брестского школьного округа и переписка с поветовыми школьными инспекторами об открытии частных еврейских школ // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 588.
11. Распоряжение попечительства Полесского школьного округа и переписка с Лунинецким поветовым школьным инспектором об открытии Гельфандом Ицкой частной еврейской религиозной школы «Месора» в местечке Ганцевичи Лунинецкого района // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 579.
12. Личное дело учителя начальной общеобразовательной школы Брестского повета Чарно Абрама // ГАБО. – Фонд 310. – Оп. 1. – Д. 43.
13. Личное дело учителя начальной общеобразовательной школы Брестского повета Шапиро Мейера // ГАБО. – Фонд 310. Оп. 1. – Д. 44.
14. Циркуляр Министерства вероисповеданий и общественного образования от 19 октября 1932 г. об открытии частных школ общего обучения // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 577.
15. Локшин, А. Из истории традиционного еврейского образования в Российской империи: начальная школа – хедер / А. Локшин // Новые исследования по еврейской истории : материалы XIX Междунар. ежегодной конф. по иудаике, Москва, 29–31 янв. 2012 г. / Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сефер». – М., 2012. – Том III. – С. 68–82.
16. Решение Попечительства Брестского школьного округа о предоставлении Кагану Юделю права на открытие частной религиозной школы «Хинух»; заявления учителей о предоставлении им службы с приложением свидетельств об образовании и актов гражданского состояния; финансовый отчёт и учебная программа школы // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 586.
17. Отчёты Брестского школьного инспектора о результатах обследования частных школ общего обучения в г. Бресте за 1929–1930 гг. // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 648.

18. Отчёты поветовых школьных инспекторов об организации учёбы частных школ общего обучения Брестского и Лунинецкого поветов (8 октября – 20 ноября 1935 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 673.
19. Устав и проект бюджета на 1933/1934 год частной еврейской религиозной школы в г. Сокулке и переписка с сокульским инспектором об открытии школы (16 октября 1929 г. – 17 февраля 1934г.) // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. Д. – 625.
20. Отчёты Брестского школьного инспектора о результатах обследования частных школ общего обучения в г. Бресте за 1929–1930 гг. // ГАБО. – Фонд. 59. – Оп. 2. – Д. 648.
21. Дело об открытии частных школ общего обучения в Пружанском повете (18 декабря 1933 г. – 19 августа 1939 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 746.
22. Документы о деятельности еврейских начальных и частных школ Гродненского повета (29 января 1936 г. – 29 ноября 1936 г.) // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 136.
23. Отчёт об исполнении бюджета еврейской гмины за 1934 год (г. Пинск) // ГАБО. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 32.
24. Проект гминного бюджета на 1938 г. // ГАБО. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 42.
25. Проект гминного бюджета на 1939 г. // ГАБО. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 46.
26. Документы о деятельности школы «Талмуд Тора – I» (13 августа 1929 – 27 января 1939 гг.) // ГАГО. – Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 63.
27. Документы о деятельности школы «Талмуд Тора – I» и вечерних курсов при ней (2 января 1929 г. – 27 декабря 1929 г.) // ГАГО. – Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 62.
28. Отчёты поветовых школьных инспекторов о результатах обследования частных еврейских школ общего обучения Брестского школьного округа за 1934–1939 г. // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 672.
29. Отчёты дирекции частных еврейских религиозных школ общего обучения «Талмуд Тора» в Пинском повете об организации учёбы // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 652.
30. Отчёты директоров частных школ общего обучения в Брестском школьном округе об организации учёбы (30 ноября 1928 г. – 19 сентября 1935 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 665.
31. Отчёты поветовых школьных инспекторов об организации учёбы в частных школах общего обучения Ломжинского повета (7 сентября – 7 октября 1935 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 676.
32. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2008. – 319 с.
33. Отчёт дирекции частных еврейских религиозных школ об организации учёбы в школах // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 666.
34. Документы о деятельности еврейских начальных и частных школ Гродненского повета (14 января 1926 г. – 28 декабря 1926 г.) // ГАГО. – Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 37.
35. Отчёт школьного инспектора об организации религиозных еврейских школ «Талмуд Тора» (16 сентября 1932 г. – 17 сентября 1932 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 663.
36. Отчёты дирекций частных еврейских религиозных школ в Белостоцком и Бельско-Подляшском поветах об организации учёбы (4 октября 1932 г. – 18 октября 1933 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 653.
37. Устав, бюджет на 1934/1935 учебный год и список учащихся еврейской религиозной школы общего обучения «Твуно» в м. Косово Косовского повета // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 628.
38. Дело об открытии частных школ общего обучения в Пружанском повете (18 декабря 1933 г. – 19 августа 1939 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 746.

39. Копия устава, отчёты школьного инспектора о результатах обследования, учебная программа и проект бюджета на 1933/1934 уч.г. частной еврейской религиозной школы «Хойрев» в г. Пинске, список учителей (20 января 1933 г. – 29 июля 1937 г.) // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 623.
40. Отчёт дирекции религиозных еврейских школ об организации учёбы 1932/1933 г. // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 662.
41. Tomaszewski, J. Zarys dziejow zydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1990. – 114 s.
42. Решение Попечительства Полесского школьного округа о закрытии частной школы, содержащейся раввином Вайнбергом Неахом в г. Кобрине (7 февраля 1929 – 3 июля 1929 г.) // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 590.
43. Распоряжение попечительства Полесского школьного округа от 21 октября 1931г. о предоставлении раввину Зуляру Юделю права на открытие европейской религиозной школы «Bet Jakob» в г. Лунинце // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 580.
44. Решения попечительства Брестского школьного округа и переписка с еврейскими организациями об открытии частных еврейских школ; устав еврейской школы при пинской гимназии товарищества «Тарбут» (29 января 1930 г. – 20 августа 1938 г.) // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 591.
45. Уставы Товарищества «Тахкемоны» по оказанию помощи учащимся-евреям и школы общего обучения г. Бреста, содержащейся этим товариществом (30 сентября 1932 г. – 25 марта 1933 г.) // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. – 608.
46. Отчёты поветовых школьных инспекторов об организации учёбы частных школ общего обучения Брестского и Лунинецкого поветов (8 октября – 20 ноября 1935 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 673.
47. Отчёты директоров частных школ общего обучения об организации учёбы в их школах на 1932–1933 уч. г. (21 сентября 1932 г. – 6 октября 1937 г.) // ГАБО. – Фонд р-59. – Оп. 2. – Д. 664.
48. Статут частной еврейской школы «Явне» в д. Рубель гм. Хорск пов. Столин // ГАБО. – Фонд 59. – Оп. 2. – Д. 613.

Vavrenyuk I.I. Development of Primary Jewish Education in Western Belarus (1921–1939)

The article provides an analysis of the initial development of the Jewish schools in West of Belarus (1921–1939); the main types of schools are singled out, the process of learning is considered, the peculiarities of Jewish elementary schools in the region are defined. The initial direction of the Jewish schools is highlighted. The traditional educational dominant in education of the Jews is underlined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.09.2014

УДК 27-9=161.3(476)

І.М. Мароз

СТАРААБРАДНІЦТВА БАБРУЙСКОЙ ВОБЛАСЦІ (1944–1954 гг.)

У артыкуле разглядаецца месца стараабраднікаў сярод іншых рэлігійных культураў Бабруйшчыны. Абгрунтаваецца неабходнасць далейшага вывучэння пазначанай тэмы. На аснове раней неапублікаванага архіўнага матэрыяла аўтарам складзены табліцы, якія змяшчаюць статыстычны матэрыял па абшчынах. Выдзяляюцца асноўныя тэндэнцыі развіцця сеткі стараабрадніцкіх цэнтраў Бабруйскай вобласці.

Уводзіны

Стараабраднікі складаюць спецыфічную і малавывучаную групу беларускага насельніцтва. Вывучэнне гісторыі стараабрадніцтва як складніка гісторыі РПЦ на тэрыторыі Беларусі пачынаецца ў канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. з пачаткам канкрэтна-сацыялагічным даследаваннем рэлігій СССР [3, с. 6]. Але толькі на мяжы ХХ і ХХІ стагоддзяў з’явіліся даследаванні па гісторыі стараабрадніцтва ўласна беларускіх тэрыторый. Да асноўных даследаванняў можна аднесці калектыўныя працы «Старообрядчество в Белорусии» Т.П. Кароткай, К.С. Пракошынай, А.А. Чуднікавай, «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – ХХстст.)» пад агульнай рэдакцыяй У.І. Навіцкага і спецыялізаваную манаграфію А.А. Гарбацкага «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку ХХ стагоддзя» [14; 13; 2]. Асабліва сцю ўсіх вышэй згаданых прац з’яўляецца агляд стараабрадніцкай гісторыі толькі да пачатку ХХ ст. і выбарачны зварот да сучаснасці праз выкарыстанне этнаграфічнага матэрыяла.

У той жа час у сучаснай беларускай гістарычнай навуке не існуе даследаванняў, прысвечаных гісторыі стараабраднікаў ХХ і тым больш ХХІ стст. Толькі ў апошнія некалькі гадоў з’яўляюцца артыкулы па асобных галінах гісторыі стараабрадніцтва першай паловы ХХ ст. Да такіх адносяцца артыкул А.М. Вабішчэвіча «Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднікаў у Польшчы ў 1920-я – 1930-я гады» і артыкул С.А. Пасталоўскага «Повседневная жизнь старообрядцев в Беларуси в 1920-е – 1930-е гг.» [1; 16].

Гэты артыкул з’яўляецца спробай акрэсліць становішча і паказць месца стараабраднікаў на тэрыторыі Бабруйскай вобласці. Крыніцазнаўчай асновай работы сталі дакументальныя матэрыялы з архіўных фондаў Занальнага Дзяржаўнага архіва г. Бабруйска і Дзяржаўнага архіва Магілёўскай вобласці.

Месца стараабраднікаў сярод іншых рэлігійных культураў Бабруйшчыны

Бабруйская вобласць была ўтворана 20 верасня 1944 г. з раёнаў Магілёўскай, Мінскай, Палескай абласцей [15, с. 25] і складалася з 14 раёнаў (Акцябрскі, Асіповіцкі, Бабруйскі, Глускі, Грэскі, Капыльскі, Кіраўскі, Клічаўскі, Любаньскі, Парыцкі, Слуцкі, Старадарожскі, Старобінскі, Чырвонаслабодскі). У трох раёнах (Бабруйскі, Кіраўскі, Парыцкі) вобласці кампакта пражывала стараабрадніцкае насельніцтва Беларусі [5, л. 3]. Першыя стараабраднікі засялялі Бабруйшчыну ў два этапы: ў 1735 і ў 1765 гг. Такім чынам з’яўляюцца чыста стараабрадніцкія паселішчы: Капусціна слабада, вёскі Туркі і Салоціна [2, с. 76]. Менавіта гэтыя пасяленні і застаюцца рэгіянальнымі цэнтрамі стараабрадніцтва Бабруйскай вобласці. На канец 1945 г. у межах Бабруйскай вобласці агулам налічвалася 23 рэлігійныя супольнасці, што складала прыблізна 4 055 чалавек [5, л. 2]. З іх стараабрадніцкіх было 13 супольнасцей з колькасцю чальцоў 3 425 чалавек [5, л. 2].

Навуковы кіраўнік – А.А. Гарбацкі, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры славянскіх народаў Брэсцкага Дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гэта складала 56,5% ад агульнай колькасці дзеючых рэлігійных супольнасцей¹ і 84,5% ад афіцыйна падлічанай колькасці чальцоў гэтых супольнасцей. Вынікае, што праз год пасля стварэння Бабруйскай вобласці стараабраднікі складалі большасць сярод т.зв. прыхільнікаў рэлігійных культаў. Да апошніх адносіліся ўсе дзеючыя на тэрыторыі СССР канфесіі, акрамя РПЦ. Трэба зазначыць, што толькі 4 з 13 груп стараабраднікаў Бабруйскай вобласці ў канцы 1945 г. былі зарэгістраваныя. Упаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў Кулічкоў адзначае, што «все эти сообщества ...о регистрации своих религиозных обществ ходатайств не подают и по существу уклоняются от регистрации» [5, л. 3]. З табліцы 1 бачна, што хадайніцтваў на рэгістрацыю рэлігійных супольнасцей паступала дастаткова мала. Пры гэтым і працэнт адказаў у рэгістрацыі быў вельмі высокі, што, у сваю чаргу, было адной з прычынаў малой колькасці хадайніцтваў. З-за адсутнасці дадзеных па колькасці хадайніцтваў за 1948–1951 гг. і непаўнаты дадзеных па 1945–1947, 1952–1953 гг. немагчыма даць поўную ацэнку сітуацыі.

Табліца 1 – Хадаініцтвы стараабраднікаў аб рэгістраванні рэлігійных абшчынаў

Год	Пададзена ўсяго	Задаволена	Не задаволена		
			Адмоўлена	Не разгледжана	Вернута
1945	–	–	–	1	–
1946	8	–	1	–	3
1947	–	–	–	2	1
1952	не паступала	–	–	–	–
1953	1	–	1	–	–

Заўвага – складзена аўтарам

Тэндэнцыі развіцця сеткі стараабрадніцкіх цэнтраў

Да пачатку 1950-х гг. на тэрыторыі Бабруйскай вобласці ішоў працэс «стабілізацыі», упарадкавання цэнтраў стараабрадніцтва. Праз аб'яднанне геаграфічна блізкіх рэлігійных супольнасцей вакол зарэгістраваных стараабрадніцкіх абшчынаў фарміраваліся пэўныя мясцовыя цэнтры. Так, у 1945 г. «по целесообразности» рэлігійная супольнасць в. Скрыпліца прымацоўвалася да рэлігійнай супольнасці в. Капусціна Кіраўскага раёна [5, л. 2]. У 1946 г. стараабрадніцкая супольнасць в. Зарэчча зліта з супольнасцю в. Нова-Александраўкі Парыцкага раёна з-за таго, што «это общество находится в 4–5 километрах от зарегистрированного религиозного общества одного и того же культа» [6, л. 2]. У тым жа годзе рэлігійная супольнасць пасёлка Лекерта Бабруйскага раёна далучана да зарэгістраванай царквы г. Бабруйска [6, л. 2адв.]. Але таксама былі аб'яднаны дзве абшчыны горада Бабруйска: абшчына па вул. Камбінатарскай далучана да супольнасці па вул. Пушкінскай [6, л. 2]. Вернікі в. Салоціна Парыцкага раёна атрымалі магчымасць самім абрыць, да якой царквы прыяднацца; у выніку адбылося іх аб'яднанне з рэлігійнай абшчынай в. Туркоўская Слабада Бабруйскага раёна [6, л. 2]. Акрамя зарэгістраваных, у 1947 г. ў Бабруйскай вобласці існавалі незарэгістраваныя, але дзеючыя стараабрадніцкія супольнасці. Такімі абшчынамі былі стараабрадніцкія супольнасці в. Новая Шараеўшчына і в. Стасеўка Бабруйскага раёна, в. Завічча Парыцкага раёна [7, л. 15]. Некалькі абшчынаў чакалі на задаваленне хадайніцтваў, напрыклад, супольнасці ў в. Багушоўка і в. Вуглы Бабруйскага раёна, абшчына г. Бабруйска [7, л. 13].

¹ У 1944–1965 гг. пры Урадзе СССР існавалі два асобныя дзяржаўныя органы, якія займаліся пытаннямі рэлігіі: Савет па справах РПЦ і Савет па справах рэлігійных культаў. У кампетэнцыю апошняга ўваходзілі стараабраднікі.

З 1951 г., як вынікае з Інфармацыйных справаздачаў упаўнаважанага па справах рэлігійных культаў за 1951–1953 гг., можна гаварыць аб устанавленні пэўнай сістэмнасці і ўпарадкаванасці сеткі вядомых стараабрадніцкіх абшчынаў у Бабруйскай вобласці [8, л. 1, 8, 15; 9, л. 12, 21; 10, л. 1, 10]. Па стане на 1 студзеня 1953 г. па вобласці налічваліся зарэгістраваныя рэлігійныя стараабрадніцкія супольнасці: г. Бабруйск – 1; Бабруйскі раён – 4 (вёскі Багушоўка, Баранавічы, Туркоўская слабада, Вуглы); Парыцкі раён – 2 (вёскі Нова-Александраўка, Зарэчча); Кіраўскі раён – 1 (в. Капусціна) [10, л. 1]. Былі таксама незарэгістраваныя, але дзеючыя явочным парадкам: Кіраўскі раён – 1 (в. Скрыпліца) [9, л. 3], Парыцкі раён – 1 (в. Завічча, разам з вёскамі Дражно і Малімоны) [9, л. 16; 10, л. 10]. У 1951–1953 гг. у справаздачах упаўнаважаных па справах рэлігійных культаў па Бабруйскай вобласці змешчаны разгорнутыя звесткі аб некаторых стараабрадніцкіх абшчынах (г. Бабруск, вёскі Багушоўка, Капусціна, Зарэчча, Скрыпліца). Аднак большасць звестак аб рэлігійных супольнасцях пададзена ў справаздачах фрагментарна, адрывіста, таму складана аб'яднаць дадзеныя па ўсіх стараабрадніцкіх абшчынах ў пэўную сістэму (табліца 2).

Табліца 2 – Абшчыны стараабраднікаў па Бабруйскай вобласці

Месцазнаходжанне малітвеннага дома	Дата рэгістрацыі	Духоўны настаўнік	Гаспадар будынка малітвеннага дома
г. Бабруйск [8, л. 19; 9, л. 18; 4, л. 2]	27.08.1947	Маслаў Якаў Владэнтавіч / Пётр Владэнтавіч**	Нацыяналізаванае
в. Багушоўка Бабруйскага р-на [9, л. 19; 4, л. 2]	5.06.1947	Андрэеў Павал Рыгоравіч	Нацыяналізаванае
в. Туркі (Туркоўская слабада) Бабруйскага р-на [9, л. 18; 4, л. 2]	16.09.1946	Фядулаў Васілій Аляксеявіч	Нацыяналізаванае
в. Вуглы Бабруйскага р-на [9, л. 19; 4, л. 2]	30.03.1948	Казлоў Ерымей Трафімавіч	Нацыяналізаванае
в. Баранавічы Бабруйскага р-на [9, л. 19; 4, л. 2]	29.09.1946	Іваноў Стэфан Зіноўевіч	Нацыяналізаванае
в. Капусціна Кіраўскага р-на [9, л. 19; 10, л. 1; 4, л. 2]	27.09.1946	Чыстабаеў Клім Пятровіч	Нацыяналізаванае
в. Скрыпліца Кіраўскага р-на [10, л. 3]	Не зарэгістравана	Кушнераў Дзмітрый	Невядома
в. Зарэчча Парыцкага р-на [9, л. 19; 10, л. 12, 13]	1947	Ляшкоў Ягор Яфімавіч	Арандавана ў прыватнай асобы (гр. Папова)
в. Нова-Александраўка Парыцкага р-на [9, л. 19]	Невядома	Кудаленка Іван Ерымеявіч	Нацыяналізаванае
в. Завічча Парыцкага р-на [9, л. 16; 10, л. 10]	Не зарэгістравана	А.І. Маркаў (1952 г.) Е.В. Кляйноў (1953 г.)	Невядома

Заўвага – складзена аўтарам

**Па стане на 1.09.1952 г. Якаў В. Маслаў, а на 05.1954 г. – Пётр В. Маслаў; дакладная дата змены духоўнага настаўніка невядома.

Аналізуючы вышэйпададзеныя статыстычныя звесткі, можна сцвярджаць, што большасць вядомых упаўнаважанаму Савета па справах рэлігійных культаў стараабрадніцкіх супольнасцяў Бабруйскай вобласці да 1953 г. былі сістэматызаваны:

- 1) выяўлены незарэгістраваныя супольнасці;
- 2) адзначана колькаснае павялічэнне першых зарэгістраваных супольнасцей праз аб'яднанне з незарэгістраванымі;
- 3) па большасці абшчыны прадстаўлены пэўныя статыстычныя дадзеныя.

Значым, што рэгістрацыя асноўных рэлігійных абшчынаў праходзіла ў 1946–1948 гг., а за 1949–1953 гг. не было зарэгістравана ніводнай рэлігійнай стараабрадніцкай супольнасці. Паказальна, што большасць будынкаў малітоўных дамоў належала дзяржаве, але сустракаецца і факт арэнды будынка ў прыватнай асобы.

Зарэгістраваныя абшчыны выбарчна інспектаваліся дзяржорганамі паквартальна пачынаючы з 1951 г. [8, л. 3, 8, 9, 19–21]. У планах работы правяраючых органаў на 1951–1954 гг. ўжо часта фігуруе стараабрадніцкая тэматыка: плануецца інспекцыі «путём выезда на место изучить практическую деятельность среди населения членов и актива зарегистрированной общины старообрядцев в д. Заречье» [11, л. 4]. У раздзелах справаздачаў, дзе апісваюцца вынікі такіх выездаў, падаецца інфармацыя аб малітоўным будынку, духоўным настаўніку, колькасці вернікаў па асобных гадах, прыводзяцца прыклады ўзаемаадносін як унутры стараабрадніцкай абшчыны, так і самой абшчыны з кіраўніцтвам школы і райвыканкама [8, л. 20, 21].

Быў складзены таксама план працы ўпаўнаважанага на першае паўгоддзе 1954 г., але неўзабаве Бабруйская вобласць была расфарміравана [12, л. 2]. У студзені 1954 г. «стараабрадніцкія» раёны скасаванай вобласці былі перададены ў Гомельскую (Парыцкі) і Магілёўскую вобласці (Бабруйскі, Кіраўскі) [15, с. 25].

Заклучэнне

На пачатку існавання Бабруйскай вобласці стараабрадніцкая рэлігійная супольнасць складала колькасную большасць па ліку як дзеючых цэркваў, так і чальцоў абшчыны сярод іншых рэлігійных культаў рэгіёна. У цэлым становішча стараабрадніцкай царквы Бабруйскай вобласці характаравалася наступным: 1) у 1946–1948 гг. адбываўся працэс рэгістрацыі асноўных стараабрадніцкіх абшчынаў; 2) да пачатку 1950-х гг. склалася сетка стараабрадніцкіх супольнасцяў праз далучэнне да зарэгістраваных абшчынаў незарэгістраваных; 3) на працягу 1951–1953 гг. узмацніўся кантроль над стараабрадніцкімі паселішчамі, што выразілася ў правядзенні перыядычнага інспектавання рэлігійных абшчынаў дзяржаўнымі органамі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А.М. Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднікаў у Польшчы ў 1920-я – 1930-я гады / А.М. Вабішчэвіч // Вес. Полацкага дзярж. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 101–108.

2. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст : Выд-ва БрДУ імя А.С. Пушкіна, 1999. – 202 с.

3. Гарбацкі, А.А. Гісторыя стараабрадніцтва: вынікі крыніцазнаўчага вывучэння (1917 г. – пач. XXI ст.) / А.А. Гарбацкі // Вес. Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2009. – № 1 (36). – С. 5–16.

4. Документы (отчеты, сведения, докладные записки) о работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов за 1954 год // Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМА). – Фонд. 2336. – Воп. 1. – Спр. 2.

5. Информационный отчет, статистическая сводка о молитвенных зданиях религиозных культов и сведения об открытии молитвенных зданий в IV квартале // Занальны дзяржаўны архіў у г. Бабруйску (ЗДАБ). – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 2.
6. Информационный отчет за III квартал, сведения о количестве возбужденных ходатайств об открытии молитвенных зданий и статистическая сводка // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 5.
7. Информационные отчеты по кварталам, сведения о служителях религиозных культов и статистические сводки // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 8.
8. Информационные отчеты по кварталам Совету, республиканскому уполномоченному и докладная записка // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 10.
9. Информационные отчеты по кварталам Совету и республиканскому уполномоченному, докладная записка и сведения о молитвенных зданиях // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 12.
10. Информационные отчеты по кварталам и статистические сведения // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 1. – Спр. 14.
11. План работы на IV квартал 1951 г. и.о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Бобруйской области // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 3. – Спр. 4.
12. План работы на 1-е полугодие 1954 г. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Бобруйской области // ЗДАБ. – Фонд. 1129. – Воп. 3. – Спр. 6.
13. Грыгор’ева, В.В. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX стст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
14. Короткая, Т.П. Старообрядчество в Белоруссии / Т.П. Короткая [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1992. – 117 с.
15. Памяць. Бабруйскі раён : гіст.-дак. хроніка / рэд.-склад. У.А. Салановіч. – Минск : БелЭн, 1998. – 605 с.
16. Посталовский, С.А. Повседневная жизнь старообрядцев в Беларуси в 1920–1930 гг. / С.А. Посталовский // Вести НАБ. – 2007. – № 4. – С. 51–56.

Maroz I.M. Old Believers of Bobruisk region (1944–1954)

The article considers the place of old believers among other religious cults of Bobruisk region. The necessity of further study of the topic is indicated. On the basis of previously unpublished archival material the author compiled tables containing statistical data on communities. The main trends in the development of the network of the Old Believers' centers in Bobruisk region are highlighted.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2014

УДК 330.837

Л.А. Захарченко, Г.Б. Медведева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

В статье рассмотрена конкурентоспособность региона и факторы, определяющие ее, раскрыта роль инновационного фактора как ведущего в современных условиях. Проанализирована категория «инновационная конкурентоспособность региона», рассмотрены показатели оценки уровня инновационности региона, используемые в практике зарубежных стран и стран СНГ.

Введение

Масштабные изменения, происходящие в настоящее время в системе мирового хозяйства, такие как глобализация, переход ведущих стран к постиндустриальному типу развития, рост отраслей «новой экономики», приводят к усилению конкуренции за новые глобальные возможности со стороны как развитых стран, так и динамично развивающихся новых экономик. В этой конкуренции выигрывают страны, которые обладают высокой конкурентоспособностью, в основе которой лежат инновационные факторы. Конкурентоспособность национальной экономики во многом определяется региональной средой и особенно значима роль в современных условиях региональной инновационной системы. Инновационное развитие региона является целенаправленным и управляемым процессом изменений в различных сферах, ориентированных на достижение высокого качества жизни на территории региона с наименьшим ущербом для природных ресурсов и наибольшим уровнем удовлетворения текущих и перспективных потребностей населения и интересов государства.

Конкурентоспособность региона и факторы, ее определяющие

В экономической теории конкурентоспособность рассматривается на макроуровне (народнохозяйственные комплексы, национальные экономики), мезоуровне (регионы, отрасли, отраслевые объединения) и на микроуровне (конкретные виды товаров, фирмы). Все уровни конкурентоспособности взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому конкурентоспособность национальной экономики может быть достигнута, если она проявится во всех видах деятельности и на всех уровнях управления: предприятия, отрасли, регионы.

Можно отметить, что сегодня не существует устоявшегося определения понятия «конкурентоспособность национальной экономики». Но любое из них продолжает привлекать внимание многих исследователей, причем авторы, обращаясь к уже имеющемуся набору подходов к определению данной категории, стараются внести какой-либо новый аспект в концепцию конкурентоспособности [1, с. 73]. Но у многих дефиниций есть нечто общее, что позволяет определить конкурентоспособность национальной экономики как комплекс возможностей страны производить отвечающие мировым стандартам (по соотношению цены – качества) товары и услуги, пользующиеся платежеспособным спросом не только на внутреннем, но и внешнем рынке в условиях глобализации и обострения международной конкуренции [2, с. 45].

В последнее время особый интерес вызывает проблема конкурентоспособности региона, и она менее изучена, что объясняется неоднозначностью положения региональных систем в едином экономическом пространстве и их многофункциональностью. Так, в Европе понятие «регион» не имеет четкого определения. Например, поль-

зуючыяся значительной степенью автономии в рамках федеративного государства германские земли и национальные регионы Бельгии, один из четырех равноправных субъектов Великобритании – Уэльс – считаются регионами. В унитарном государстве (Франция) в качестве регионов рассматриваются провинции и департаменты, пользующиеся правами местного самоуправления. В России регион рассматривается на уровне федеративного устройства (субъект федерации), в Республике Беларусь – на уровне областей. Сложность определения понятия «регион» приводит к существованию в научной литературе нескольких подходов к проблеме региональной конкурентоспособности: отрицание конкуренции между регионами; признание «пассивной» конкуренции (как среды обитания) и признание активной конкуренции при федеральном устройстве государства [3].

Большинство авторов все же выступают на стороне существования конкуренции на уровне региона, поскольку, какой бы тотальной ни была исключительность центра, сколько бы этот центр ни концентрировал ресурсов и полномочий, все равно межрегиональная конкуренция в том или ином виде сохраняется. Так или иначе региональная неоднородность будет всегда, подтверждением чему служат действующие национальные инновационные системы, опирающиеся не на всю страну, а на всемирно известные инновационные центры, такие как Силиконовая долина в США, Оксфорд в Великобритании и т.д.

По мнению авторов исследования конкурентоспособности на уровне региона, проводимого центром ИПМ, региональный уровень имеет особое значение. С одной стороны, конкурентные позиции страны зависят от социально-экономического потенциала регионов и эффективности производства в их отраслях, а с другой – региональные различия в месте нахождения национальных предприятий оказывают большое влияние на создание и поддержание их конкурентных преимуществ. Поэтому для регионов проблема формирования их конкурентоспособности приобретает в последнее время все большее значение [4].

Одно из наиболее известных определений региональной конкурентоспособности было дано Майклом Сторпером, согласно которому она представляет собой способность регионов привлекать и удерживать фирмы со стабильной или увеличивающейся долей на рынке, сохраняя и повышая при этом уровень жизни. По мнению Генерального директората ЕС по региональной политике, региональная конкурентоспособность – это способность предложить привлекательные условия и устойчивую среду для работы предприятий и жизни населения. Таким образом, в самом общем виде конкурентоспособность региона может быть определена как способность создавать условия для его устойчивого развития, обеспечивая производство конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг, путем эффективного использования имеющегося экономического потенциала.

Определение конкурентоспособности регионов преследует цель выяснить, насколько производительно по сравнению с другими регионами используется региональный экономический потенциал, в том числе трудовые ресурсы, производственный, научно-технический и инновационный потенциал. Конкурентоспособность региона основывается на его конкурентных преимуществах или факторах развития. Лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман разделил региональные факторы развития на два рода: факторы «первой природы», к которым отнес богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение, и факторы «второй природы» – агломерационный эффект, человеческий капитал и развитую институциональную среду [5].

Надо отметить, что конкурентоспособность страны и региона не является имманентным качеством, она может изменяться. Конкурентоспособность – это динамическая система, и обеспечение условий для ее формирования относится к числу важней-

ших национальных приоритетов. Поскольку конкурентоспособность определяется рядом факторов, то в целях ее повышения необходимо знать, какие факторы и условия способствуют этому, чтобы уметь управлять ими, или же, наоборот, отказаться от бесперспективного соперничества.

Значительное влияние на представление о факторах конкурентоспособности страны произвело появление в 1990 г. монографии М. Портера «Конкурентные преимущества нации». Специалисты оценили выход этой книги как переворот в традиционных представлениях о международной торговле, конкуренции и об источниках успеха наций. Суть наиболее широко известного открытия М. Портера – так называемого «конкурентного ромба» – заключается в выделении четырех систем факторов, определяющих конкурентоспособность экономики. Эти четыре системы факторов, каждый в отдельности и все вместе как система, создают среду, в которой рождаются и функционируют фирмы каждой страны. Анализ условий развития «конкурентного ромба» в различных странах и возможность некоторых стран успешно развиваться лишь за счет нескольких компонентов «ромба» привел М. Портера к выделению четырех стадий развития страны: это факторы производства, инвестиций, нововведения и богатство.

Эти же четыре стадии в той или иной мере можно применить по отношению к региону. В период факторной стадии успех конкуренции определяется исходными ресурсными преимуществами: природными (в основном земельными) и трудовыми (в основном физической силой наемных работников) ресурсами. При инвестиционной стадии повышение конкурентоспособности достигалось в первую очередь за счет эффективного использования капитала, прежде всего его активной части (машин и оборудования). На инновационной стадии конкуренция, согласно последним исследованиям, определяющим становится фактор «инновации». Этот фактор является наиболее динамичным, и его вес в методиках оценки национальной и региональной конкурентоспособности достаточно быстро повышается (в настоящее время он составляет 30%).

В современных научных исследованиях продолжается процесс выявления воздействия отдельных факторов на общий уровень конкурентоспособности региона, оценки степени этого воздействия. В обобщенном виде факторы региональной конкурентоспособности можно объединить в три группы факторов: 1) факторы инфраструктуры и ее доступность, куда включены базовая, технологическая инфраструктура, инфраструктура знаний, качество места проживания; 2) трудовые ресурсы: демографические тенденции, высококвалифицированная рабочая сила; 3) продуктовая среда: культура предпринимательства, отраслевая концентрация и специализация, интернационализация, инновации, управление и институциональные возможности, доступность капитала, природа конкуренции [5].

Также выделяются внешние факторы конкурентоспособности экономики и региона, которые обусловлены современным мировым экономическим развитием. Это прежде всего глобализация мирового хозяйства, развитие нового информационного общества и научно-технического прогресса, усиление государственного регулирования экономики и новая роль международных организаций. Развитие внешних факторов конкурентоспособности определяет развитие внутренних факторов, изменяя роль и их значение для развития конкурентных преимуществ экономики. Например, в теории конкурентоспособности такой фактор, как «труд» или «человеческий капитал», присутствовал традиционно, но сегодня, по мнению И.А. Галица, это уже становится индивидуальный и коллективный креативный (творческий) потенциал, информационно-инновационный потенциал [6].

Можно также согласиться с мнением экспертов, что достоверные оценки конкурентоспособности страны и региона возможно получить на более или менее длительном интервале и фактически невозможно определение абсолютной величины конку-

рентоспособности. Однако с той или иной точностью возможна сравнительная оценка конкурентоспособности по некоторым интегральным показателям, которые можно измерять по одинаковому алгоритму для любых объектов конкурентоспособности.

Сырьевая экономика России опирается преимущественно на факторы «первой природы», Республика Беларусь и ее регионы пытаются развиваться за счет базовых факторов любой экономики, однако на современном этапе они не способны обеспечить достаточных темпов инновационного развития. Поэтому основной акцент при рассмотрении вопросов функционирования инновационной экономики в регионе необходимо делать на факторы «второй природы», а точнее на влияние институциональной среды и факторы эффективности.

Инновационная конкурентоспособность и ее показатели

Как показывает мировая практика, основным путем повышения конкурентоспособности на всех уровнях является перевод экономики на инновационный путь развития. Об этом свидетельствуют и данные аналитического доклада «Глобальный индекс инноваций 2012», представленного Международной бизнес-школой INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Так, повышение показателей глобального индекса ВВП и конкурентоспособности в современных условиях происходит за счет роста интегрального индекса инновационности, который должен находиться в таких пределах: максимальное значение – 82%, минимальное – 55%. Согласно этому докладу, по уровню инновационных возможностей и результатов 2012 г. лидирует Швейцария. В тройку лидеров по-прежнему входят Швеция и Сингапур. За ними следуют Финляндия, Великобритания, Нидерланды, Дания, Гонконг, Ирландия и Соединенные Штаты. В данном индексе инновационности Беларусь занимает 78 место в списке из 141 страны. Для сравнения Россия в 2012 г. оказалась на 51 месте [7].

Таким образом, обеспечение высокого уровня конкурентоспособности Республики Беларусь на внешних рынках возможно только за счет инновационного развития национальной экономики, что и нашло отражение в программных документах развития, например, в Концепции Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г. Во всех без исключения пятилетних программах социально-экономического развития и прогнозах НТР утверждается, что жизнеспособность экономики в современном мире зависит в первую очередь от развития науки, образования при широком использовании результатов интеллектуальной деятельности. В самом деле, эти результаты и объекты интеллектуальной собственности лежат в основе всех инноваций: как тех, которые определяют успех товаров на рынке, так и тех, которые влияют на развитие современного общества и человеческой цивилизации в целом. В рамках этой же программы предусмотрена работа по изучению возможности развития регионов и создания в них новых центров роста. Таким образом, повышение конкурентоспособности белорусской экономики в целом, а также отдельных регионов возможно только через развитие инновационной деятельности.

О значении фактора «инновационность» можно судить по появлению термина «инновационная конкурентоспособность», которая определяется развитием конкурентных преимуществ, обусловленных освоением в производстве собственных инноваций [8]. Более широкую трактовку данного понятия дает С.П. Лапаев, утверждая, что инновационная конкурентоспособность региона – это его способность к обеспечению сильных конкурентных позиций за счет инновационного развития, направленного на достижение устойчивого экономического роста и повышения качества жизни [9]. Факторы, связанные с инновациями, опытом и навыками ведения бизнеса, имеют особенно большое значение для экономик, находящихся на стадии роста за счет эффективности, поскольку они позволяют им не только наращивать свою конкурентоспособность,

но и изменять модель сравнительных преимуществ, а также находить новые точки для экономического роста.

Для определения уровня инновационной конкурентоспособности региона необходимо произвести ее оценку. В настоящее время среди экономистов отсутствует единая точка зрения на методики оценки данного показателя. Используемые на сегодняшний день статистические показатели (количество инновационных предприятий, затраты на исследования и разработки, численность занятых в инновационной сфере) не позволяют адекватно оценить уровень инновационности. Это связано с тем, что внимание концентрируется либо на затратах, либо на количестве участников инновационной деятельности при абстрагировании от факторов, реально способствующих активизации этого вида деятельности в регионе [10]. И это в первую очередь касается институциональных факторов.

В зарубежных исследованиях инновационная составляющая развития оценивается в составе комплексных индексов конкурентоспособности, разработанных Всемирным экономическим форумом (World Economic Forum). К ним можно отнести индекс макроэкономической конкурентоспособности (Growth Competitiveness Index – GCI), микроэкономической конкурентоспособности, или конкурентоспособности бизнеса (Business Competitiveness Index – BCI), развитости коммуникационной среды (Networked Readiness Index – NRI); индекс технологических достижений UNDP (Technology Achievement Index – TAI). Всемирным экономическим форумом разрабатываются специализированные инновационные индексы, к которым относится индекс способности к инновациям (Innovation Capacity Index), индекс научно-технического потенциала как составляющая интегрального показателя оценки уровня конкурентоспособности страны. Европейская инновационная шкала (European Innovation Scoreboard, EIS) – это система показателей оценки инновационной деятельности в странах ЕС Комиссии европейских сообществ. Данная система оценки инновационной активности страны 19 индикаторов, которые разделены на 5 групп. Расчет данных индикаторов проводится на основе объективных статистических показателей или данных опросов.

Система российских показателей для оценки инновационной деятельности отличается от европейских в силу ограниченности статистических показателей оценки. В Российской Федерации конкурентоспособность регионов определяется на основе Индекса инновационного развития регионов России (далее – Индекс ИРРР), который представляет собой комплексную оценку потенциала инновационного развития и инновационного климата региона на основе системы показателей. Качество инновационной политики региона (РРИИ) определяется по 9 показателям, уровень развития информационного общества – по двум. Всего данная рейтинговая система включает 35 показателей, 15 из которых являются «дополнительными» по отношению к европейской системе. Конкурентным преимуществом Индекса является обработка не только статистических данных, но и данных финансовой отчетности системообразующих организаций как точек роста инноваций, исследование финансового механизма поддержки инновационного развития (банки, институты развития и пр.), обследования малых инновационных предприятий и др.

Одним из методов определения степени конкурентоспособности страны и ее регионов является рейтинговый подход, который начиная с 1979 г. стал достаточно популярным инструментом. Проблематикой оценки конкурентоспособности различных стран, сопоставлением соответствующих рейтингов серьезно в мире занимаются 2 института: World Economic Forum (Всемирный экономический форум в Давосе) и Лозаннская бизнес-школа IMD. В 1993 г. со стороны Всемирного экономического форума и Международного института развития менеджмента была предпринята попытка оценить конкурентоспособность бывших стран социалистического лагеря (в том числе

и Беларуси), которые только вступали на путь построения рыночной экономики. К сожалению, в последующие годы Беларусь не была охвачена исследованием Всемирного экономического форума, в рамках которого оценивалась конкурентоспособность страны.

Не участвует Беларусь и в важнейшем рейтинге «Глобальная конкурентоспособность стран мира», который представляет комплексный индикатор, охватывающий набор параметров, системно характеризующий уровень развития национальной экономики страны. Он включает такие показатели: качество институтов; инфраструктура; макроэкономическая стабильность; здоровье; все три вида образования и профессиональная подготовка; эффективность всех видов рынков (товаров, услуг, труда, финансов); технологический уровень; емкость внутреннего рынка; конкурентоспособность компаний и инновационный потенциал; отраслевая структура экономики. Надо отметить, что Россия, Казахстан и Украина, имеющие близкие к Беларуси позиции, заняли в данном рейтинге в 2011–2012 гг. соответственно 66, 72 и 82 места [11].

Но это не говорит о том, что вопросами определения конкурентоспособности в Республике Беларусь не занимаются. Методы объективной оценки конкурентоспособности страны начали разрабатываться Институтом экономики НАН Беларуси в 2002 г. В основу новой методики оценки конкурентоспособности легла теория ноосферной экономики и изучение систем общепринятых мировых показателей (более 130) Давосского экономического форума, МВФ, ЕБРР, ЦРУ, статистики СНГ, отечественных и международных, структур, работающих в теневой экономике. Согласно данной методике, на протяжении всего периода 2002–2009 гг. Беларусь занимает стабильно высокое 20–25 место по конкурентоспособности человеческих ресурсов из 95 стран мирового сообщества. По конкурентоспособности коммуникационных ресурсов она находится на 30–36 местах; по конкурентоспособности инновационных ресурсов на 35–48 местах; по конкурентоспособности финансовых ресурсов на 78–89 местах; по конкурентоспособности энергетических ресурсов Беларусь на 66–86 местах [12].

Большое исследование по определению конкурентоспособности регионов Беларуси проведено сотрудниками Центра ИПТ, результаты которой отражены в книге «Национальная конкурентоспособность Беларуси: отвечая на современные вызовы». Здесь представлены интегральные оценки конкурентоспособности регионов Беларуси, которые были сделаны на основе официальной статистики и данных опросов предприятий [13].

Региональная инновационная система

Как отмечалось выше, инновационная система создается и функционирует на различных уровнях, и все эти уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако основное внимание российских и белорусских ученых при создании концепций инновационных систем уделялось особенностям их функционирования в рамках государств, а не регионов. В Европе проблемы эффективного инновационного развития территорий исследуются с начала 1990-х гг. (в рамках принятия Маастрихского договора 1993 г). При этом приоритетной задачей ставилось достижение консолидации стран ЕС и входящих в них регионов в социальном и экономическом плане за счет развития в регионах наукоемких производств и инновационного расширения сферы услуг, стимулирования европейской кооперации между различными субъектами НИОКР (научно-исследовательскими центрами, университетами, частными компаниями), координации инновационных политик стран – членов ЕС, выработке общей стратегии, а также в распространении наилучшего национального опыта создания инноваций. В социальном плане первостепенной задачей для всех стран ЕС является обеспечение занятости населения, а также снижения различий в уровнях технологического развития, образованности и общей производственной культуры населения, в наличии квалифицированной рабочей силы и уровне жизни.

Исследовательский интерес к проблеме развития инновационной системы на уровне региона в нашей стране появился относительно недавно. Безусловно, наблюдается некая теоретическая и методологическая схожесть подходов к изучению инновационной системы как региона, так и государства. Это объяснимо, поскольку инновационные процессы, возникающие и в национальной инновационной системе, и в региональной, одинаковы. В то же время важность территориального фактора нельзя недооценивать: по данным обследования канадских предприятий, региональные различия оказывают большее влияние на результаты инновационной деятельности, чем такие факторы, как размер предприятий или сфера деятельности. Также очевидно, что выбор и эффективность инструментов стимулирования инновационной активности зависит от конкретных обстоятельств и особенностей территории. Таким образом, изучение инновационной системы региона обеспечивает тот необходимый уровень детализации научного знания, который позволяет учесть специфику и особенности каждой отдельной территории в рамках государства, а значит создает объективные предпосылки для более эффективного управления системы в целом.

Для построения инновационной системы и успешного ее функционирования регион может опираться на ряд преимуществ: 1) выбор направлений развития, исходя из максимально возможного использования имеющихся конкурентных преимуществ экономики региона; 2) наличие собственного пакета перспективных инвестиционных проектов и программы, которые соответствуют приоритетам государственной социально-экономической и научно-технической политики; 3) глубокие горизонтальные и сетевые связи между участниками инновационной системы; 4) прямые связи с ведущими научными учреждениями, вузами, инновационными центрами и фондами, высокий научно-исследовательский потенциал; 5) наличие кадрового потенциала высококвалифицированных специалистов и собственного института целевой подготовки профессионалов; 6) наличие современной технологической базы; 7) активная поддержка инновационной деятельности со стороны региональных и местных властей.

Основу инновационной системы региона составляет инновационная инфраструктура, т.е. совокупность специализированных учреждений и институтов, функционирование которых нацелено на стимулирование создания инновационной продукции и коммерциализации новых проектов.

Заключение

Повышение конкурентоспособности белорусской экономики в целом возможно только через эффективное развитие инновационной деятельности на уровне регионов. О роли и значении инновационного фактора можно судить по появлению в теории и практике хозяйственной деятельности термина «инновационная конкурентоспособность региона». Необходимость его осмысления и дальнейшего анализа определяется тем, что реализация конкурентных преимуществ региональной экономики в современных условиях возможно только за счет новых технологий и инноваций. Инновационная конкурентоспособность региона – это его способность к обеспечению сильных конкурентных позиций за счет инновационного развития, направленного на достижение устойчивого экономического роста и повышения качества жизни.

Проблемной задачей для исследователей остается разработка методики оценки инновационной конкурентоспособности региона. На сегодняшний день существуют определенные различия как в применяемых методах, так и в наборе показателей, используемых при оценке данного показателя Всемирным экономическим форумом, Европейской и Российской системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гашева, О.В. Исследование семантики конкурентоспособности продукции / О.В. Гашева, Л.А. Платонова // Вест. Полоцк. гос. ун-та. Сер.: Эконом. и юрид. науки. – 2013. – № 6. – С. 73–76.
2. Филипенко, А.Г. Конкурентоспособность как фактор развития национальной экономики / А.Г. Филипенко // Вестник БГЭУ. – 2013. – № 2. – С. 43–47.
3. Лапаев, С.П. Система показателей инновационной конкурентоспособности региона / С.П. Лапаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : irbis.amursu.ru/.../cgiirbis_64.exe?... – Дата доступа : 11.01.2014.
4. Точицкая, И. Конкурентоспособность регионов Беларуси: общий обзор / И. Точицкая, И. Пелипась [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.research.by/webroot/delivery/files/KEF2013P3_01Pelipas.pdf. – Дата доступа : 11.12.2013.
5. Рахмеева, И.И. Инновационная инфраструктура региона: на стыке региональной и институциональной экономики / И.И. Рахмеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : rahmееva@gov66.ru. – Дата доступа : 14.12.2013.
6. Галица, И.А. Информационно-инновационный вектор обеспечения конкурентоспособности / И.А.Галица // Вест. Бел. гос. эконом. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
7. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2012 // Центр гуманитарных технологий URL [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2012/07/06/453>. – Дата доступа : 13.12.2013.
8. Шашко, А. Управление конкурентоспособностью регионов и региональная... / А. Шашко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : media.miu.by/files/store/items/eiup/23/eiu_8.pdf. – Дата доступа : 05.01.2013.
9. Лапаев, С.П. Методический подход к расчету суммарного индекса... / С.П. Лапаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.veorus.ru/EGR%20contest_2013/Gamanets.A.S.-EGR-2013.pdf. – Дата доступа : 05.03.2013.
10. Аксенова, Ж.Н. Оценка уровня инновационности региона и формирование условий его повышения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.asu.ru/files/documents/00006765.pdf. – Дата доступа : 15.01.2013.
11. Войтов, И.В. О состоянии и перспективах развитии науки в Республике Беларусь по итогам 2011 г. : аналитический доклад / И.В. Войтов, А.М. Русецкий. – Минск : ГУ «БелИСА». – С. 11.
12. Никитенко, П.Г. Государственное управление конкурентоспособностью Беларуси в системе международного сообщества: ноосферный подход / П.Г. Никитенко // Проблемы управления. – 2011. – № 4 (41). – С. 61–68.
13. Национальная конкурентоспособность Беларуси: отвечая на современные вызовы / Под ред. И. Пелипася. – Минск : Белпринт, 2010 г.

Zakharchenko L.A, Medvedeva G.B. Theoretical Aspects of Research of Innovative Competitiveness of the Region

The competitiveness of the region and factors determined it is considered, the role of an innovative factor as the leader in modern conditions is revealed in the article. The category «innovative competitiveness of the region» is analyzed. Innovative competitiveness of the region is its ability to provide strong competitive positions due to the innovative development directed to the achievement of sustained economic growth and improvement of quality of life. The problem is the development of methods of assessment of innovative competitiveness of the region. Today there are certain distinctions, both in applied methods, and in a set of the indicators used at assessment of this indicator by various international organizations.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.04.2014

УДК 336.713

Мустафа Аслан Аббасбейли

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА БАНКОВСКОГО СЕКТОРА АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ СТРАН СНГ

Целью статьи является комплексный и всесторонний анализ и оценка деятельности банковского сектора Азербайджана в контексте стран СНГ. В работе рассматриваются вопросы, раскрывающие сущность и правовые основы деятельности Центрального банка, его роль в развитии экономики страны, принципы, формы и методы банковского развития, подтвержденные новыми банковскими законами, осуществления банковского контроля в соответствии с Базельскими принципами, увеличения надежности банковской системы страны. Изложены также особенности деятельности азербайджанских банков на российском финансовом рынке.

Введение

Одним из главных факторов, которые оказывает влияние на развитие банковской отрасли Азербайджана в ближайшие годы, стало повышение конце июля 2012 г. Центральным Банком Азербайджана планки для минимального капитала банков в пять раз – с 10 млн манат до 50 млн манат к 1 января 2014 г. Данное решение Центрального Банка Азербайджана будет активизировать процесс слияний-поглощений в банковском секторе страны, а также уход с финансового рынка мелких игроков.

По состоянию на 01.01.2014 г. в Азербайджане в целом по банковскому сектору уровень достаточности капитала (отношения собственного капитала по активам) составил 16% (минимальный уровень по методике Базеле – 8%; ЦБ Азербайджана установил 12%). Он характеризует надежно обеспеченность активов банка его собственным капиталом. Банковская система является важным элементом финансовой системы Азербайджана. Сегодня банки по объему активов и капитала, по региональному охвату намного опережают других финансовых посредников.

В условиях макроэкономической стабильности и диверсификации экономики Центральный Банк осуществлял свои функции по сохранению инфляции на оптимальном уровне, поддержанию устойчивости курса маната, укреплению стабильности банковско-финансового сектора.

С целью укрепления финансовой устойчивости банковской системы Центральный Банк осуществлял меры по усилению потенциала управления рисками в банках, совершенствованию контрольно-регулируемой системы банков и в то же время сохранял в центре внимания финансово-посредническую функцию банковской системы. В результате принятых мер углубились процессы развития в банковской системе Азербайджана, была сохранена финансовая стабильность. Позиции капитала и ликвидности банковского сектора остались на выгодном уровне, за счет устойчивых источников расширилась ресурсная база банков.

В банковском сегменте рынка происходят серьезные сдвиги. Если раньше экспансия российских банковских структур была обусловлена прежде всего необходимостью обслуживания внешнеторговых и инвестиционных операций своих национальных клиентов, то в настоящее время кредитные учреждения все больше ориентируются на получение прибыли за счет кропотливой работы на внутренних финансовых рынках стран СНГ, в том числе и на розничном. Деятельность в странах СНГ российских банков связана в основном с потребностями в банковском обслуживании их крупнейших корпоративных клиентов: российских компаний, их контрагентов, участников внешне-торговой деятельности.

Современное состояние банковского сектора стран СНГ

Согласно оценке Рейтингового агентства «РИА Рейтинг», суммарные активы 100 крупнейших банков СНГ на 01.01.2012 г. составляли 1,23 трлн долл., что на 136 млрд долл., или на 12,5%, больше активов первой сотни годом ранее [1].

Из 1 400 банков стран СНГ в рейтинг вошли банки только семи стран: Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Россия, Узбекистан и Украина. По сравнению с развитыми и развивающимися странами российский банковский сектор по уровню развития занимает далеко не первые позиции, так как в большинстве развитых стран отношение активов банков к ВВП находится на уровне 150–400%. Соотношение величины активов к ВВП в Казахстане – 95%, в Украине – 76%. Таким образом, потенциал роста российской банковской системы далеко не исчерпан. Особенностью банковского сектора стран СНГ стал рост концентрации активов. На 1 января 2012 г. на 100 крупнейших банков СНГ приходилось 75,5% всех активов банковской системы стран СНГ. В ближайшие годы процесс увеличения концентрации активов вследствие укрупнения банков путём слияний и поглощений, скорее всего, продолжится.

В Содружестве размеры банковских систем и экономик стран очень различаются. Доминирует Россия, на долю которой приходится 70% территории и половина населения СНГ. По состоянию на конец 2012 г. удельный вес российских банков в совокупном объёме банковских активов стран СНГ составлял 77%, украинских банков – 10%, казахстанских – 8%, белорусских – 2%, узбекистанских – 1%, азербайджанских – 0,6%, молдавских – 0,35%, грузинских – 0,34%, армянских – 0,24% и киргизских – 0,13% [2].

Развитие банковской системы России явно обгоняет аналогичный процесс, происходящий в других странах СНГ. Поэтому российские банки имеют опыт, который кредитным организациям остальных стран только предстоит приобрести. В последнее время экспорт банковских услуг российскими банками опирается на такие конкурентные преимущества, как более высокий уровень развития технологий, широкий спектр банковских продуктов, предлагаемых на своем рынке, и, конечно, значительные финансовые ресурсы.

Российские банки фактически оккупировали весь верх рейтинга: первые девять банков СНГ по размеру активов зарегистрированы в России. Крупнейшими банками России и СНГ являются Сбербанк России, Банк ВТБ, Газпромбанк и Россельхозбанк. Активы только одного Сбербанка России в полтора раза больше суммарных активов всех 34 нероссийских банков, представленных в рейтинге. Кроме того, многие крупные российские банки имеют дочерние банки на территории ближнего зарубежья. Например, в рейтинг вошли несколько иностранных дочек Сбербанка: Сбербанк России (Украина), Сбербанк (Казахстан) и БПС-Сбербанк (Беларусь), а также дочерние банки ВТБ Банка и Альфа-Банка: ВТБ Банк (Украина) и Альфа-Банк (Украина).

В регионе присутствуют дочерние кредитные учреждения ВТБ, Альфа-банка, НРБ, Газпромбанка, Банка Москвы, Банка «Петрокоммерц», «Уралсиба», Росбанка, Номосбанка и некоторых других банков (этим объясняется присутствие КБ «Петрокоммерц» в Украине и Молдове; Банк ВТБ и «дочка» в Азербайджане «Уралсиба» – это банк «Никойл», входящий в топ-10 по активам; Газпромбанка в Беларуси). Банки группы ВТБ в странах СНГ (Украина, Армения, Азербайджан, Казахстан и Беларусь) и Грузии обслуживали на конец года 428 тыс. физических лиц. При этом ВТБ, второй по размеру банк в РФ (активы около 4 330,2 млрд руб.), принадлежащий государству, находится, безусловно, в особом положении и обладает рядом дополнительных средств с российского и международного рынков, имеет доступ к передовым технологиям финансового рынка, большой опыт предоставления различных услуг, пользуется политической поддержкой на государственном уровне и одновременно является коммерческой структурой, способной вести независимую, агрессивную и гибкую банковскую политику.

ку. Расширение сети российских банковских учреждений с государственным участием в странах СНГ позволяет обеспечить экономические и политические интересы национального государства и бизнеса.

Стратегия внедрения ВТБ на финансовые рынки государств СНГ состоит в следующем: формирование клиентской базы из местных компаний; привлечение к обслуживанию местных торговых партнеров российских клиентов; привлечение к обслуживанию местных предприятий путем предоставления им долговременного кредитования, включая выпуск и размещение долговых обязательств; формирование стабильной клиентской базы из числа промышленных предприятий за счет организации крупных проектов и инвестиционных программ. Ориентация на крупный бизнес, агрессивная ценовая политика и значительные ресурсы ВТБ призваны нацелить дочерние банковские структуры на передел местного рынка в свою пользу.

Для выхода на розничный рынок Украины ВТБ в 2005 г. приобрел банк «Мрия», из третьей десятки банковского рейтинга, в том же году в Украине был создан дочерний банк – ЗАО «ВТБ–Украина». Рассматривается возможность инвестиций в Молдове, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане. В соответствии со стратегией своего развития (открыть банки везде в СНГ) российский ВТБ приобрел банки в Казахстане, Азербайджане и Беларуси. Руководство ВТБ планирует создать дочерние банки в каждой стране СНГ. ВТБ намеревается потратить 1,5 млрд долл. на приобретение и развитие банков в странах СНГ [3]. Примечательно, что банк, изначально созданный для действия экспортно-импортными операциями, сейчас идет в авангарде российских претензий на зарубежные розничные рынки банковских услуг (доказательством тому служат приобретение Армсбербанка, Объединенного Грузинского и даже украинского банка «Мрия», а также намерение приобрести «Славнефтебанк» в Беларуси)».

Вообще, как ни странно, рынок Южного Кавказа, при всех его политических и ментальных особенностях, сейчас более освоен российскими банками, чем рынок любой другой страны СНГ. Из российских банков ВТБ наиболее активно наращивает свое присутствие на Южном Кавказе: в 2004 г. ВТБ купил 70% акций Армсбербанка, в январе 2005 г. – 51% Объединенного банка Грузии, а в 2009 г. группа ВТБ начала свою деятельность на рынке Азербайджана. Факторами, способствующими инвестиционной привлекательности Армении для российских банков, являются низкий уровень конкуренции на рынке банковских услуг. Заметная доля принадлежит и ВТБ в Грузии.

В Азербайджане функционируют 2 банка с участием российского капитала. Один из них – ОАО Банк ВТБ (Азербайджан). В перечень услуг ВТБ (Азербайджан) входят и небанковские финансовые услуги (трастовые и инвестиционные), лизинг и другие, которые оказываются через соответствующие дочерние компании группы ВТБ. ОАО Банк ВТБ (Азербайджан) в основном работает с корпоративными клиентами, представителями крупного, среднего и малого бизнеса. Также с помощью головного банка ВТБ (Азербайджан) будет участвовать в финансировании крупных проектов.

Банк ЗАО «Никойл» – один из представителей банковского сектора Азербайджана с участием российского капитала в уставном фонде. Филиальная сеть банка насчитывает 17 подразделений, расположенных как в Баку, так и в регионах Азербайджана. Стоит отметить, что ЗАО «Никойл» – один из банков Азербайджана, который предлагает услуги Исламского банкинга.

ОАО «Российский сельскохозяйственный банк» (Россельхозбанк; 100% акций банка находится в собственности государства РФ; занимает 4 место в банковском секторе РФ по объему активов и входит в тройку лидеров рейтинга надежности крупнейших российских банков) стал следующим банком с российским капиталом на азербайджанском рынке, открыв представительство в стране. Банк будет в основном заниматься кредитованием сельского хозяйства, в чём существует острая необходимость.

Начал свою экспансію в страны СНГ и консервативный Сбербанк, который приобрел банки в Украине и Казахстане. В 2006 г. Сбербанк за 100 млн долл. приобрел банк «НРБ-Украина», принадлежавший российской «Национальной резервной корпорации». Депозитарий Росбанка в 2005 г. стал первым российским депозитарием, открывшим счет номинального держателя в Центральном депозитарии Республики Казахстан и Республики Узбекистан.

Совокупная доля активов украинских банков в рейтинге составила 7,2%. Также на заметное усиление роли в рейтинге украинских банков указывает тот факт, что Украина оказалась единственной страной, помимо России, банк которой (ПриватБанк) в 2011 г. вошел в первую десятку. Активы ПриватБанка выросли в 2011 г. на 27,5% и достигли 18,2 млрд долл., что соответствует 10 месту в рейтинге (в прошлогоднем рейтинге ПриватБанк занимал 13-е место). Другие крупные украинские банки: Укрэксимбанк и Ощадбанк – заняли в рейтинге 22 и 25 места соответственно.

Банковская система Казахстана постепенно приходит в себя после тяжелого кризиса 2007–2009 гг., вызванного чрезмерным увлечением кредитных организаций дешевыми внешними заимствованиями и рискованным вложением средств. В условиях стабильности национальной валюты даже не очень большой рост активов кредитных организаций позволил Казахстану увеличить свое представительство в рейтинге с 8 до 11 банков. Тем не менее по доле активов среди первой сотни банков СНГ, которая составила 6%, Казахстан пока отстает от России и Украины. Сразу несколько казахстанских банков обосновались во втором десятке рейтинга. Казкоммерцбанк с активами в 16,7 млрд долл. занял 13 место, Народный банк Казахстана с активами 15,0 млрд долл. – 15 место, БТА Банк с активами 10,9 млрд долл. – 9 место. Еще один казахстанский банк – Цеснабанк – отметился тем, что среди 100 крупнейших банков СНГ продемонстрировал наибольший рост активов в долларовом эквиваленте: в 2011 г. активы Цеснабанка выросли на 92%, что позволило ему занять в рейтинге 75-е место. Если цены на энергоносители, от которых во многом зависит банковская система Казахстана, в ближайшие годы сохраняться достигнутом уровне или даже покажут рост, то, по мнению экспертов Рейтингового агентства «РИА Рейтинг», Казахстан может обойти в рейтинге Украину как по совокупному объему активов, так и по числу представленных в рейтинге банков.

Единственной страной, кроме России, число банков которой в рейтинге сократилось, стала Республика Беларусь. Вместо пяти белорусских кредитных организаций, которые занимали позиции в рейтинге по итогам 2010 г., теперь только три банка этой страны фигурируют в списке крупнейших (рейтинг покинули Приорбанк и Белинвестбанк). Причина сокращения числа банков республики – кризис в белорусской экономике 2011 г., результатом которого стало обесценение национальной валюты на 178%, что обусловило снижение активов банков в долларовом выражении на 27%. Крупнейший банк Республики Беларусь – Беларусбанк, в прошлом году занимавший девятую строчку в Рейтинге, потеряв 28% стоимости своих активов в 2011 г., спустился на 18 позицию.

Вошел в рейтинг, как и в прошлом году, Международный Банк Азербайджана. Он продемонстрировал рост активов за год на 16,7%, однако опустился в рейтинге на 2 позиции – с 33 на 35 место. По итогам 2012 г. активы банков Азербайджана продемонстрировали положительную динамику роста благодаря высоким ценам на нефть и росту экономики.

В Узбекистане лидер банковской системы и единственный представитель страны в рейтинге также не поменялся. Это НБ ВЭД РУ, активы которого в долларовом выражении за год выросли на 3,5%. В результате этот банк потерял два места в рейтинге и опустился на 50-ю позицию. При сохранении нынешних темпов развития высокие шансы в ближайшем будущем попасть в ТОП-100 крупнейших банков СНГ имеют еще

два банка из Узбекистана: Узпромстройбанк и Асака, активы которых оцениваются примерно в 1,9 млрд долл.

Грузия представлена в рейтинге крупнейших банков СНГ одним банком. Грузинские банки были включены в исследование, несмотря на то, что эта страна в 2009 г. вышла из состава СНГ, и рассматривались в рейтинге, так как грузинский банковский сектор имеет достаточно тесные связи с банками СНГ. Вошедший в рейтинг Банк Грузии за год нарастил активы на 24%: с 2,3 млрд долл. до 2,8 млрд долл., что дало ему возможность подняться в рейтинге на три строчки до 82 места. Очень близко к попаданию в рейтинг оказался грузинский ТВС Bank, который по итогам 2011 г. показал прирост активов на уровне 54% (на 1 января 2012 г. его активы оценивались в 1,98 млрд долл.). Таким образом, при сохранении тенденции 2011 г. в следующем году Грузия может быть представлена в рейтинге уже двумя банками.

Ни один из банков Армении, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана не вошел в сотню крупнейших банков СНГ. Самым крупным банком этих стран является Moldova Agroindbank с активами в 800 млн долл., что на 1,3 млрд долл. меньше, чем у занимающего сотую позицию в рейтинге украинского Сбербанка России. При этом совокупные активы банковских систем Таджикистана и Киргизии меньше, чем необходимо для попадания в число 100 крупнейших банков СНГ. Теоретические шансы на вхождение в число крупнейших банков СНГ в среднесрочной перспективе есть только у кредитных организаций Армении и Молдовы. Данный процесс может ускориться в случае объединения каких-либо крупнейших национальных финансовых институтов.

Можно выделить некоторые общие черты банковской системы стран СНГ: невысокая доля активов банков в ВВП (в среднем 59%); доминирование в системе одного (государственного) банка; низкие показатели присутствия иностранных банков.

Современное состояние банковского сектора Азербайджана

Несмотря на глобальный банковский кризис, банковский сектор Азербайджана в последние годы растет существенными темпами. По состоянию на 01.01.2012 г. в Азербайджане в целом по банковскому сектору уровень достаточности капитала (отношения собственного капитала по активам) составила 16,3% (минимальный уровень по методике Базеле – 8%; ЦБ Азербайджана – 12%). Он характеризует надежную обеспеченность активов банка собственным капиталом.

Таблица 1 – Основные показатели развития банковской системы Азербайджана

	Совокупные активы (01.07.2012), млрд USD	Прирост активов (2011), %	Прирост активов (1-ое полугодие 2012), %	Активы/ВВП (2011), %	Число банков (01.01.2012)	Крупнейший банк и его активы (01.01.2012), млрд USD	Активы банков, USD\чел. (2011 г.)
Азербайджан	18,8	6,5	6,1	28,5	44	Международный Банк Азербайджана, 6,37	1 930
СНГ	1 668	13,8	4,6	66,5	1 390		5 826

Источник: РИА Рейтинг по данным Централных банков стран СНГ и банковской отчетности.

В республике работают 43 банка: один государственный – Международный банк Азербайджана (МБА) и 42 частных банка. По состоянию на 01.01. 2014 г. в капитале 23 азербайджанских банков присутствовали иностранные инвестиции. Число банков с участием иностранного капитала в их уставном фонде возросло с 13 единиц в 2000 г. до 23

в 2014 г. Причем в этом году отмечается рост числа кредитных организаций, которые увеличили долю иностранного капитала и вошли в группу от 20% до 50%. В 7 банках их уровень равнялся 50–100%, в 14 - менее 50%, а 2 являются филиалами иностранных банков. В Азербайджане также действует 5 представительств иностранных банков.

ЦБ Азербайджана повысил минимальный размер уставного капитала вновь создаваемого банка до 50 млн манатов. Более современным методом повышения капитализации азербайджанских банков является банковское IPO (Innal Public Offering), и выход банков на рынок IPO позволяет обеспечить до 60% роста капитала банковской системы [3, с. 85]. Однако проблема состоит в том, что подавляющее большинство банков не рассматривают рынок ценных бумаг как механизм привлечения ресурсов. Вместе с тем на практике еще ни одного первичного размещения не произошло: азербайджанские банки (МБА, «Капиталбанк» и «Банк Стандарт»), планировавшие его до глобального финансового кризиса, перенесли IPO на более поздние сроки, столкнувшись с различными проблемами организационного и правового характера. Тем не менее последствия глобального кризиса и сокращение розничных операций не помешали банкам Азербайджана в 2014 г. расширить сеть обслуживания клиентов на 8%.

В целом финансовое состояние азербайджанских банков остается устойчивым и демонстрирует положительную динамику. Уровень развития банковского сектора является одним из показателей, определяющих развитость экономики страны в целом. В качестве индикатора роли банковского сектора можно использовать отношение банковского кредита, выраженное как доля ВВП. Банки, прогнозируя данную тенденцию, переориентируют стратегии своего развития на наращивание кредитования в других сегментах рынка – кредитах физическим лицам и предприятиям малого и среднего бизнеса. По итогам 2013 г. на долю кредитов для населения приходилось уже 30% всех банковских активов. В структуре кредитного портфеля удельный вес промышленного и энергетического сектора составляет 25%, кредиты в сферу торговли – 22,3%, в строительство – 7%. Кредитование осталось основной частью банковских услуг. Так, по состоянию на 1 января 2012 г. общий объем кредитов, выданных банками нефинансовому сектору экономики, составил 9 698,8 млн манатов. За год объем кредитов, выданных банками нефинансовым предприятиям, увеличился 8%. В структуре кредитного портфеля банковского сектора 73,6% составляют корпоративные кредиты и 26,4% – кредиты физическим лицам. Из-за повышения инвестиционной привлекательности банковского рынка Азербайджана был сохранен интерес международных финансовых институтов и зарубежных банков к азербайджанскому финансовому рынку. Совокупные банковские активы Азербайджана составляют порядка 60% банковских активов Южного Кавказа (таблица 2).

Таблица 2 – Активы банков стран СНГ на 01.07.2012 г., млрд USD

Россия	1 348,87
Грузия	8,59
Азербайджан	19,400
Узбекистан	17,16
Беларусь	32,28
Казахстан	90,18
Украина	138,18
Армения	5,28
Молдова	4,47
Кыргызстан	1,61
Таджикистан	2,00

Источник: РИА Рейтинг по данным Центральных банков стран СНГ и банковской отчетности.

Банковская система Азербайджана характеризуется высокой концентрацией в верхнем сегменте, в котором пять крупнейших банков контролируют 61% всех банковских активов. Системообразующую роль в азербайджанском банковском секторе по-прежнему играют банк с государственным контролем – Международный банк Азербайджана. Согласно статистическим данным на начало 2014 г., на долю МБА приходится 35,9% активов, 42,0% кредитного портфеля, 42,9% депозитов, 40,0% прибыли, 31,5% совокупного капитала, 43% банковских карт [5]. На протяжении длительного периода МБА достойно представляет Азербайджан на международной арене.

Таблица 3 – Крупнейшие банки Азербайджана

	Активы (01.01.2012 г.), млрд USD	Доля в банковских активах страны, %
Международный Банк Азербайджана	6,37	35,93
Kapitalbank (30.09.2011)	1,52	8,57
Халг Банк	0,9	5,08
Bank Standard	0,88	4,96
Техника Банк	0,8	4,51
Совокупные активы 5 крупнейших банков	10,47	59,05
Совокупные активы банков Азербайджана	17,73	

Источник: данные Центрального банка Азербайджана.

Международный Банк Азербайджана – один из первых банков республик бывшего СССР, реализующий стратегию регионального развития на финансово-экономическом пространстве стран СНГ. МБА активизирует свою деятельность на мировых финансовых рынках, в первую очередь, в финансовых центрах региональных союзов, по привлечению международных финансовых институтов в республику. Сегодня офисы банка активно функционируют на разных континентах: в Европе (Лондон, Франкфурт-на-Майне, Люксембург), Америке (Нью-Йорк), Азии (Дубай).

Следующий год станет знаменательным для банковского сектора Азербайджана и в плане внедрения исламского банкинга. Подтвержденный спрос в Азербайджане как со стороны корпоративных, так и физических лиц на продукты и услуги исламского банкинга ускорит создание соответствующей законодательной базы [6]. Сохранение экономической стабильности, обеспечение стабильной и устойчивой деятельности банков оказало положительное влияние на рост доверия населения банковской системе и повышение тренда долгосрочных вкладов в 2013 г.

Участие азербайджанских банков на российском финансовом рынке

Сегодня российский рынок банковских услуг стал столь привлекательным, а банки сопредельных государств настолько окрепли, что у них есть все необходимые стимулы и возможности для развития в России диверсифицированного бизнеса. Очевидно, что потенциал российской экономики существенно выше, чем в других странах Содружества. Специфика работы банков из стран СНГ существенно разнится, тем не менее их можно поделить на две группы:

1. Банки, созданные для обслуживания транснациональных расчётов, в том числе связанных с межгосударственными программами, и для поддержки национальных компаний в ведении бизнеса на внутреннем российском рынке. Большинство этих бан-

ков создано в середине 90-х гг., когда после распада Советского Союза и необходимости восстановления утраченных хозяйственных связей между экономическими субъектами возник узконаправленный спрос на расчётные операции.

2. Универсальные банки, предлагающие услуги преимущественно российским клиентам и на этом стремящиеся заработать основную прибыль. Они стали создаваться в 2000-х гг., когда с ростом экономики и развитием рынка банковских услуг ситуация коренным образом стала меняться: в России стал формироваться рынок банковских услуг. В эту группу стали переходить и некоторые банки из первой.

Развитие ритейла в России банки из СНГ предпочитают начинать не с регистрации новой кредитной организации, а с покупки готовых – с достаточно развитым и диверсифицированным бизнесом. Это оказывается оправданным и выгодным. С одной стороны, они заинтересованы в приобретении бренда успешного российского банка (ценность его для них безусловна, поскольку собственный бренд обычно не имеет в России веса), а с другой – именно банки из СНГ имеют возможным образом распорядиться клиентурой покупаемого банка.

В свою очередь, азербайджанская сторона также вкладывает средства в российскую экономику. В январе 2002 г. при поддержке правительства Азербайджана в Москве открылся первый банк со 100%-м азербайджанским капиталом – ООО «МБА-МОСКВА». Основными задачами Банка «МБА-МОСКВА» в России являются расширение географии деятельности и бизнеса группы МБА, развитие торгово-экономических отношений между Азербайджаном и Россией, обслуживание большого числа выходцев из Азербайджана, проживающих в России, а также реализация межправительственных соглашений. Главная стратегическая цель Банка «МБА-МОСКВА» – быть универсальным, динамично развивающимся банком с высокой степенью надежности, способствующим успешной деятельности своих клиентов и обеспечивающим их качественное обслуживание. У банка есть филиалы в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Также планируется открытие филиала в Нижнем Новгороде (около 20% товарооборота между Россией и Азербайджаном приходится именно на Нижний Новгород). Там сосредоточены крупнейшие предприятия в сфере машиностроения, судостроения, кораблестроения и т.д.).

По итогам 2010 г. ООО «МБА-МОСКВА» вошел в число 150 крупнейших банков России по чистым активам, кредитному портфелю, кредитам для юридических лиц. Банк «МБА-МОСКВА» является активным оператором на рынке межбанковского кредитования. «МБА-МОСКВА» рассчитывает на открытие филиала банка во Франкфурте, потому что сегодня товарооборот между Россией и Германией достаточно большой, есть серьезная клиентская база, и поэтому банк хочет участвовать в этих операциях и привлечь их в МБА-МОСКВА.

Заключение

По состоянию на 01.01.2013 г. в Азербайджане в целом по банковскому сектору уровень достаточности капитала (отношения собственного капитала по активам) составила 16,3% (минимальный уровень по методике Базеле – 8%; ЦБ Азербайджана – 12%). Он характеризует надежно обеспеченность активов банка его собственным капиталом. В целом финансовое состояние азербайджанских банков остается устойчивым и демонстрирует положительную динамику. Сохранение экономической стабильности, обеспечение стабильной и устойчивой деятельности банков оказало положительное влияние на рост доверия населения банковской системе и повышение тренда долгосрочных вкладов в 2013 г.

Банковский сектор Азербайджана в 2013 г. характеризовался стабильностью и умеренным развитием, однако решение Центрального банка Азербайджана от 25 июля

2012 г. (вступило в силу с 1 января 2014 г.) об увеличении с 10 до 50 млн манатов минимального совокупного капитала действующих в стране банков, а также уставного капитала вновь созданных, привело к уходу с рынка двух банков: «Birlikbank» и «Royal Bank». Учитывая, что последний являлся членом Фонда страхования вкладов Азербайджана, его банкротство стало первым страховым случаем для фонда, который полностью обеспечил выплаты компенсаций для покрытия застрахованных вкладов физических лиц бывшего банка.

Мы считаем, в 2014 г. приоритетом в финансовой системе Азербайджана станет модернизация регулирования банковской системы на базе самых последних (современных) международных стандартов и опыта. В перспективе единая система финансового надзора должна быть направлена, как мы полагаем, на повышение качества управления финансовыми организациями собственными рисками, оценку их способности по своевременному выявлению и устранению (снижению) этих рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.riarating.ru/banks>.
2. Мамедов, З.Ф. Индустрия финансовых услуг Азербайджана: состояние, проблемы, перспективы / З.Ф. Мамедов // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – 2013. – Часть I. – С. 270–277.
3. Зейналов, В.З. Проблемы и перспективы развития азербайджано-российского сотрудничества в финансово-банковской сфере / В.З. Зейналов // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4.
4. Мамедов, З.Ф. Банковская система в условиях глобального финансового кризиса / З.Ф. Мамедов // Финансы и кредит. – 2010. – № 12. – С. 8–15.
5. Электронный ресурс. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_Банк_Азербайджан.
6. Мамедов, З.Ф. Проблемы развития исламского банкинга в Азербайджане / З.Ф. Мамедов // Россия и мусульманский мир. – М. : – С. 58–60.

Abbasbeyli M.A. Analysis and Evaluation of Azerbaijan Banking System in the Scope of CIS Countries

This article is about Azerbaijan banking system as well as banking systems of CIS countries. The article consists of comparison analysis of Azerbaijan and also analysis of CIS countries banks. We tried to compare the banking systems of these countries in figures and in general volumes. Also we tried to discover problems of these countries in the field of finance system.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.05.2014

УДК 338.2:681.3

Л.П. Матюшков, Д.А. Петрукович

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В МАЛОМ И СРЕДНЕМ БИЗНЕСЕ

В статье рассмотрены особенности совершенствования управления малыми и средними предприятиями, связанные с применением информационных компьютерных технологий. Рассмотрены экономические основы их окупаемости. Предлагается уделить внимание проблеме выживаемости микро- и малых предприятий и развитию средств поддержки для тех из них, которые на инновационной основе могли бы переходить из микро- в малые, из малых в средние. Анализируется возможность естественных инновационных путей с малыми затратами для перехода на интегрированные информационные технологии с использованием информационных ресурсов масштабных уровней (ресурсов крупных корпораций, ресурсов страны, международных ресурсов).

Введение

В системе реформирования производственных отношений в Республике Беларусь к одной из важнейших относится решение проблемы развития предпринимательства, малого и среднего бизнеса, создание рыночной инфраструктуры в контексте общемировых тенденций [1].

В современном обществе главными продуктами в управлении производством и услугами являются информация и знания. Создание единого информационного пространства предприятия является важной задачей. Под информационным пространством понимается совокупность информационных ресурсов, систем и коммуникационной среды. На этой основе сейчас достигаются успехи большинства предприятий [1–3]. Однако создание единой информационной среды предприятия, интегрированной по своим интерфейсным возможностям с другими сетями (Интернет, корпоративные сети, правительственные источники информации, платные и бесплатные справочные системы, информация о рынках труда в мире и Таможенном союзе и т.п.) является пока основной задачей только для крупных корпораций [2; 3].

С другой стороны, развитие информационного общества требует вовлечения в неизбежный процесс информатизации как отдельных граждан (система «одного окна», коммунальные платежи, покупки в электронных сетях и т.п.), так и предприятий разных масштабов и форм собственности (статистическая отчетность, банковские и налоговые платежи, дистанционная работа и консультации). Часть из этих операций поддерживается в Республике Беларусь уже действующими системами: прием коммунальных платежей, электронные банковские операции между предприятиями, передача статистической и налоговой документации в электронной форме (при условии полученной сертифицированной цифровой электронной подписи через Республиканское унитарное предприятие «Информационно-издательский центр по налогам и сборам» и др.).

Автоматизация разных производственных процессов во всех странах мира способствует увеличению числа работников в сфере услуг. Наблюдается увеличение стоимости акций фирм, имеющих тенденцию к увеличению их нематериальных активов в виде интеллектуальной собственности (программы, базы данных и др.). Бизнес повел борьбу за потребителя путем индивидуального учета его запросов и предпочтений с помощью информационных ресурсов и посредством налаживания прочных двусторонних связей, построенных исключительно на основе автоматизации и компьютеризации.

Информационные механизмы в управлении бизнесом

Под информационным менеджментом будем понимать совокупность методов и средств управления информацией для обеспечения деятельности предприятия. Ин-

формационные технологии сегодня стали неотъемлемым компонентом технологий управленческих, так как координация человеческой деятельности на современных предприятиях строится на основе новейших телекоммуникационных и компьютерных систем. Глобальные перемены в сфере традиционных технологий произошли с появлением новых коммуникаций и особых форм сетевых отношений в целях достижения экономического и социального эффекта [1–3].

Важнейшим фактором в информационном обществе стала организация деятельности работника, позволяющая повысить производительность труда и комфортность взаимодействия с фирмой [3].

Специфика рекламы на базе компьютерных сетей содержит такой элемент, как использование мультимедийных средств с одновременным воспроизведением объекта в действии, демонстрацией его различных возможностей в сопровождении звука, с помощью таблиц и текста; по сети можно получить демонстрационную версию программы, испытать ее для своих условий и сделать заказ на доработку с учётом своих особенностей применения.

Особые преимущества дает мобильная связь, так как с её помощью может обеспечиваться передача информации через спутники в компьютерную сеть с электронной цифровой подписью. Безбумажная система документирования невозможна без локальной сети предприятия, в которую входят автоматизированные рабочие места пользователей-специалистов, готовящих различные документы и принимающих решения. Посредством организации хранения и обработки информации удается вести сразу все дела по номенклатуре предприятия, автоматически выполняется формальный контроль за прохождением и исполнением документов по срокам и по существу путем привлечения необходимых специалистов.

Оптимизация принятия решений достигается также и за счет разработки типовых форм документов и решений, сводок, таблиц и многооконного вывода на экран различной информации в виде, удобном данному исполнителю, путем удаления неинформативных для него объектов. Необычным также является хранение медиадокументов, одновременно содержащих информацию в речевом, графическом, табличном и текстовом виде. Специалисты могут, не выходя из кабинетов, делать оценки принимаемым решениям и проектам документов, быстро согласовывать сложные документы.

Рассматривая информацию как данные, несущие в себе новизну и полезность для работника, принимающего решение, можно выделить следующие особенности. Система документооборота в информационной среде предприятия должна быть средством получения управленцем необходимой информации в нужное время. Рано пришедшая информация теряется в «текучке дел», а поздно пришедшая бесполезна.

Недостаток информации часто возникает искусственно из-за монополизации различных сведений по причине их засекречивания или стремления монопольно обладать ею для поддержания некоторого статуса осведомленности. Абсолютно верная информация, пришедшая поздно, может стать ложной.

Широкое распространение получило использование шаблонов. Шаблоном называется определенная неизменная структура хранения или обработки информации. Введение в шаблон конкретных данных о процессе или объекте позволяет получать исковый результат заранее запрограммированными процедурами.

Самой сложной является творческая деятельность при принятии нестандартных решений или решений при недостатке информации. Тем не менее и эти решения могут опираться на шаблоны, так как подавляющее большинство отклонений в работе предприятия являются штатными, т.е. повторяющимися, с известным набором решений по их устранению. Внештатные отклонения обычно возникают на базе штатных, и поэтому набор действий по их устранению может быть получен путем связывания эле-

ментов штатных решений. В этом случае задача управленца заключается в нахождении пути последовательного принятия штатных решений, построенных по аналогии.

Наиболее эффективно информатизации на предприятии поддаются следующие виды деятельности: бухгалтерский учет, документооборот, экономическая и финансовая, организация труда руководителя; информационное обеспечение, ведение различных архивов, – для которых существует много типовых процедур и программных средств. Основными типовыми средствами для реализации информационного менеджмента на предприятии для этих видов функций являются сертифицированное программное обеспечение, компьютеры, сети связи и оргтехника.

Значительный объем программного обеспечения создан для ведения бухгалтерского учета в большом числе модификаций, адаптированных к применению на средних и малых предприятиях. Для облегчения выполнения функций управления созданы программные продукты контроля документооборота, управления кадрами, планирования личного времени, ведения картотеки, защиты информации.

При создании системы безбумажного документооборота на предприятии важную роль играют программные средства формирования электронной подписи и шифрования документов. Такие средства должны быть сертифицированы на государственном уровне, так как только в этом случае электронный документ признается в качестве эквивалента бумажному. Организация системы электронной почты между структурными подразделениями и доступа к различным базам данных фирмы может также базироваться на электронной подписи, системе шифрования и стандартных средствах доступа, аналогичных имеющимся для пользователей Интернета.

Комплексность защиты информации достигается одновременным применением физических средств (замки, пропуск, сигнализация, видеонаблюдение), аппаратно-программных средств (борьба с перехватом сообщений, шифрование, обнаружение «жучков» и т.п.), организационных средств (инструкции, приказы и т.п.). Наиболее специфическим средством защиты является шифрование, позволяющее сохранить в тайне от злоумышленника даже украденную информацию.

Юридической основой для ведения «безбумажного» документооборота являются законы Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» (от 10 ноября 2008 г. № 455-3, в редакции от 04 января 2014 г. № 102-3) и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (от 28 декабря 2009 г. № 113-3, в редакции от 20 мая 2013 г. № 27-3). Законом устанавливается обязательная структура электронного документа: юридически он имеет силу, аналогичную обычным заверенным документам (например, в судах).

Общая часть электронного документа должна иметь структуру и реквизиты, установленные законами и стандартами для обычных документов (дата создания, утверждение, наименование, сведения о его создателях), а также сведения о защите электронного документа и средствах исполнения электронной цифровой подписи, сведения о технических и программных средствах, необходимых для воспроизведения электронного документа.

Электронная цифровая подпись должна выполнять две функции, что отличает ее от обычной подписи. Во-первых, она должна удостоверить информацию общей (содержательной части) электронного документа и выполнять роль печати и подписи. Во-вторых, она предназначена для подтверждения подлинности и целостности документа, что необычно для обыкновенного бумажного делопроизводства. Эта функция пресекает возможность изменить электронный документ, не оставляя никаких следов вмешательства, что обеспечивает безупречность выполнения дистанционных платежей в электронной форме.

Проблемой в развитии новых подходов к управлению малыми предприятиями является оценка расходов на реализацию информационных технологий, так как трудно оценивать затраты на платные информационные услуги в различных компьютерных сетях, а также стоимость типовых программ с их доработкой под условия предприятия.

Из зарубежных баз данных можно получать достаточно объективную информацию (сайты предприятий, описания патентов, новости науки, биржевых операций, электронные издания, реклама и т.п.), помогающую при ведении бизнеса. В собственных базах предприятия накапливается информация по различным аспектам деятельности. Сопоставив информацию из этих баз данных, можно более уверенно строить разумные стратегии поведения в бизнесе.

Будем называть механизмом управления предприятием точечный подход к влиянию на избранные факторы малых и средних предприятий, который при условии ограниченности всех видов ресурсов в их деятельности позволяет осуществлять креативное управление. Действительно, только с учетом специфики предприятия (небольшое число работников; нестабильность положения на рынке, ведущая к неуверенности персонала в завтрашнем дне; быстрое приспособление персонала к изменениям в стиле работы из-за частых изменений и нововведений; использование новых технологий, требующих переучивания; многофункциональность работников и т.д.) возможно конструирование схем управления и использования ресурсов. Это требует несколько иного подхода в управлении производственными процессами и персоналом, а также учета данной специфики в подготовке кадров для предприятий уже в процессе их обучения. Особенность деятельности работников в подобных организациях влияет и на специфику механизмов управления ими.

Современные реалии работы показывают, что сотрудники малых и средних предприятий должны уметь исполнять обязанности сразу по нескольким должностям в связи с тем, что нагрузки на полную ставку по узкой специализации не хватает. В силу этого обстоятельства механизмы управления региональной экономикой должны опираться на элементы согласования целей предприятия и интересов его сотрудников. Аттестация работников должна идти по профессиональному признаку с учетом выполнения и некоторых функций, состав которых может меняться в зависимости от необходимости. Остановимся далее на некоторых деталях, оказавшихся полезными в реализации рассматриваемого подхода.

Проблемы снижения затрат при применении информационных технологий

Требования современного информационного общества к повышению качества управления во всех областях деятельности привели к развитию исследований, связанных с разработкой методов количественного обоснования принимаемых решений (от уровня предприятия до отрасли в целом). Важнейшими из них, безусловно, являются исследования и разработки, способствующие экономии ресурсов при развитии и внедрении инноваций, способствующих продвижению интеллектуальных наукоемких технологий и прогрессивных методов управления [1–7].

Выделение средств из различных источников на модернизацию производства и управление с целью повышения качества продукции и жизни людей должно опираться на научно обоснованные рекомендации, базирующиеся на комплексной оценке перспектив развития. Каждая отрасль и отдельное предприятие имеет свои особенности, и потому не может быть единой комплексной оценки для различных процессов и объектов. Предлагаемая нами методика использования радарных диаграмм для комплексной оценки разнообразных объектов и процессов [6] позволяет учитывать их особенности, а также выделять наиболее весомые факторы, прежде всего с позиции экономической эффективности. Суть применения модели – выбор наиболее значимых, по мнению

экспертов, показателей, которые должны использоваться в качестве базовых при комплексной оценке и могут помочь принять управленческое решение (выделить средства, модифицировать объект и т.п.) на основе сравнения с однородными объектами. Влияние методики на процессы информатизации принятия решений заключается в экспертном наборе данных, специфичных для конкретного предприятия.

В ходе оценки обычно используется как количественный, так и качественный подход. Для управления качеством необходимо оценить его уровень и перспективы положительных тенденций роста. Оценка уровня качества процесса или объекта является основой для выработки необходимых управляющих действий. Однако формализованная количественная оценка качества процесса или объекта сталкивается с большими трудностями, которые носят объективный характер, определяемый особенностями сферы реализации. Для установления стандартов при сравнении достижений разных предприятий рекомендуется использовать внутренний и внешний бенчмаркинг как последовательный и непрерывный процесс оценки деятельности [3–5]. При проведении оценки устанавливается, какие показатели качества следует выбирать для рассмотрения, какими методами и с какой точностью необходимо определять их значения, какие средства для этого потребуются, как обработать и в какой форме представить результаты оценки.

В научном плане методика комплексной оценки является обобщением результатов, связанных с оценкой качества изделий, процессов и услуг до методов ее применения от макроуровня (оценка продовольственной безопасности страны и т.п.) до микроуровня (оценка тендеров, непрерывное совершенствование качества изделий и т.д.). Новым в методике являются разработка теоретических подходов к определению углов между радиусами радарной диаграммы (ранее они всегда принимались равными), введение понятия идеального базового объекта для сравнения, описание схемы нормирования показателей при их переводе в безразмерную форму, возможность использования своих балльных шкал для каждого качественного показателя.

Важным является системный подход к инновационному реформированию деятельности жилищно-коммунального хозяйства в управлении кадрами с учетом специфики оказания разнородных качественных услуг гражданам и потенциального перехода к 100%-й оплате услуг с прозрачными калькуляциями затрат [5]. Заслуживают внимания рекомендации по совершенствованию механизмов специальных функций управления в соответствии с требованиями международных стандартов ИСО.

Логистика в цепях поставок с каждым годом играет все более значимую роль из-за применения при пересечении границ информационных технологий (ИТ) и спутниковых средств слежения за грузами. Ее необходимо постоянно совершенствовать с позиций оптимизации перевозок и разнообразия услуг с использованием ИТ.

В международных перевозках для малых предприятий важной является проблема их устойчивого финансирования в условиях, когда в борьбе за заказчика перевозчику приходится идти на отсрочку платежа или его поэтапную оплату, что приводит к нехватке оборотных средств. Это чаще всего наблюдается в работе малых предприятий, так как они не имеют опыта и кадров для решения задач тесного взаимодействия с банками при получении услуг факторинга (например, с полным правом регресса на заемщика).

В повышении эффективности лесного хозяйства большую роль играет, например, технологии производства топливной щепы из низкокачественной древесины и отходов, а также переход к продаже полуфабрикатов изделий из деловой древесины.

На современном этапе развития Республики Беларусь обострились проблемы своевременности возврата предприятиями кредитов банкам. Важно использовать дополнительные документы, содержащие информацию от предприятий (наряду с бизнес-планами и комплексом цифровых финансовых сведений) и проводить качественный анализ конкурентоспособности заемщика (деловая репутация, квалификация руковод-

ства, система менеджмента, текучесть кадров, история расчетов по налогам, внешняя среда кредитополучателя, рынки сбыта, конкурентоспособность продукции). По этим показателям банкам рекомендуется присваивать рейтинг предприятий, чтобы в итоге анализа количественных показателей бизнес-плана и рейтингов принимать решение о выдаче кредита.

Туризм в ближайшей перспективе также является одной из отраслей, где Республика Беларусь планирует получить увеличение доходов, в том числе и валютных. Поэтому исследования, посвященные анализу коммуникаций в сфере туризма путем их изучения с ориентацией на прибыльные виды деятельности, с использованием ИТ крайне необходимы. Здесь очень важен учет особенностей клиента и внимание к специфике его обслуживания.

Особо выделим проблему неустойчивости малого бизнеса во времени: например, по данным российских исследователей в течение последнего десятилетия 8 из 10 (80%) малых предприятий прекращают свою деятельность (в США этот показатель ниже и составляет около 50%), в Республике Беларусь число таких предприятий также значительно. Это явление требует тщательного исследования. Одна из причин многим известна: недостаточная подготовленность к ведению бизнеса при частом изменении внешних условий, влияние которых непреодолимо без значительных затрат. Второй причиной является недостаточное государственное стимулирование инновационной деятельности малого бизнеса. Предприятия малого бизнеса редко используются в качестве соисполнителя крупных работ на долгосрочной основе.

Необходимо уделять больше внимания созданию льготных условий для уже действующих малых предприятий, откликающихся на выполнение государственных программ по внедрению ИТ в управление и производство.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить перспективность использования рассмотренных приемов информатизации управления для малых и средних предприятий и организаций региона с учетом конкретных условий внутренней и внешней среды. В перспективе полезно рассмотреть действие различных механизмов повышения эффективности функционирования предприятий через использование ИТ, заёмных средств (лизинга, венчурного финансирования). Большой резерв скрывается и в поиске организационных механизмов усиления мотивации труда и эффективного хозяйствования, а также расширение возможностей применения средств стандартизации на различных уровнях: предприятие, отрасль, страна, международный уровень. В особенности это относится к внедрению ИТ, процессного подхода в управлении в соответствии с международными стандартами ISO. Слабо пока применяются на практике механизмы информационного управления и прогнозирования при использовании нескольких источников финансирования, а также в организации сетей поставок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитенко, П.Г. Политико-экономические и организационные преобразования в экономике Беларуси – императив нового качества экономического роста / П.Г. Никитенко // Проблемы управления. – 2008. – № 2(27). – С. 25–31.
2. Информационные системы и технологии в экономике и управлении / под ред. проф. В.В. Трофимова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – 521 с.
3. Матюшков, Л.П. Проблемы создания дистанционных рабочих мест в Беларуси / Л.П. Матюшков, Д.А. Петрукович // Вучоныя запіскі Брэсц. дзярж. ун-та імя А.С. Пушкіна. – Вып. 8. – Ч.1. Гуманітарныя і грамадскія навукі – Брэст : 2012. – С. 174–179.

4. Медынский, В.Г. Инновационный менеджмент : учебник для вузов по спец. «Менеджмент организации» / В.Г. Медынский. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 293 с.

5. Просветов, Г.И. Управление инновациями: задачи и решения : учеб.-практ. пособие / Г.И. Просветов. – М. : Альфа-Пресс, 2010. – 208 с.

6. Матюшков, Л.П. Диаграммный метод оценки сложных однородных объектов / Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович // Вес. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2009. – № 1(36). – С. 136–142.

7. Варакулина, М.В. Состояние и направления развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь / М.В. Варакулина // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. статей IV Междунар. науч. конф., Брест, 25–26 апр. 2013 г. / Брестский гос. техн. ун-т ; редкол. : А.М. Омелянюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2013. – С. 116–118.

Matsiushkov L.P., Petrukovich D.A. Features of Information Management in Small and Medium Business

The peculiarities of improving the management of small and medium-sized enterprises, involving the use of information and computer technologies are considered in the article. Economic foundations of their payback are examined. It is proposed to pay attention to the problem of survival of micro and small enterprises and the development of support tools for those who on the basis of innovation could move to the next weight class (in micro, small, and small to medium-sized). The possibility of using natural and innovative ways with low cost for the transition to integrated information technology with the use of information resources scale levels (large corporations, country, international, etc.) is analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.06.2014

УДК: 336:005.334:334.758.4

А.С. Ворожун

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМ РИСКОМ ХОЛДИНГА

В статье определены недостатки финансового менеджмента холдингов в Республике Беларусь, которые не позволяют эффективно управлять финансовым риском. Для устранения выявленных недостатков научно обоснованы ответы на ряд проблемных вопросов и разработана концептуальная модель управления финансовым риском холдинга. В рамках разработанной концептуальной модели детально описаны содержание и взаимосвязь основных этапов управления финансовым риском холдинга.

Введение

В 2013 г. нами был реализован исследовательский проект для определения финансовых особенностей холдингов в Республике Беларусь. Проект был выполнен под научным руководством кандидата экономических наук Л.М. Кравец. В нем участвовали 25 из 52 холдингов, зарегистрированных на тот момент в Республике Беларусь. Результаты проекта показали, что финансовый менеджмент национальных холдингов имеет ряд недостатков, которые не позволяют эффективно управлять финансовым риском [1].

Первым таким недостатком является ориентация финансовых менеджеров холдингов в основном на максимизацию чистой прибыли. Это как минимум не позволяет учесть последствия реализации ценового риска в форме переоценки стоимости основных средств. Вторым недостатком состоит в том, что финансовые менеджеры не управляют финансовым риском холдинга на регулярной и системной основе. Третий недостаток выражается в том, что финансовые менеджеры в качестве объекта управления не рассматривают отдельно и на регулярной основе открытые валютные, процентные, ценовые, кредитные позиции и позиции по ликвидности. Четвертый недостаток заключается в том, что финансовые менеджеры не могут максимально эффективно управлять финансовым риском, т.к. не учитывают особенностей финансовых отношений холдинга.

Для преодоления названных недостатков необходимо разработать концептуальную модель управления финансовым риском холдинга.

Проблемные вопросы, возникающие при разработке концептуальной модели управления финансовым риском холдинга

Перед разработкой концептуальной модели управления финансовым риском холдинга необходимо научно обосновать ответы на ряд проблемных вопросов.

Первый проблемный вопрос связан с выбором метода оценки стоимости холдинга, иными словами, метода оценки реальной величины собственного капитала холдинга. На сегодняшний день оценка стоимости компаний в Республике Беларусь регламентирована Государственным стандартом СТБ 52.1.01-2011 «Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости предприятий (бизнеса)» [2]. Руководствуясь этим документом, субъект при оценке стоимости холдинга вправе использовать как рыночные методы (доходный, сравнительный или затратный), так и метод балансового накопления активов.

Сравнительный анализ показал, что каждый из разрешенных законодательством методов оценки распространен в мировой практике, однако приводит, как правило, к различным результатам и имеет свою область применения (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика методов, применяемых для оценки стоимости холдинга

Критерий сравнения	Характеристика метода			
	Рыночный			Балансовое накопление активов
	Доходный	Сравнительный	Затратный	
Содержание	Стоимость холдинга – это сумма текущих значений его будущих доходов.	Стоимость холдинга соответствует рыночной цене холдинга-аналога.	Стоимость холдинга равна стоимости воспроизводства его точной копии как имущественного комплекса.	
Преимущества	Учет перспектив развития холдинга.	Использование реальных рыночных цен на холдинги-аналоги.	Использование бухгалтерских данных о реальных активах и обязательствах холдинга.	
Недостатки	1. Сложность долгосрочного прогноза. 2. Сложность расчета ставки капитализации. 3. Применение условных допущений.	1. Использование ретроспективной информации. 2. Трудоемкость сбора данных о холдингах-аналогах. 3. Применение корректировок, т.к. невозможно существование идентичных холдингов.	1. Использование ретроспективной информации. 2. Определение нижней границы стоимости холдинга. 3. Трудоемкость переоценки активов до рыночной стоимости.	1. Использование ретроспективной информации. 2. Определение нижней границы стоимости холдинга. 3. Отсутствие переоценки активов до рыночной стоимости.
Условия применения	Холдинг действует в информационной сфере, используя новые технологии или особые каналы сбыта товаров.	Холдинг создан давно, и его акции котируются на бирже; имеется информация о рыночных ценах холдингов-аналогов.	Холдинг недавно создан или отсутствует информация о рыночных ценах холдингов-аналогов; холдинг обладает достаточной гибкостью для расширения и диверсификации бизнеса; холдинг имеет значительные материальные активы.	
Методы расчета внутри метода оценки	1. Капитализация по норме отдачи. 2. Прямая капитализация.	1. Метод рынков капитала. 2. Метод сделок. 3. Метод мультипликаторов.	1. Накопление активов. 2. Скорректированная балансовая стоимость. 3. Ликвидационная стоимость.	–

Источник: разработка автора на основе [2–5].

Из данных таблицы 1 видно, что использование доходного метода позиционирует холдинг не просто как набор активов, а как поток будущих доходов [5, с. 93]. Содержание сравнительного метода состоит в расчете стоимости холдинга на основе рыночной цены холдинга-аналога. В основе затратного метода и метода балансового накопления активов лежит фундаментальный бухгалтерский принцип, согласно которому стоимость холдинга равна суммарной стоимости его активов за вычетом обязательств [3, с. 183].

Осуществляя выбор в пользу того или иного метода оценки стоимости холдинга (в контексте разработки концептуальной модели управления финансовым риском), необходимо сделать следующие замечания:

1) долгосрочное прогнозирование будущих доходов холдинга в рамках доходного метода в современных экономических условиях труднореализуемо;

2) использование сравнительного метода даст достаточно условный результат, если принять во внимание отсутствие активного национального рынка купли-продажи действующего бизнеса;

3) затратный метод и метод балансового накопления активов в отличие от других основываются, главным образом, на бухгалтерских данных о реально существующих активах и обязательствах холдинга [3, с. 183];

4) применение затратного метода и метода балансового накопления активов наиболее оправдано в отношении промышленных холдингов, которые обладают значительными материальными активами;

5) метод балансового накопления активов позволит лучше других оценить влияние финансового риска на стоимость холдинга, т.к. его логика заключается в соотношении стоимости активов и обязательств, многие из которых являются условием возникновения финансового риска.

Поэтому считаем, что для наиболее корректной оценки влияния финансового риска необходимо оценивать стоимость холдинга с помощью метода балансового накопления активов. Этот метод не предполагает промежуточной переоценки активов холдинга, а значит, лучше остальных подходит для регулярной экспресс-оценки стоимости холдинга в целях реализации управленческих решений.

Обоснованный нами вывод правомерен в контексте использования национальным законодателем стоимости чистых активов (т.е. результата применения метода балансового накопления активов) в качестве официальной меры стоимости компании [6]. В постановлении Совета Министров Республики Беларусь № 950 от 27.06.2008 г. предусматривается обязательность уменьшения величины уставного фонда компании, если его зарегистрированная величина будет выше стоимости чистых активов на 1 января каждого календарного года. Уменьшение величины уставного фонда до уровня, который ниже установленного законодательством минимума, предполагает ликвидацию компании [7]. Поэтому, по нашему мнению, финансовым менеджерам следует регулярно оценивать стоимость холдинга (стоимость компаний-участников холдинга) с помощью метода балансового накопления активов, даже если параллельно применяются другие методы расчета.

Второй проблемный вопрос состоит в обосновании двойственности характера финансовых последствий финансового риска. Мы считаем, что как отрицательные, так и положительные изменения стоимости активов и обязательств холдинга составляют сущность финансового риска.

Так, на первый взгляд может показаться положительным результатом прирост стоимости холдинга в результате реализации спекулятивных видов финансового риска. Однако, во-первых, как отмечают американские классики финансового менеджмента Ю. Бригхэм и М. Эрхардт, инвесторы обычно не склонны к риску, поэтому при прочих равных условиях приобретают акции с более прогнозируемыми и устойчивыми денежными потоками [8, с. 38]. Во-вторых, главная цель деятельности холдинга состоит в долгосрочном устойчивом приросте стоимости, а не в краткосрочных приростах стоимости за счет спекулятивных факторов. В-третьих, как справедливо отмечают авторы энциклопедии финансового риск-менеджмента А.А. Лобанов и А.В. Чугунов, ориентация при прогнозировании риска только на вероятностные потери «противоречит концеп-

ции, объединяющей в понятии риска возможность не только отрицательных, но и положительных исходов» [9, с. 330].

Третий проблемный вопрос состоит в обосновании возможности получения синергического эффекта в сфере финансового риска. Мы считаем, что особенности внешних финансовых отношений холдинга при определенных условиях позволяют количественно снизить финансовый риск. Это становится возможным за счет регулирования условий финансового риска, за счет использования недоступных индивидуальным компаниям инструментов распределения рисков, за счет покрытия временного дефицита ликвидности участников в результате перераспределения денежных средств внутри холдинга [1].

Характеристика модели управления финансовым риском холдинга

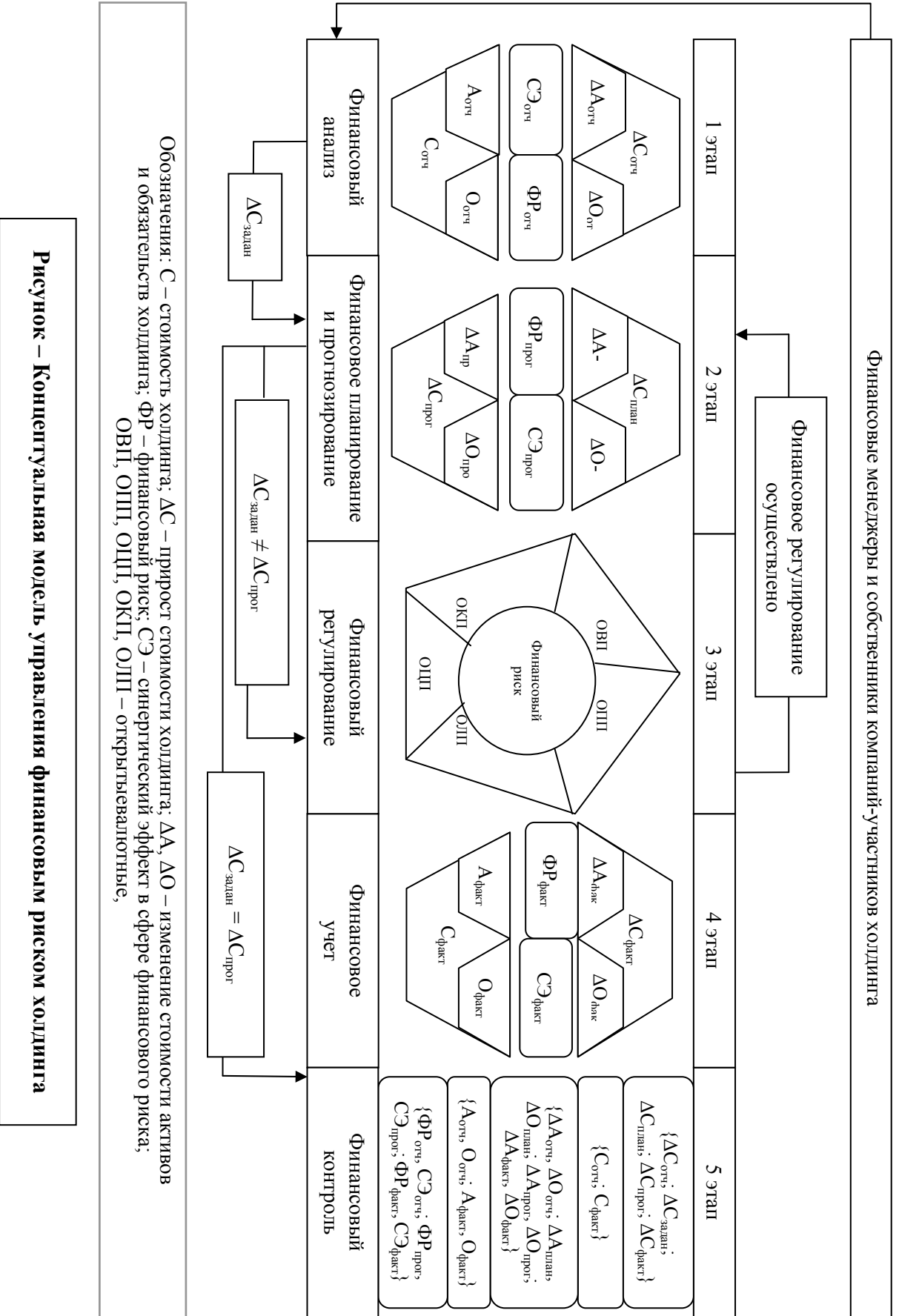
Концептуальную модель управления финансовым риском холдинга графически представим на рисунке. Из него видно, что управляющее воздействие в концептуальной модели осуществляют финансовые менеджеры и собственники компаний-участников холдинга (субъект модели). Главная цель модели состоит в управлении финансовым риском для обеспечения заданной величины прироста стоимости холдинга. Количественным показателем главной цели в модели является прирост стоимости холдинга с учетом финансового риска и синергического эффекта в сфере финансового риска. Объектом в разработанной модели является финансовый риск холдинга. Количественным показателем объекта в модели выступает величина активов и обязательств холдинга, формирующих открытые валютные, процентные, ценовые, кредитные и позиции по ликвидности. Субъект осуществляет воздействие на объект в модели с помощью финансового механизма. При этом в финансовом механизме наибольший интерес представляют финансовые методы: их содержание и соответствие этапам управления.

На первом этапе субъект осуществляет финансовый анализ, в ходе которого исследует фактические данные о приросте стоимости холдинга ($\Delta C_{отч}$), финансовом риске ($\Phi P_{отч}$) и синергическом эффекте в сфере финансового риска ($CЭ_{отч}$) за прошедшие периоды. При этом субъект оценивает стоимость холдинга на конец отчетного периода ($C_{отч}$) с помощью метода балансового накопления активов.

В ходе финансового анализа субъект также исследует особенности финансовых отношений данного холдинга, выявляет виды реализованного в прошедших периодах финансового риска, рассчитывает открытые позиции по финансовому риску на конец отчетного периода. Завершается финансовый анализ установкой заданного значения прироста стоимости холдинга в будущем периоде ($\Delta C_{задан}$).

На втором этапе субъект осуществляет первичное планирование изменения стоимости активов и обязательств холдинга без учета влияния финансового риска ($\Delta A_{план}$, $\Delta O_{план}$) и синергического эффекта в сфере финансового риска. Это достигается за счет использования при планировании валютных курсов и процентных ставок отчетного периода, а также нивелирования влияния случайных событий ценового, кредитного и риска ликвидности. Результатом первичного планирования становится расчет открытых позиций по риску и оценка прироста стоимости холдинга в будущем периоде без учета финансового риска ($\Delta C_{план}$).

Далее на втором этапе осуществляется первичное прогнозирование финансового риска ($\Phi P_{прог}$) с помощью экспертных, статистических и других методик. При этом используются сценарии изменения валютных курсов, процентных ставок и других случайных событий финансового риска. Кроме того, прогнозируется синергический эффект холдинга ($CЭ_{прог}$) в сфере финансового риска. После этого субъект составляет прогнозы изменения стоимости активов и обязательств холдинга с учетом финансового риска и синергического эффекта в сфере финансового риска ($\Delta A_{прог}$, $\Delta O_{прог}$). Завершается

второй этап сложением прогнозной величины финансового риска и плановой оценки прироста стоимости холдинга в будущем периоде. На этой основе рассчитывается прогнозный прирост стоимости холдинга ($\Delta C_{\text{прог}}$). Если заданный на первом этапе прирост стоимости холдинга не обеспечивается при прогнозном значении финансового риска (т.е. $\Delta C_{\text{задан}} \neq \Delta C_{\text{прог}}$), то субъект переходит к третьему этапу, если заданный прирост обеспечивается, тогда к четвертому этапу.

На третьем этапе субъект осуществляет финансовое регулирование, которое состоит в оперативном воздействии на объект модели: активы и обязательства холдинга, формирующие открытые валютные (ОВП), процентные (ОПП), ценовые (ОЦП), кредитные (ОКП) и позиции ликвидности (ОЛП). Для финансового регулирования могут использоваться различные приемы: установка валютных оговорок в контрактах при продаже продукции, выбор процентной ставки при получении иностранного кредита и т.д. Допустим, субъект на основе финансового планирования определил, что холдинг будет иметь отрицательную валютную позицию в долларах и положительную в евро. В этом случае простейшим приемом регулирования финансового риска будет осуществление закупок сырья и материалов в евро, а продаж продукции – в долларах. В итоге у холдинга уменьшится открытая валютная позиция в долларах и в евро, что приведет к снижению валютного, а следовательно, и финансового риска. Аналогичным образом субъект осуществляет регулирование открытой процентной позиции при выборе разнородных процентных ставок по кредитам и депозитам. Более сложное и результативное регулирование финансового риска осуществляется с помощью различных инструментов: страхования, факторинга, хеджирования, секьюритизации активов, лизинга.

Логическим завершением финансового регулирования является возврат субъекта ко второму этапу. Здесь осуществляется вторичное планирование изменения стоимости активов и обязательств холдинга без учета влияния финансового риска, а также вторичное прогнозирование финансового риска. Если заданный на первом этапе прирост стоимости холдинга обеспечивается при новом прогнозном значении финансового риска ($\Delta C_{\text{задан}} = \Delta C_{\text{прог}}$), то субъект переходит к четвертому этапу.

На четвертом этапе осуществляется финансовый учет. При этом субъект регистрирует в учетных документах фактическое значение финансового риска холдинга ($\Phi R_{\text{факт}}$), синергического эффекта в сфере финансового риска ($CЭ_{\text{факт}}$), прироста активов и обязательств с учетом финансового риска и синергического эффекта в сфере финансового риска ($\Delta A_{\text{факт}}$, $\Delta O_{\text{факт}}$). На основе этих данных субъект оценивает фактический прирост стоимости холдинга за период ($\Delta C_{\text{факт}}$) и фактическую стоимость холдинга с учетом финансового риска и синергического эффекта в сфере финансового риска ($C_{\text{факт}}$).

На пятом этапе субъект осуществляет финансовый контроль данных финансового учета на предмет их соответствия плановым и прогнозным данным, а также данным прошлых периодов. Далее оценивается точность прогнозирования и результативность регулирования финансового риска. После завершения пятого этапа субъект переходит к осуществлению очередного цикла управления.

Заключение

Использование холдингами в Республике Беларусь разработанной концептуальной модели управления финансовым риском позволит преодолеть выявленные ранее недостатки финансового менеджмента. Это будет обеспечено за счет того, что разработанная концептуальная модель:

1) ориентирует субъекта на управление финансовым риском при заданном уровне прироста стоимости холдинга (т.е. в контексте достижения более глобальных, чем максимизация прибыли, целей);

2) позволяет субъекту управлять финансовым риском холдинга на регулярной и системной основе;

3) позиционирует в качестве количественного показателя объекта различные активы и обязательства холдинга, формирующие открытые валютные, процентные, ценовые, кредитные и позиции по ликвидности;

4) учитывает особенности финансовых отношений холдинга и возможность получения синергического эффекта в сфере финансового риска.

Дальнейшее развитие концептуальной модели управления финансовым риском холдинга мы видим в совершенствовании методического инструментария, применяемого на каждом этапе управления, в первую очередь на этапах финансового планирования и прогнозирования и финансового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворожун, А.С. Финансовый риск в системе финансового менеджмента холдинга : монография / А.С. Ворожун. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2013. – 240 с.

2. Государственные стандарты Республики Беларусь по оценке стоимости гражданских прав // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.gki.gov.by/info-center/tkp/stb/>. – Дата доступа : 10.11.2013.

3. Рош, Дж. Стоимость компании: от желаемого к действительному / Дж. Рош ; пер. с англ. под ред. Е.И. Недбальской. – Минск : Гревцов Паблицер, 2008. – 352 с.

4. Симионова, Н.Е. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / Н.Е. Симионова, Р.Ю. Симионов. – М. : МарТ, 2004. – 464 с.

5. Щербаков, В.А. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / В.А. Щербаков, Н.А. Щербакова. – М. : Омега-Л, 2009. – 299 с.

6. Инструкция о порядке расчета стоимости чистых активов : утв. М-вом финансов Респ. Беларусь, 11 июня 2012, № 35 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – 8/26095.

7. О некоторых вопросах определения стоимости чистых активов : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 июня 2008 г. № 950 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 160. – 5/27939.

8. Бригхэм, Ю. Финансовый менеджмент / Ю. Бригхэм, М. Эрхардт ; пер. с англ. под ред. Е.А. Дорофеева. – СПб. : Питер, 2007. – 960 с.

9. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / А.А. Лобанов [и др.] ; под общ. ред. А.А. Лобанова и А.В. Чугунова. – М. : Альпина Паблицер, 2003. – 786 с.

Vorozhun A.S. The Conceptual Model of Management of the Financial Risk of Holding

The defects of financial management of holding in the Republic of Belarus, that does not allow managing a financial risk effectively, are defined in the article. For the removal of the educed defects the author grounded answers for the row of problem questions and worked out the conceptual model of management of the financial risk of holding. Maintenance and intercommunication of the basic stages of management of the financial risk of holding (within the framework of conceptual model) are described.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.06.2014

УДК 339.976.2

*М.М. Шупенько***МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье сделан анализ динамики развития внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь и ее регионов за 2008–2013 гг. на основе статистических данных по численности населения, потокам экспорта, импорта, иностранных инвестиций, выявлены положительные и отрицательные тенденции во внешней торговой политике республики, поступлении иностранных инвестиций в экономику. Приведена авторская методика сравнения инвестиционной привлекательности регионов Республики Беларусь, позволяющая оценить возможности региона для привлечения иностранных инвестиций, выявить наиболее привлекательные регионы с точки зрения инвестиционного потенциала, а также отстающие регионы. Методика может быть использована иностранными партнерами при выборе объектов инвестирования, анализе экономического климата, а также органами власти для принятия соответствующих решений.

Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях рыночной экономики демонстрировала стабильный рост с 2008 г. до снижения в 2013 г. (таблица 1). Беларусь активно взаимодействует с мировыми экономиками, активно интегрируя в мирохозяйственные связи. Только в 2013 г. отмечается падение объемов внешней торговли Беларуси, что было обусловлено снижением объемов поставок нефтепродуктов, в том числе ликвидацией «растворительно-разбавительной» схемы, по которой происходил экспорт нефтепродуктов в ЕС без оплаты экспортных пошлин в российский бюджет. Падение есть и по торговле определенными товарами, а именно калийным удобрениям, экспорт которых снизился не только в количественном отношении, но и в стоимостном (–6,3% по количеству, –22,5% по стоимости); по автомобилям грузовым (–27,8% по количеству, –31,2% по стоимости); по тракторам и седельным тягачам (–18% по количеству, –25,2% по стоимости); по полуфабрикатам из нелегированной стали (–46% по количеству, –51% по стоимости). Основной проблемой остается отрицательное сальдо во внешней торговле; лишь в 2012-м г. на фоне успехов «растворительного» экспорта и более благоприятной калийной конъюнктуры сальдо было рекордно отрицательным –344 млн долл. США.

Таблица 1 – Внешняя торговля в Республике Беларусь 2008–2013 гг., млн долл. США (в текущих ценах) [1, с. 16; 2, с. 10–25]

Показатели	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Объем внешней торговли (всего)	71 952	49 873	60 168	87 178	92 464	80 230,9
Экспорт	32 571	21 304	25 284	41 419	46 060	37 232,3
Импорт	39 381	28 569	34 884	45 759	46 404	42 998,6
Сальдо	–6 810	–7 265	–9 600	–4 340	–344	–5 766,3

Каждый регион, имея свою специфику, играет значительную роль в развитии внешнеэкономической деятельности. Например, общереспубликанское падение объема внешнеторгового оборота не затронуло Брестскую и Гродненскую области, где наиболее весомую долю в экспорте занимают предприятия легкой промышленности, деревообработки, мебельной и пищевой промышленности, а также Минскую область, которая хотя и имеет высокий удельный вес продукции машиностроения, но и не уступает по легкой промышленности, занимая первое место в стране по производству продукции пищевой, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности. В объеме экспорта на передовых

позициях оказались Брестская, Гродненская и Могилевская области. Например, в Могилевской области увеличению экспорта способствовали два крупнейших химических предприятия: ОАО «Могилевхимволокно» и ОАО «Белшина» (таблицы 2, 3).

Таблица 2 – Внешнеторговый оборот регионов в 2008–2013 гг., млн долл. США [1, с. 81; 2, с. 38–48; 3, с. 11; 4, с. 28–40]

Область	Год						Балл
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Брестская	3 315,6	2 516,7	3 202,1	3 900	4 319,4	4 864,6	3
Витебская	7 118,6	4 321,4	5 240,4	7 074,1	9 436	6 479,2	4
Гомельская	11 582,3	6 030,6	6 458,2	10 453,2	10 348,4	9 656,9	5
Гродненская	3 073,1	2 403,9	2 972,2	3 794,7	3 803,7	3 986,6	1
Минская	10 473	5 767	7 404	10 374,6	12 427,9	12 762,3	6
Могилевская	3 347,9	2 311,7	3 237,1	4 346,3	4 575,1	4 309,2	2
г. Минск	29 344,2	23 064,2	25 537,8	35 565,9	38 778,2	32 415,2	7

Таблица 3 – Экспорт регионов в 2008–2013 гг., млн долл. США [1, с. 81; 2, с. 38–48; 3, с. 64–65; 4, с. 28–40]

Область	Год						Балл
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Брестская	1 639,8	1 229,5	1 587,1	1 956,5	2 196,1	2 526,8	4
Витебская	3 556,5	1 263,4	1 703,6	2 511,4	3 732,2	2 159,3	1
Гомельская	7 224,8	2 927,4	2 677,6	4 799,5	5 057,1	4 918,7	5
Гродненская	1 564	1 253,1	1 628,8	2 113,3	2 077,8	2 361,2	2
Минская	6 411,6	3 315,2	4 578,3	6 611,9	7 442,4	7 045,7	6
Могилевская	1 769,7	1 221,1	1 683,4	2 124,3	2 444,4	2 468,7	3
г. Минск	1 0348	10 076,3	10 934,2	18 407,2	20 038,5	14 669,9	7

Импорт регионов едва поддается сдерживанию. Регионами с наименьшим объемом импорта являются Гродненская область и г. Минск с ростом в 2011–2012 гг. и Могилевская область, где пик импорта пришелся на 2011 г. (таблица 4). Положительное сальдо внешней торговли за 6 лет только в Гродненской и Минской областях. В Могилевской области отрицательное сальдо оказался только 2011 г. (–97,7 млн долл. США).

Таблица 4 – Импорт регионов в 2008–2013 гг., млн долл. США [1, с. 81; 2, с. 38–48; 3, с. 64–65; 4, с. 28–40]

Область	Год						Балл
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Брестская	1 675,8	1 287,2	1 615	1 943,5	2 123,3	2 337,8	5
Витебская	3 562,1	3 058	3 536,8	4 562,7	5 703,8	4 319,9	4
Гомельская	4 357,5	3 103,2	3 780,6	5 653,7	5 291,3	4 738,2	3
Гродненская	1 509,1	1 150,8	1 343,4	1 681,4	1 725,9	1 625,4	7
Минская	4 061,4	2 451,8	2 825,7	3 762,7	4 985,5	5 716,6	2
Могилевская	1 578,2	1 090,6	1 553,7	2 222	2 130,7	1 840,5	6
г. Минск	18 996,2	12 987,9	14 603,6	17 158,7	18 739,7	17 745,3	1

Общая тенденция на увеличение объема иностранных инвестиций в белорусскую экономику была нарушена в 2012 г. со спадом ВВП (рисунок) [5, с. 93–103; 6, с. 8; 7, с. 8; 8, с. 4–5; 9, с. 6; 10, с. 5]. Национальному статистическому комитету Республики Беларусь пришлось осуществить вторую оценку ВВП за 2012 г. тремя методами (производственным методом, по источникам доходов и методом использования доходов), в соответствии с которой объем ВВП в 2012 г. составил в текущих ценах 530,4 трлн руб. и увеличился по сравнению с 2011 г. в сопоставимых ценах на 1,7% (прогноз 5–5,5%). В такой ситуации очевидно сокращение инвестиций, которое было частично преодолено благодаря требованиям Президента увеличить финансирование государственных программ вопреки предостережениям МВФ и Евразийского банка развития не увеличивать государственные расходы.

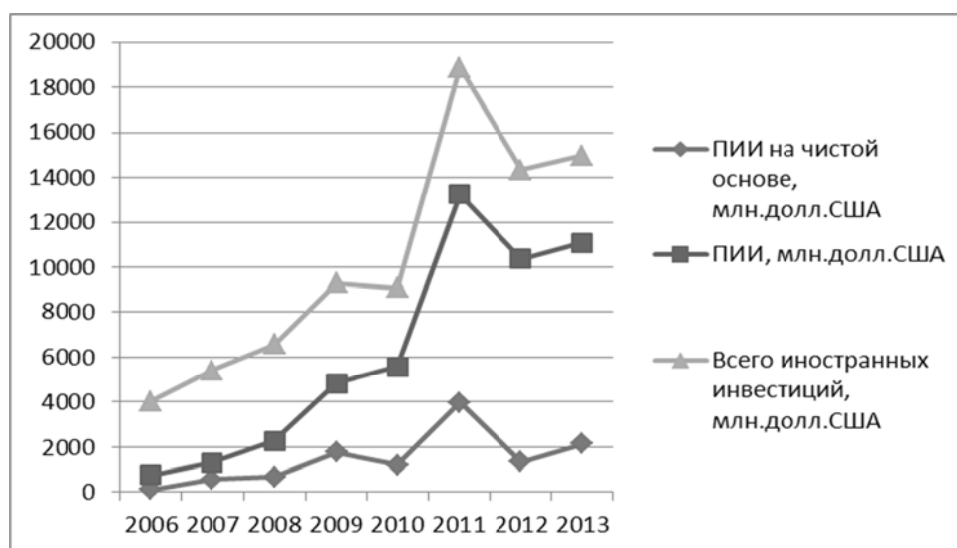

Рисунок – Динамика иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь в 2006–2013 гг., млн долл. США

Из таблицы 5 видим сокращение в 2012 г. по сравнению с 2011 г. иностранных инвестиций на треть. В 2012 г. лишь Гродненской области удалось увеличить объем инвестиций. В 2013 г. ситуация улучшается: приток инвестиций в среднем по республике растет на 4,5%, однако общая тенденция на улучшение не затрагивает Гродненскую область, где в замедленном действии проявилось общереспубликанское снижение 2012 г., и Минскую область, где продолжается снижение. Наибольший вклад в объем иностранных инвестиций по республике вносят г. Минск, Гомельская и Минская области.

Таблица 5 – Иностранные инвестиции в экономику регионов в 2008–2013 гг., млн долл. США (% от РБ) [6, с. 1726; 7, с. 20–24; 8, с. 4–5; 9, с. 20; 10, с. 5]

Область	Год						Балл
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Брестская	193,7 (3)	93,3 (1)	152,6 (1,7)	215,1 (1,1)	194,5 (1,4)	224,4 (1,5)	1
Витебская	944,8 (14,5)	1 221,5 (13,1)	862,1 (9,5)	688,96 (3,6)	509,1 (3,6)	741,1 (4,9)	4
Гомельская	990,7 (15,2)	1 192,01 (12,8)	737,3 (8,1)	1 313,5 (7)	791,4 (5,5)	1 214,4 (8,1)	6
Гродненская	85,5 (1,3)	56,6 (0,6)	55,2 (0,6)	129,1 (0,7)	377,8 (2,6)	319,8 (2,1)	2

Продолжение таблицы 5

г. Минск	2 788 (42,7)	6 141,6 (66)	6 978,4 (76,8)	14 389,9 (76,2)	10 512,2 (73,4)	1 1102,3 (74,1)	7
Минская	1 372,3 (21)	479,4 (5,2)	196,1 (2,2)	1 841,4 (9,8)	1 666,3 (11,6)	1 014,4 (6,8)	5
Могилевская	150,8 (2,3)	119,4 (1,3)	103,6 (1,1)	300,6 (1,6)	278,5 (1,9)	357,9 (2,4)	3
РБ	6 525,9	9 303,7	9 085,5	18 878,6	14 329,8	14 974,3	

Данная методика сравнения инвестиционной привлекательности регионов Республики Беларусь заключается в использовании важнейших индикаторов внешнеэкономической деятельности, а именно объемов внешней торговли и иностранных инвестиций, в том числе в расчете на один миллион человек населения. Место региона по каждому показателю упрощенно оценивается по семибалльной шкале (по числу регионов, включая город Минск). Наивысшее место (ранг) по инвестиционной привлекательности присваивается региону, имеющему наибольшее суммарное количество баллов по каждому из индикаторов. В таблице 6 приведены данные для сравнения регионов по объему внешней торговли на 1 млн человек. Лидером является г. Минск, превышая средний показатель по республике, за ним следуют Минская и Гомельская области.

Таблица 6 – Внешняя торговля регионов в 2008–2013 гг. на 1 млн человек, млн долл. США [2, с. 38–48; 11, с. 97–118; 12, с. 28–30]

Область	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Брестская	2,4	1,8	2,3	2,8	3,1	3,5
Витебская	5,7	3,5	4,3	5,8	7,8	5,4
Гомельская	8,0	4,2	4,5	7,3	7,2	6,8
Гродненская	2,8	2,2	2,8	3,6	3,6	3,8
Минская	7,3	4,0	5,2	7,4	8,9	9,1
Могилевская	3,0	2,1	3,0	4,0	4,2	4,0
г. Минск	16,3	12,6	13,8	19,0	20,5	17,0
РБ	7,6	5,2	6,3	9,2	9,8	8,5

В таблице 7 объединены данные о внешнеторговом обороте, экспорте и импорте (в расчете на 1 млн чел.) и сальдо, распределив баллы от 7 до 1 по значимости показателей.

Таблица 7 – Внешняя торговля РБ и регионов в 2013 г., млн долл. США

Область	Внешнеторг. оборот	На 1 млн чел.	Балл	Экспорт	На 1 млн чел.	Балл	Импорт	На 1 млн чел.	Балл	Сальдо	Балл
Витебская	6 479,2	5,4	4	2 159,3	1,8	2	4 319,9	3,6	4	-2 160,6	2
Гомельская	9 656,9	6,8	5	4 918,7	3,4	5	4 738,2	3,3	5	180,5	3
Гродненская	3 986,6	3,8	2	2 361,2	2,2	3	1 625,4	1,5	7	735,8	6
Минская	12 762,3	9,1	6	7 045,7	5,0	6	5 716,6	4,1	3	1 329,1	7
Могилевская	4 309,2	4,0	3	2 468,7	2,3	4	1 840,5	1,7	6	628,2	5
г. Минск	32 415,2	17,0	7	14 669,9	7,7	7	17 745,3	9,3	2	-3 075,4	1
РБ	80 230,9	8,5		37 232,3	3,9		42 998,6	4,5		-5 766,3	

При сопоставлении объема иностранных инвестиций на 1 млн человек в 2013 г., поступивших в региональную экономику, очевидным лидером выходит г. Минск со значением 5,8, за которым следует Гомельская область (0,9) (Минск и Гомельская область – лидеры по численности населения: 1 911,4 млн и 1 426,6 млн соответственно. Коэффициент корреляции (0,96) объема внешней торговли и количества населения взаимосвязаны, что свидетельствует о высоком человеческом потенциале указанных регионов (таблица 8).

Таблица 8 – Иностранные инвестиции в экономику регионов в 2013 г. на 1 млн чел., млн. долл. США

Область	Всего	На 1 млн чел.	Балл
Брестская	224,4	0,2	2
Витебская	741,1	0,6	5
Гомельская	1 214,4	0,9	7
Гродненская	319,8	0,3	3
Минская	1 014,4	0,7	6
Могилевская	357,9	0,3	3
г. Минск	1 1102,3	5,8	4
РБ	14 974,3	1,6	

Все рассмотренные показатели мы объединили в таблицу для расчета ранга региона. Суммируя количество баллов по каждому показателю (для примера использованы данные за 2013 г.), получаем ранги (места) регионов Республики Беларусь по инвестиционной привлекательности (таблица 9).

Таблица 9 – Ранг инвестиционного потенциала регионов РБ в 2013 г.

Область	Балл								Итого
	Внешнеторг. оборот	Экспорт	Импорт	Иностран. инвестиции	Внешнеторг. оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо	
Брестская	3	4	5	1	1	2	6	4	26
Витебская	4	1	4	4	4	2	4	2	25
Гомельская	5	5	3	6	5	5	5	3	37
Гродненская	1	2	7	2	2	3	7	6	30
Минская	6	6	2	7	6	6	3	7	43
Могилевская	2	3	6	5	3	4	6	5	34
г. Минск	7	7	1	3	7	7	2	1	35

Первое место занимает Минская область, второе – Гомельская область, третье – г. Минск. Эти регионы динамично развиваются, быстро адаптируются к изменяющимся условиям конкурентной среды, сохраняя ведущие позиции в промышленности, реализации инвестиционных проектов, развитии научно-технического потенциала. Меньшее количество набрала Витебская область, где неэффективное отвлечение оборотных средств негативно сказывается на финансовом состоянии предприятий, решающих проблему увеличения складских запасов. Для улучшения сложившейся ситуации, стимулирования спроса на внутреннем и внешнем рынках, улучшения качества необходимы новые инновационные подходы в организации работы. Приведенная методика расчета инвестиционной привлекательности при необходимости может быть усложнена путем увеличения количества показателей, а также продолжительности исследуемого временного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновский, В.И. Беларусь в цифрах, 2010 : стат. справочник / В.И. Зиновский [и др.]. – Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – С. 16, 81.
2. Внешняя торговля товарами по республике, областям и г. Минску, органам государственного управления (краткие итоги) в январе–декабре 2013 г. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – С. 10–25, 38–48.
3. Зиновский, В.И. Беларусь в цифрах, 2014 : стат. справочник / И.В. Зиновский [и др.]. – Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – С. 11, 64–65, 69–70.
4. Кангро, И.С. Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. / И.С. Кангро [и др.] / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – С. 28–40.
5. Зиновский, В.И. Инвестиции и строительство в Республике Беларусь : стат. сб. / И.В. Зиновский [и др.]. – Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 93–103.
6. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции Республики Беларусь за рубеж за 2013 г. : бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – С. 8, 17–26.
7. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции Республики Беларусь за рубеж за 2012 г. : бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 8, 20–24.
8. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции Республики Беларусь за рубеж за 2011 г. : бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – С. 4–5.
9. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции Республики Беларусь за рубеж за 2010 г. : бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – С. 6, 20.
10. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции Республики Беларусь за рубеж за 2009 г. : бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – С. 5.
11. Кухаревич, Е.И. Население Республики Беларусь : стат. сб. / Е.И. Кухаревич [и др.]. – Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – С. 97–118.
12. Зиновский, В.И. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сб. / И.В. Зиновский [и др.]. – Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 28–30.
13. Линецкий, А.Ф. Методика оценки инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации / А.Ф. Линецкий, А.И. Тарасов // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Экономика. – Вып.40. – 2013. – № 8 (299). – С. 65–70.
14. Информационно-дискуссионный портал: Нефтяной транзит – фактор выживаемости Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsland.com/news/detail/id/1191435/> – Дата доступа : 13.07.2014 г.

Shupenko M.M. Estimation Method of Investment Attractiveness of the Republic of Belarus

The article contains the dynamics analysis of the foreign economic activity of the Republic of Belarus and its regions in 2008–2013 basing on the statistical data of population size, foreign investment, export and import flows. It shows the positive and negative tendencies in foreign trade politics of the republic. The author offers the method of comparing the investment attractiveness of Belarusian regions in order to assess the regions possibilities to attract foreign investment, to reveal the most attractive regions from point of view of the investment potential, as well as to detect ineffective regions. The method can be used by foreign partners to select investment objects and by the authority to take appropriate decisions.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.09.2014.

УДК 338/124/4: 338.47

А.В. Черновалов, Ж.В. Черновалова

КРИЗИСНАЯ ЛОГИСТИКА

Рассматриваются вопросы реагирования логистической деятельности на возникающие в процессе общественного и природного развития кризисные ситуации. Описываются основные причины возникновения кризисов, взаимосвязь понятий «кризис» и «риск» в логистической управленческой работе. Установлены основные фазы логистической деятельности в условиях кризиса и определены этапы антикризисных управленческих действий, позволяющих вернуть кризисную ситуацию к первоначальному состоянию.

Введение

Ситуации, имеющие характеристики кризиса – экономического, политического, социального, экологического и природного – становятся для общества все более привычными, при этом появляется уверенность, что подобные явления с течением времени исчезнут с нашего поля зрения посредством антикризисных действий правительства и прочих организаций и все вернется к привычному порядку вещей. Начиная с первых десятилетий XIX в., а также и в бурлящем событиями XX ст. общество потеряло оптимистический способ мышления, как утверждают некоторые средства массовой информации, и перешло к пессимистическому пониманию происходящих событий и явлений. В результате сформировалось кризисное мышление, что, по мнению некоторых специалистов, и является причиной большинства кризисов, причем деятельность государственных организаций и частных фирм по устранению последствий кризисов считается недостаточной. Одной из таких недостаточно развитых сторон деятельности являются функционирующие в кризисных ситуациях цепи логистических поставок и уровень их развития. Статья посвящена описанию основ логистической деятельности в условиях кризиса.

Кризис и кризисная ситуация

Слово «кризис» происходит от греческого понятия *krino*, что означает ‘выбор, решение, борьба, происходящие на протяжении определенного времени’. «Кризис» в англоязычном толковании рассматривает такие параметры, как травмоопасность, а также субъективные последствия травмы, связанные с негативными переживаниями. Исходя из вышесказанного, кризис можно понимать как временной переход в состоянии объекта от изменений к лучшему или худшему и эмоциональное восприятие такого перехода. Дальнейшая история развития этого понятия связана с его широким распространением на различные научные направления. Так, например, в медицине кризис означают переломный для организма момент, из которого возможны только два исхода: либо больной выздоровеет, либо нет.

Наиболее глубоко и обстоятельно в экономике эту проблему исследовал К. Маркс. Он вскрыл причины кризисов и обосновал неизбежность их в условиях стихии и анархии производства. Известный экономист В. Леонтьев писал: «Теория делового цикла явно в долгу перед Марксовой политэкономией. Вряд ли было бы преувеличением сказать, что три тома “Капитала” в гораздо большей степени, чем какая бы то ни было другая работа, способствовали выдвиганию этой проблемы на передовые рубежи экономических дебатов» [1].

Принципиальным отличием точки зрения К. Маркса по данной проблеме является то, что причины цикличности капиталистического воспроизводства он видел в самой природе капитализма. Представители неоклассической и либеральной школ выдвигают различные причины экономических кризисов, не связывая их с капитализмом. Многие из них считают причиной кризисов недопотребление населения, вызывающее перепроиз-

водство¹. Лекарством от кризисов считалось стимулирование потребления. Но возникающий недостаток потребления (платежеспособности) является скорее следствием, чем причиной кризисов [2]. Более близки к марксистской позиции экономисты, считающие причиной кризисов диспропорциональность, или «неравновесие». Кризисы обусловлены отсутствием правильных пропорций между отраслями, стихийными действиями предпринимателей. Теория неравновесия сочетается с другим распространенным взглядом на кризисы как порождение внешних условий: политических, демографических, природных. Например, Ф. Фон Хайек – сторонник рыночной свободы и яростный противник государственного вмешательства – считал, что кризисы перепроизводства возникают из-за избыточного финансирования со стороны государства (дешевые кредиты, накачивание спроса) [3].

Существует и психологическая теория кризисов, вытекающая из англоязычного толкования понятия кризис. По мнению Й. Шумпетера, каждой фазе свойственна своя психологическая картина, формирующая отношение к инвестициям. Паника и разброд кризисного состояния ведут к застою капиталовложений, повышенное настроение в условиях подъема стимулирует горячку.

Понятие «кризис» теснейшим образом связано и с понятием «риск», которое в той или иной мере влияет на методологию разработки любого управленческого решения. Исключите из него ожидание кризиса – и пропадет острота восприятия риска, станут неожиданными и от этого еще более тяжелыми не только кризисные ситуации, но и вполне обычные ошибки (рисунок 1).

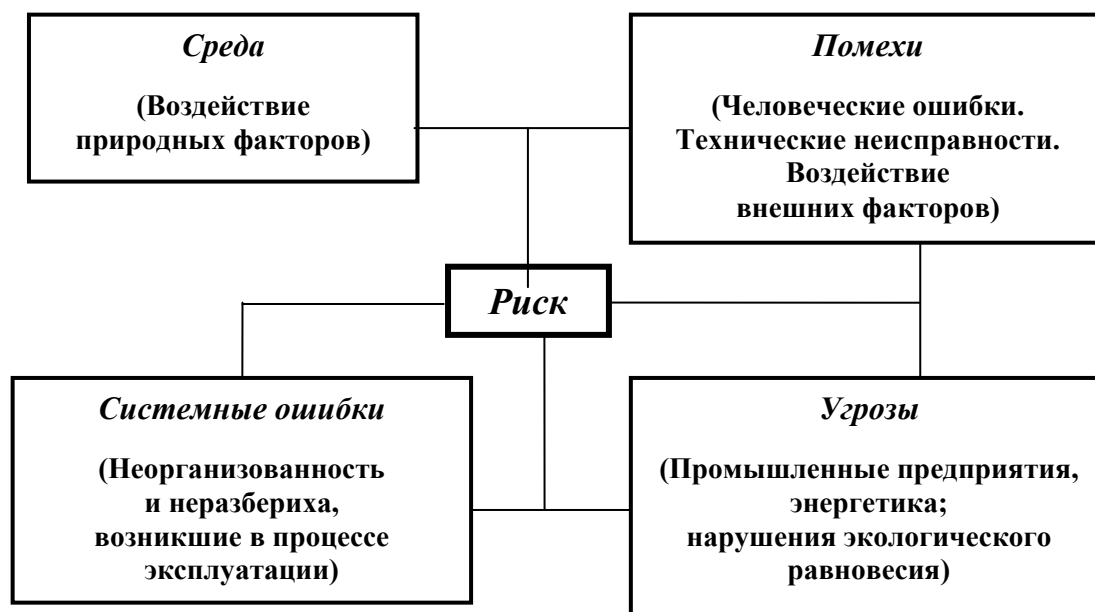

Рисунок 1. – Размещение понятия «риск» в системе потенциальных угроз

Причины кризиса, согласно Э. Короткову, могут быть различными [4, с. 17]. Они делятся на объективные, связанные с циклическими потребностями, и субъективные, отражающие ошибки и волюнтаризм в управлении, а также природные, характеризующие климатическими явлениями, землетрясениями и др. (рисунок 2).

¹ Последовательной представительницей теории недопотребления была Джоан Робинсон, лидер левого кейнсианства.

Рисунок 2. – Причины кризисов (согласно Э. Короткову)

Особенности логистического управления в кризисных ситуациях

В иерархической системе потребностей человека Маслоу безопасность является второй по важности потребностью, обеспечивающей его жизнедеятельность. С понятием «безопасность» связано другое понятие, являющееся его антонимом – «угроза». Человек, группа людей, государство или международная организация предпринимают попытки воздействовать на окружающую среду таким образом, чтобы снижать уровень угроз в целях повышения качественного состояния собственной безопасности. Существующие угрозы можно сгруппировать по нескольким критериям: время (мирное или военное); географическая распространенность (глобальные, международные, национальные, региональные); отношению к рассматриваемому объекту (эндогенные и экзогенные); сфера проявления (военные, политические, энергетические, экологические, информационные, общественные культурные, социальные, структурные и персональные).

В этой связи логистика, применяемая в условиях кризисных ситуаций, занимается не только выстраиванием цепей поставок для доставки необходимых продуктов и медикаментов пострадавшим в результате возникновения описанных выше угроз, но и обеспечением всем необходимым организаций, работающих над устранением последствий угроз, восстановлением критически важной социальной, транспортной, энергетической и другой инфраструктуры. В настоящее время среди большинства специалистов существует убежденность в наличии 4 основных фаз функционирования кризисной логистики.

1. Начальная фаза. Ее характеризует резкий рост и опережающее развитие основных составляющих элементов рассматриваемой угрозы. Характер такой угрозы может превышать потенциальные возможности существующего и подготовленного в данном регионе или государстве логистического обеспечения на время кризиса.

2. Фаза интеграции, во время которой происходит объединение всех доступных ресурсов и логистических возможностей, адекватных размаху и распространенности возникшей угрозы безопасности группы людей, государству или региону.

3. Фаза ликвидации последствий, в течение которой к антикризисной деятельности подключаются не только специальные службы и организации, но и частные и государственные фирмы (транспортные, медицинские, строительные, ремонтные, энергетические и прочие).

4. Фаза восстановления первоначального состояния. Она характеризуется процессами восстановления первоначальной инфраструктуры, разрушенной во время кризиса, началом деятельности служб социальной помощи и прочим.

Каждой из перечисленных фаз присущи специфические цепи поставок, процедуры функционирования и управления которыми описаны достаточно широко в специальной литературе. Вместе с тем следует учитывать, что основная цель функционирования кризисной логистики (в отличие от коммерческой логистики, нацеленной на получение прибыли) состоит в обеспечении условий жизнедеятельности всех пострадавших в результате возникших угроз и обеспечение их всей необходимой помощью. Исходя из практики деятельности кризисной логистики следует, что при подготовке и реализации таких цепей поставок следует придерживаться способов управления, характерных для четырех основных этапов антикризисной деятельности: 1) предупреждение кризиса, 2) подготовка к предотвращению кризиса, 3) мониторинг и 4) реагирование на все возникающие угрозы и посткризисное восстановление.

Экономической наукой к настоящему времени разработан целый ряд различных теорий, объясняющих причины кризисов и способы реагирования на их проявления. Отмеченные в данной статье особенности кризисной логистики имеют важное значение для реализации деятельности по предотвращению и регулированию кризисных ситуаций. Особое место в этом процессе принадлежит стратегии, предусматривающей: осознание надвигающейся нежелательной критической ситуации; выявление причин возникновения такой ситуации и ее составляющих; количественную и качественную оценку возможного ущерба и способов его возмещения; разработку тактики выхода из критических ситуаций. На практике такие стратегии разрабатываются чрезвычайно редко, что объясняется неподготовленностью руководителей и менеджеров к принятию обоснованных стратегических решений, отсутствием в хозяйствующих структурах технологических схем разработки, реализации и контроля стратегических планов, т.е. систем стратегического управления. Серьезной помехой при выработке антикризисных стратегий выступают, во-первых, устаревшее мышление, во-вторых, груз старых приоритетов и, в-третьих, старые страхи, провоцирующие оборонительную реакцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев, В. Экономические эссе / В. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1990. – 230 с.
2. Робинс, Дж. Теория несовершенной конкуренции / Дж. Робинс. – М. : Политиздат, 1986. – 450 с.
3. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. – М. : Экономика, 1992. – 360 с.
4. Антикризисное управление / Под ред. Э. Короткова, А. Беляева, А. Валовой. – М. : Инфра-М, 2000. – 432 с.
5. Черновалов, А.В. Логистика: современный практический опыт / А.В. Черновалов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2008. – 296 с.

Chernoalov A.V., Chernoalova Z.V. Crisis Logistic

This article discusses the logistic activity reaction to the process of social and natural development in crises moments. The main causes of the crisis, the dependence between concepts crisis and risk in the logistics management are described. The main phases of logistics activities in crisis period are identified and stages of crisis management that return a crisis situation to original state are defined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2014

УДК 005.336.4:378.095

Б.В. Салихов, И.С. Салихова

ИМПЕРАТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются теоретические проблемы интеллектуальной безопасности современного высшего учебного заведения, обосновывается положение о том, что глубинным основанием интеллектуальной безопасности вуза является система безопасности его интегрированного интеллектуального капитала (управленческого, научно-исследовательского, научно-образовательного). В рамках теории системной парадигмы выявляются и исследуются основные факторы современных угроз интеллектуальной безопасности университета; предлагаются исходные научно-практические императивы и соответствующие мероприятия по профилактике существующих и потенциальных соответствующих угроз в интересах обеспечения устойчивого развития и повышения уровня конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг.

Растущие потребности современного общества и его экономики в масштабных инновациях обязывают по-новому осмыслить роль и значение высших учебных заведений в создании релевантных образовательных услуг. При этом существует понятная каузальная положительная связь: потребности общества в инновациях детерминируют требования к качеству образовательных услуг, что, в свою очередь, непосредственно определяется качественными характеристиками вузовского интеллектуального капитала как интегрального фактора создания этих услуг.

Интеллектуальный капитал высшего учебного заведения представляет собой систему созидательных знаний и компетенций управленческих, научно-исследовательских и научно-педагогических кадров, обеспечивающих формирование и последующее воспроизводство соответствующих интеллектуальных активов (в форме различных объектов интеллектуальной собственности, деловой репутации вуза и др.), а также определенное разнообразие образовательных (научно-образовательных) услуг. Это означает, что решение задачи по обеспечению интеллектуальной безопасности вуза, по сути, сводится к обеспечению безопасности его интегрированного интеллектуального капитала (управленческого, научно-исследовательского, научно-преподавательского). Следовательно, интеллектуальную безопасность вуза можно определить как состояние защищенности его интегрированного интеллектуального капитала от действующих и потенциальных факторов угроз, что позволит обеспечить устойчивость развития и повышение уровня конкурентоспособности учебного заведения на рынке научно-образовательных продуктов. Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе выявления современных требований к научно-образовательным инновациям определить реальные и возможные угрозы интеллектуальной безопасности вуза, а также наметить общие направления деятельности субъектов управления по разработке механизма минимизации существующих и профилактике потенциальных угроз данной безопасности.

В современных условиях проблема обеспечения интеллектуальной безопасности становится все более актуальной, что объясняется следующими обстоятельствами. Первое – это растущая потребность общества и работодателей в многообразных профессиональных, а также диверсифицированных междисциплинарных знаниях и компетенциях выпускников вузов, что детерминируется релевантными потребностями в масштабных и непрерывных экономических и иных инновациях. Это означает, что современный вуз должен стать «гипермаркетом» новых когнитивных технологических форм и «супермаркетом» креативных технологий и обеспечивать расширенное воспроизводство высокоэффективных специалистов и «снабжать» их системой гуманистических смыслов творчески-трудовой деятельности.

Второе – это существенное возрастание роли и значения неявных знаний в современной экономике как закономерная реакция на становление «бизнеса со скоростью мысли». Это означает, что объективируются требования к знаниям выпускника, необходимым «здесь и сейчас», а также к креативным компетенциям, призванным обеспечить самостоятельное расширенное воспроизводство этих знаний, исходя из динамики соответствующего спроса на них. Сегодня все в большей мере требуется «экономика мысли», способная обеспечить воспроизводство таких знаний и компетенций, которые, минуя стадию формализации, сразу же будут объективироваться в конечных продуктах потребительского назначения [8]. Индивидуальные и агрегированные собственники интеллектуального капитала вуза должны формировать у студентов потребность в «непрерывном и опережающем образовании».

Третье – это императив наличия воспроизводственного качества у образовательных услуг и соответствующих знаний и компетенций выпускников, что систематизируется в «полноценное инновационное мышление». Сегодня мало формировать у субъектов обучения способность креативно мыслить; сегодня важно научить инновационному мышлению, ключевым свойством которого является доведение новейших идей и знаний до проектного и продуктового уровня [3]. Инновационное мышление означает потребность и умение выпускника организовать и всесторонне обеспечить воспроизводственный цикл инновации: от генерации идей до производства проекта с последующей его материализацией в конечное потребительское благо. Очевидно, что это также требует качественной перестройки действующей системы подготовки студентов путем придания научно-образовательной деятельности завершенных воспроизводственных форм.

Четвертое – это необходимость расширенного воспроизводства образовательных услуг «опережающего качества», что непосредственно связано со способностью собственников интеллектуального капитала непрерывно создавать и обновлять учебные дисциплины и модули «завтрашнего дня». В связи с этим, с одной стороны, существующие стандартные наборы учебных дисциплин, составляющие определенную часть учебных планов и программ, должны периодически пересматриваться и обновляться; с другой – необходимо создавать новые креативные учебные курсы, удовлетворяющие не столько существующие, сколько предполагаемые в будущем потребности рынка в инновационных образовательных услугах. Очевидно, что интеллектуальный капитал вуза должен уметь «работать с будущим», обнаруживать и научно обоснованно интерпретировать сегодняшние «слабые сигналы» о будущих серьезных инновационных изменениях.

Пятое – это растущая потребность субъектов обучения, прежде всего студентов, в индивидуализации обучения, разработке личностных траекторий творческого и профессионального развития. Для интеллектуального капитала вуза это означает следующее. Прежде всего необходимо предложить потребителям образовательных услуг не только многообразие новых учебных дисциплин и соответствующих модулей, но также разнообразие форм и способов их высокоэффективного освоения. Очевидно, что это предопределяет необходимость разработки смешанных форм и методов научно-образовательной деятельности, где предполагается широкое применение новейших информационных и когнитивных технологий обучения при целенаправленном развитии кафедральных и факультетских баз знаний.

Шестое – это растущая быстрыми темпами интенсификация информационного и когнитивного пространства, а также, связанные с этим императивы развития сетевых и виртуальных форм научно-образовательной деятельности. Следование традиционным формам и способам поиска информации, а также частичная отстраненность от новейших информационных технологий хранения и передачи знаний формирует угрозу когнитивно-технологического отставания интеллектуального капитала вуза в целом либо его отдельных групп и индивидов от современных релевантных требований.

Таким образом, современные требования, предъявляемые к образовательным продуктам и, следовательно, к интегрированному интеллектуальному капиталу вуза, позволяют выявить ряд существенных угроз, недооценка которых может привести не только к некоторой дисфункции в деле обеспечения интеллектуальной и в целом экономической безопасности вуза, но и к риску потери конкурентоспособности, девальвации ценности ранее созданных интеллектуальных активов. При этом особая «неприятность» состоит в том, что отмеченные дисфункция и риски, учитывая высокую скорость инновационных и когнитивных процессов в экономике, могут возникнуть катастрофически быстро, не оставляя шансов для «интеллектуального маневра».

Учитывая системный характер вызовов и угроз интеллектуальной безопасности, а также их междисциплинарный характер, в качестве теоретического основания и методического инструментария последующего исследования вполне может быть использована методология системной парадигмы [10]. Следуя логике данной парадигмы, следует выделить следующие конкретные ключевые угрозы, соответствующие риски, а также релевантные направления деятельности субъектов управления по их выявлению, профилактике и минимизации.

1. Угроза «ментальной невосприимчивости» новых явлений, происходящих в обществе, экономике и на рынке образовательных услуг. С этой угрозой непосредственно связан риск когнитивно-информационной закрытости университета и искусственной «отдаленности» его научно-образовательных структур от требований времени и реальной динамики социально-экономических отношений. Менталитет есть «набор» определенных внесознательных архетипов и сознательных стереотипов восприятия и осмысления информации, знаний и в целом явлений окружающей действительности.

В основе любого менталитета, как отмечают исследователи, лежит некая специфическая экзистенция, длительная жизненно важная ситуация, которая и формирует определенный тип восприятия соответствующих явлений [1; 7; 12]. Применительно к образовательному сектору отечественной экономики, современным действующим экзистенциальным аспектом является повсеместный этатизм, означающий «веру» в государство и «надежду» на его всемогущество и власть в решении любых задач. По сути, этатистские ментальные модели немалого количества участников научно-образовательной деятельности являются своеобразной «информационной таможней» на пути новых явлений, преградой в деле осмысления императивов расширенного воспроизводства научно-образовательных инноваций.

2. Угроза ценностно-смысловой деструкции научно-образовательной деятельности университета, что может привести к системным рискам, связанным с разработкой и реализацией неоптимальных (в социокультурном смысле) стратегий, приводящих к обострению противоречия между вузом как источником прибыли и между вузом как источником расширенного воспроизводства гуманитарных, ценностных смыслов человеческого бытия как такового. Очевидно, что современный университет призван быть источником нравственности, способствующей формированию и воспроизводству соответствующих ценностных смыслов как у сотрудников вуза, так и его переменного состава. Наблюдаемая сегодня «воинствующая утилитаризация» целей и задач вузовской школы приводит к нарастанию угрозы примитивизации смыслов и целей деятельности всех ее участников. Это в конечном счете приведет не только к перманентному снижению уровня социокультурного качества образования, но и к потере репутации университета, к подрыву его конкурентоспособности.

3. Угроза дисгармонии социальных отношений как внутри, так и вне университета. Это может стать следствием недостаточного учета растущего многообразия этих отношений и факторов их динамики. Возникает риск подрыва социальных активов вуза в форме, прежде всего, маркетингового клиентского капитала (потери либо сокращения

рынка) и такого «социального стабилизатора», как творчески-деловая репутация. Известно, что социальные отношения корпоративного сообщества (в данном случае университета) являются основанием его социального капитала, представляющего собой ценность в форме продуктивных социально-экономических взаимодействий, оформленных в соответствующие сети различных созидательных коммуникаций. При этом угроза дисгармонии социальных отношений, имеющая своим источником внешние взаимодействия, таит в себе риск потери части рынка образовательных услуг; угроза дисгармонии внутренних социальных отношений закономерно приведет к подрыву креативного тонуса сотрудников и, как следствие – к кадровой эрозии. Понимание этих угроз и релевантных рисков управленческих решений нацеливает на самостоятельный анализ проблемы оптимизации и гармонизации социально-экономических отношений.

4. Угроза хронического отставания корпоративных институтов университета от реальных потребностей ускорения процессов координации и взаимодействия всех субъектов деятельности. Возникающие и воспроизводящиеся институциональные «завалы» и «вакуумы» катализируют риск увеличения социально-экономического «трения» при решении различных управленческих и научно-образовательных задач. Динамика современного рынка образовательных услуг объективно обуславливает необходимость высокой институциональной мобильности высших учебных заведений, которая предполагает, с одной стороны, расширенное воспроизводство новейших институтов (прежде всего неформальных), а с другой – активную утилизацию тех норм и правил, которые явно устарели и сегодня являются тормозом в решении координационных, в том числе сетевых научно-образовательных задач. В релевантной литературе такое явление называется «path dependency», или «зависимость от траектории предшествующего развития».

5. Угроза научно-образовательно-технологического отставания с точки зрения разработки и внедрения новейших психолого-педагогических форм и методов научно-образовательной деятельности, что является следствием не только институциональных «провалов», но и недостаточной мотивации к соответствующим инновациям. Здесь формируется риск принятия решений, сопровождающихся потерей конкурентоспособности и конкурентоспособности вуза, а также риск подрыва доверия к нему как к центру формирования инновационного мышления у обучающихся.

Существует немало традиционных и современных технологий научно-образовательной деятельности, успешно используемых учеными-исследователями и учеными-преподавателями. Между тем далеко не всегда новые психолого-педагогические технологии образования «успевают» за требованиями времени, что оказывает негативное влияние на роль и значение этих технологий в создании добавленной стоимости научно-образовательного продукта. Несмотря на то, что каждый исследователь и преподаватель имеет собственную «лабораторию профессиональной деятельности», было бы целесообразно, с одной стороны, знакомить их с новейшими психолого-педагогическими формами деятельности, а с другой – формулировать задачи и оказывать помощь в овладении этими формами и методами.

Научно-практические императивы обеспечения интеллектуальной безопасности вуза структурно и генетически детерминируются соответствующими угрозами. Предельно кратко их можно охарактеризовать следующим образом.

1. Обеспечение ментальной безопасности интеллектуального капитала вуза связано, прежде всего, с профилактикой и преодолением этатистского менталитета и сопряженного с ним иждивенческого отношения к научно-образовательному сектору отечественной экономики. Целенаправленная деятельность креативного сообщества вуза должна развиваться в следующих ключевых направлениях:

а) концентрация управленческих и эндогенных научно-воспитательных усилий на осуществлении «экзистенциального сдвига», связанного с глубоким разъяснением

и последующим осознанием всеми жизненной важности снятия «таможенных барьеров» на пути потоков новейшей информации и знаний, релевантных требованиям инновационной экономики;

б) инвестиции в создание креативной элиты, или своеобразного «ментального пула ученых», ясно осознающих значимость формирования инновационного менталитета у всех сотрудников вуза и способных быть примером в сфере демонстрации преимуществ новых ментальных архетипов и стереотипов;

в) инвестиции и иные формы деятельности с целью разъяснения субъектам обучения (студентам) пагубности ментального стереотипа, связанного с решением утилитарной задачи «получения диплома», а не формирования действительных креативных компетенций.

2. Обеспечение социокультурной (духовно-нравственной, ценностно-смысловой) безопасности вуза непосредственно связано, прежде всего, с разработкой ясной концепции духовно-нравственного развития университета, где творческая, гуманистически направленная деятельность будет рассматриваться как ключевая ценность вуза. Это требует решения следующих задач:

а) обеспечение уважительного отношения к «креативным жрецам» как создателям уникальных научно-образовательных продуктов при одновременной пропаганде форм и способов их творчески-трудовой деятельности;

б) всесторонняя поддержка и культивирование таких ценностей, как общение, доверие и коммуникативность, без чего невозможно обеспечить высокое качество и эффективность расширенного воспроизводства новейших знаний;

в) внедрение в корпоративную университетскую культуру таких новых явлений, как междисциплинарные «базы знаний», сетевые сообщества, электронные кафедры, вэб-семинары (вэбинары), брейнсторминги, междисциплинарные дискурсы и многое другое;

г) формирование «культы новейших знаний и компетенций» как естественной рефлексии вуза на требования масштабного и непрерывного воспроизводства инноваций, а также как реакция на потребности творческой самореализации сотрудников;

д) введение в качестве значимого элемента культуры университета «ценности личностной самоактуализации студентов», что непосредственно связано с разработкой и реализацией индивидуальных образовательных траекторий каждым обучающимся.

3. Обеспечение социально-коммуникационной безопасности вуза связано с проведением внешних и внутренних профилактических мероприятий. Профилактика угроз и рисков с точки зрения внешних взаимодействий, очевидно, непосредственно увязывается с решением следующих задач и проведением соответствующих мероприятий.

I. Составление карты участников внешних научно-образовательных трансакций и характеристика их целей и интересов исходя из спроса на научно-образовательные услуги и как частного, и как общественного блага; осуществление различных форм сетевых и виртуальных взаимодействий со всеми внешними субъектами рынка.

II. Разработка специальных моделей и форм социальных взаимодействий с выпускниками университета и работодателями, что должно рассматриваться как элемент «социально-профессиональной» ответственности вуза.

III. Создание «карты взаимодействий» вуза с ведущими отечественными и зарубежными учебными заведениями, а также мониторинг соответствующих изменений, что позволит иметь четкое представление о развитии университетского экзогенного социального капитала.

Профилактика угроз и рисков в контексте динамики внутренних взаимодействий призвана непосредственно увязываться с принятием следующих научно-практических мер и решением соответствующих задач:

а) развитие различных форм и видов социальной ответственности по отношению к научно-исследовательским и научно-педагогическим кадрам вуза (не только на уровне понимания социальных проблем, но и на уровне конкретного их решения);

б) инвестиции в развитие сетевого и коммуникативного потенциала вуза как условия развития различных форм продуктивных социально-экономических взаимодействий;

в) инвестиции в формирование и развитие различных видов личностного и институционального доверия в рамках университета;

г) в рамках идеи «интеграции науки и образования» необходима взаимовыгодная «ролевая ротация», что требует ясности и корректности в системе сравнения квалификационных статусов и соответствующих вознаграждений за результаты творчески-трудо-вой деятельности.

Отмеченные обстоятельства следует рассматривать как главные социально-экономические и институциональные условия реального сближения науки и образования, что возможно только в ситуации бесконфликтности экономических интересов управленческих, научных и педагогических кадров.

4. Обеспечение институционально-организационной безопасности вуза предполагает решение научно-практических задач по формированию и развитию университетского институционального капитала, что объективируется в следующих направлениях релевантной деятельности.

4.1. Разработка теоретических и научно-практических основ институционального предпринимательства применительно к деятельности университета. Было бы целесообразно разработать и внедрить в научно-образовательный процесс новые дисциплины: «Институциональное проектирование» и «Институциональное предпринимательство».

4.2. Создание и развитие в рамках кафедр и департаментов вуза междисциплинарных баз знаний, которые были бы систематизированы в рамках единого Ситуационного аналитического центра (САЦ). Создание баз знаний и САЦ позволило бы ускорить креативно-когнитивные процессы в системе всех форм научной и образовательной деятельности. Особую срочность приобретает задача создания модели сетевой кафедры и соответствующей базы знаний.

4.3. Разработка предложений по совершенствованию системы защиты объектов и прав интеллектуальной собственности, воспроизводимой в рамках университета, что позволит обеспечить развитие мотивации к дальнейшей творческой деятельности собственников интеллектуальных инноваций.

4.4. Деятельность по обеспечению роста заинтересованности субъектов научно-образовательного процесса в повышении уровня собственного институционального капитала как ценных знаний и компетенций в области создания, внедрения и созидательно-го использования эндогенных явных и неявных институтов.

4.5. Проведение качественно-количественного анализа «институциональной доходности» университета, демонстрация «прибыльности» университетских институциональных инноваций. Целесообразно также разработать и ввести в образовательный процесс такую дисциплину и компетенцию, как «Экономика институциональных инноваций».

5. Обеспечение научно-образовательно-технологической (методической) безопасности вуза нацеливает на проведение исследований и соответствующего качественного и количественного анализа результатов, подтверждающих возрастание роли новейших психолого-педагогических технологий в повышении уровня знаний и компетенций современных выпускников. Императив неуклонного возрастания значения неявного знания объективно обязывает осуществить качественное обновление всего научно-методического инструментария образовательной деятельности. Конкретика решения задачи может выглядеть следующим образом.

Первое – это внедрение в практику деятельности, прежде всего кафедр, научно-методических семинаров, в рамках которых необходимо не только изучать новые методы и инструменты научно-образовательной деятельности, но и анализировать лучшие практики данной деятельности. Цель подобных семинаров, а также «мастер-классов» и других форм – выявить неявное методическое знание их владельцев и по возможности сделать его достоянием всех заинтересованных сотрудников.

Второе – это организация постоянно действующего научно-методического «смешанного» (очно-виртуального) семинара в рамках университета по теме: «Психолого-педагогические инновации в научно-образовательной деятельности кафедр университета» с открытым доступом к разрабатываемым и размещаемым на соответствующем портале САЦ материалам. Критически важной становится компетенция, связанная с психолого-педагогическим умением создавать релевантную творчески-трудовую атмосферу в рамках научно-образовательного процесса.

Третье – это проведение специальных исследований, а также разработка и внедрение методических инноваций в области управления развитием креативного потенциала университета и его структур (прежде всего, кафедр). Целью данной деятельности является профилактика угрозы «интеллектуального отставания» сотрудников вуза от современных требований, а также развитие ментальных, социокультурных и институциональных условий для повышения эффективности творчески-трудовой деятельности профессиональных исследователей и ученых-преподавателей.

Кроме того, императивом является организация и проведение масштабных исследований, связанных с вопросами интеграции научной и образовательной деятельности в университете, созданием условий для высокоэффективного включения всех преподавателей и студентов в исследовательскую деятельность, развитием мотивации сотрудников к масштабным и непрерывным исследовательским и образовательным инновациям. Недостаточное внимание к отмеченным блокам проблем может привести к потере интеллектуальной независимости университета и, соответственно, к системной эскалации угрозы его интеллектуальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асланов, Л.А. Менталитет и власть: русская цивилизация / Л.А. Асланов. – М. : ТЕИС, 2009. – Кн. 1: Основы теории. Начало Руси. Московское царство. – 557 с.
2. Бархатов, В.Ю. Экономическая безопасность вуза / В.Ю. Бархатов, В.Н. Пугач, Н.К. Алимova // Наукoведение. – 2009. – № 1.
3. Делия, В.П. Инновационное мышление в XXI в. / В.П. Делия. – Балашиха : Де-По, 2011.
4. Демидов, С.Р. Управление экономической безопасностью деятельности вуза / С.Р. Демидов // Наука. Культура. Общество. – 2007. – № 2.
5. Демидов, С.Р. Возможности планирования системы управления высшими учебными заведениями / С.Р. Демидов // Экономика и управление. – 2007. – № 5.
6. Жукова, Т.В. Экономическая устойчивость российских вузов / Т.В. Жукова // Университетское управление. – 2008. – № 6.
7. Ильин, И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. – М. : Русская книга – XXI век, 2007.
8. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. – М. : ИНФРА-М, 2010.
9. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М. : Анкил, 2013.
10. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М. : Экономика, 2007.

11. Модернизация российского образования: вызовы нового десятилетия / Под ред. А.А. Климова. – М. : Издат. дом «Дело» РАНХ и ГС, 2013.

12. Птуха, А.Р. На развилке менталитетов. Действенные рецепты для инноваций, бизнеса и закона в России / А.Р. Птуха, С.С. Степанов. – СПб. : Алетейя, 2010.

13. Рубин, Ю.Б. Высшее образование в России: качество и конкурентоспособность / Ю.Б. Рубин. – Моск. финансово-промышленная академия, 2011.

14. Управление экономической безопасностью высшего учебного заведения / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С.Д. Резника. – М. : ИНФРА-М, 2013.

Salikhov B.V., Salikhova I.S. Formation of Intellectual Security Imperatives of Modern Higher Education Institution

The article discusses the theoretical problems of intellectual security of modern higher education institution; the position that the deep intellectual foundation of the university is the security of its integrated security system of intellectual capital is grounded. In the framework of the system paradigm the key factors of modern threats are identified and examined; original research and practical imperatives and related activities for the prevention of existing and potential threats related to sustainable development and improve the competitiveness of the university in the educational market are offered.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2014

ПРАВА

УДК 340.114.3

Д.М. Степаненко

ИННОВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА И ЕЕ СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ

В статье исследуется инновационная функция права как одно из ключевых направлений правового воздействия на общественную жизнь в начале XXI в. Обосновано, что правовые предписания должны всячески способствовать созданию и внедрению инноваций в стране, стимулировать физические и юридические лица осуществлять инновационную деятельность, всесторонне защищать интересы инноваторов. Выделены и сформулированы сущностные черты инновационной функции права. Доказано, что инновационная функция права занимает свое относительно самостоятельное место в системе функций права, представляет собой относительно обособленное направление воздействия права на сознание и поведение людей. Выявлены способы выражения инновационной функции права в соответствующей целесообразной юридической деятельности конкретных субъектов. Установлены взаимосвязи между инновационной функцией права и экономической и социальной структурой общества.

Введение

Категория «функция права» впервые нашла отражение в научной литературе в 60-х гг. XX в. в работах С.С. Алексеева, И.Е. Фарбера и Т.Н. Радько. С.С. Алексеевым в то время отмечалось, что функция права представляет собой юридическое назначение права для тех или иных общественных отношений [1]. И.Е. Фарбер акцентировал внимание на социальном назначении права, на основных направлениях правового воздействия на социальную действительность [2]. С точки зрения Т.Н. Радько, функция права – это определяемое социальным назначением права основное направление его воздействия на общественные отношения. Она представляет собой единство двух моментов: назначение права в обществе и основные направления его воздействия на общественные отношения как проявление специфических свойств права [3]. Такой подход получил в дальнейшем массовое распространение в юридической литературе. Например, Н.А. Горбатов определяет функции права как основные направления правового воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения, обусловленные сущностью и социальным назначением права [4].

Таким образом, к концу XX в. в большинстве юридических литературных источников в основном утвердилось понимание функций права как основных направлений его воздействия на общественные отношения. Однако еще в середине 1990-х гг. Т.Н. Радько и А.В. Толстик отмечали, что «до настоящего времени нет единого взгляда на понятие функции права, что, в известной мере, отрицательно сказывается на их исследованиях, так как отсутствие четкого научного понятия всегда усложняет познание исследуемого объекта» [5].

Обоснование выполнения правом в современных условиях инновационной функции

При анализе сущности категории «функция права» весьма важным является установить объект ее воздействия. Другими словами, необходимо получить ответ на следующий вопрос: «На что воздействует функция права?»

Как было отмечено выше, в большинстве литературных источников говорится о функциях права как о направлениях воздействия на общественные отношения. Однако при такой формулировке может иметь место впечатление, что речь идет только о конкретных общественных связях, с воздействием на которые связано собственно регулятивное воздействие права и правовой системы в целом. Понятие же функций права дол-

жно охватывать и направления, касающиеся всей социальной действительности. В связи с этим можно согласиться с В.П. Реутовым, что функции права представляют собой направления воздействия на общественную жизнь, которая является более широким понятием, нежели общественные отношения. Такой подход даст возможность анализировать и функции, вытекающие из особенностей права как специфического явления, и функции, связанные с взаимной поддержкой и взаимодействием в процессе функционирования государства и права [6].

Не менее важным является вопрос о цели воздействия на общественную жизнь. При этом логичной представляется мысль о том, что результат воздействия права на общественную жизнь должен быть позитивным, то есть такое воздействие призвано быть направленным на развитие, качественное совершенствование как общественной жизни в целом, так и ее отдельных сторон.

Следует также учитывать, что функции права, репрезентируя основные направления его воздействия на общественную жизнь, не являются чем-то статичным, застывшим, данным раз и навсегда. Напротив, они находятся в динамике, которая определяется развитием как права, так и самого общества. По мере развития общественных отношений, перехода их с более низкой ступени на более высокую имеет место и совершенствование правового воздействия на указанные отношения и, в частности, появление новых направлений такого воздействия, которые можно отнести к основным. Отсюда логически вытекает вывод об исторической обусловленности функций права как направлений его воздействия на общественную жизнь, о взаимозависимости между тенденциями и факторами развития общественной жизни и появлением новых функций права.

В целом могут быть выделены следующие основополагающие признаки, репрезентирующие содержание понятия «функция права»:

- 1) направленность на воздействие на общественную жизнь при помощи правовых средств;
- 2) обусловленность сущностью и социальным назначением права;
- 3) историческая обусловленность;
- 4) относительная обособленность;
- 5) устойчивость;
- 6) ориентация на развитие, качественное совершенствование общественной жизни.

Руководствуясь обозначенными признаками, можно сформулировать следующее комплексное определение функции права: функция права – это обусловленное сущностью и социальным назначением права, а также конкретно-историческими условиями устойчивое, относительно обособленное направление правового воздействия на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон.

В силу того, что функции права исторически обусловлены, представляется важным выявление ключевых тенденций, характеристик общественной жизни, на которую право осуществляет воздействие. Указанные тенденции и характеристики, возникшие новые или обретшие принципиально новое качество на определенном историческом этапе ранее существовавшие факторы общественного развития, предопределяют возникновение у права новых функций, становящихся объектом соответствующего научного осмысления.

На сегодняшний день есть все основания полагать, что в роли ключевого фактора развития общества выступает инновационная деятельность в ее различных проявлениях. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследований, полученные современной экономической наукой. По словам Ю.В. Яковца, время от времени поднимающиеся волны эпохальных и базисных инноваций преобразуют лицо общества, девятым валом проносятся по планете. Эти волны меняют лидирующие страны и цивилизации, создают фундамент для повышения эффективности воспроизводства и качества

жизни [7]. При этом следует особо подчеркнуть, что ключевая роль инноваций просматривается не только в экономике, но и в иных сферах общественной жизни. В частности, Ю.В. Яковцем отмечается важность для развития общества таких инноваций в социальной сфере, как формирование семьи, возникновение общественного разделения труда, формирование классов и социальных групп, а также таких политических инноваций, как возникновение государства, демократии и гражданства, формирование системы национальных государств [7].

Право, будучи всеобщим универсальным регулятором общественного развития, способно и должно выступать в качестве катализатора прогресса общества на инновационной основе. Указанная посылка позволяет выделить инновационную функцию права как одно из ключевых направлений правового воздействия на общественную жизнь в начале XXI в. Суть инновационной функции права в концентрированном виде может быть обозначена следующим образом: правовые предписания должны всячески способствовать созданию и внедрению инноваций в стране, стимулировать физические и юридические лица осуществлять инновационную деятельность, всесторонне защищать интересы инноваторов.

Указанные выше механизмы воздействия на общество ориентированы в конечном итоге на реализацию целевой установки, присущей любой функции права, а именно на то, чтобы добиваться качественного совершенствования различных сторон общественной жизни. Исходя из этого может быть дано следующее определение инновационной функции права: инновационная функция права – это обусловленное сущностью и социальным назначением права, а также конкретно-историческими условиями, устойчивое, относительно обособленное направление правового воздействия на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет всяческой поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов [8].

Сущностные черты инновационной функции права

Установление места и роли инновационной функции права в системе правового воздействия на общественную жизнь объективно предполагает необходимость выявления и раскрытия сущностных черт указанной функции права.

Во-первых, инновационная функция права занимает свое относительно самостоятельное место в системе функций права и представляет собой относительно обособленное направление воздействия права на сознание и поведение людей. Специфика этой функции обусловлена прежде всего особенностями тех механизмов, посредством которых она способствует качественному совершенствованию различных сторон общественной жизни, а также ее ярко выраженной целенаправленностью. Инновационная функция права основана на законах, иных нормативных правовых актах, содержащих нормы, регламентирующие осуществление инновационной деятельности, а также ориентированные на стимулирование указанной деятельности.

Во-вторых, сущностной чертой инновационной функции права является ее динамизм. Посредством данной функции творчески преобразующее начало права способно находить свое конкретное выражение в системе регулирования общественных отношений.

Инновационная функция права способна выражаться в соответствующей целесообразной юридической деятельности конкретных субъектов, охватывающей:

- 1) деятельность органов законодательной власти по разработке и принятию нормативных правовых актов, ориентированных на поддержку инновационного развития;
- 2) деятельность органов исполнительной власти по реализации при помощи правовых средств соответствующих мер государственной инновационной политики;

3) деятельность органов судебной власти по разрешению споров, возникающих в ходе применения на практике национального законодательства об инновационной деятельности;

4) деятельность отдельных физических и юридических лиц, ориентированную на использование тех возможностей, которые предоставляет им законодательство страны об инновационной деятельности (например, деятельность предприятий по применению на практике налоговых льгот, установленных национальным законодательством об инновационной деятельности; деятельность физических лиц по патентованию принадлежащих им объектов промышленной собственности).

Исследование специфической природы деятельности субъектов, имеющей место в ходе реализации инновационной функции права, а также предпринимаемых ими конкретных юридических действий и операций позволяет не только более полно раскрыть содержание указанной функции права, но и выявить основные пути совершенствования каждого из ее элементов.

В-третьих, инновационная функция права обладает определенной устойчивостью, стабильностью, постоянством действия во времени. Обозначенная сущностная черта отмеченной функции права обусловлена относительной устойчивостью юридических оснований инновационной функции и других элементов ее структуры, а также уровнем стабильности соответствующих общественных отношений, которые регулируются с помощью права. В данном контексте В.В. Лазаревым справедливо обращается внимание на то обстоятельство, что «постоянство как необходимый признак функции характеризует непрерывность, длительность действия этой функции» [9].

В рамках реализации своей инновационной функции право выступает как одна из форм непрерывного преобразующего воздействия на социальную действительность и в то же время как средство разрешения многих внутрисоциальных противоречий. Стимулируя инновационную активность в стране и двигая на этой основе общество вперед по пути прогресса, право способствует тем самым повышению уровня и качества жизни населения страны, решению многих социальных проблем.

По мнению А.А. Швыркина, право, реализуя свою сущность через систему функций, способно влиять на возникновение новых пластов социальной действительности в соответствии с объективными потребностями общества [10]. Применительно к инновационной деятельности в качестве примеров новых явлений социальной действительности, возникших вследствие устойчивого воздействия права на общественную жизнь в рамках реализации его инновационной функции, могут быть приведены технопарки, технополисы, другие объекты инновационной инфраструктуры. Регламентируя общественные отношения, связанные с созданием и функционированием объектов инновационной инфраструктуры, правовые нормы тем самым объективно способствуют возникновению таких объектов как новых явлений в жизни общества.

В-четвертых, в ходе анализа сущностных черт инновационной функции права нельзя не согласиться с М.Т. Бадоевым в вопросе о том, что «правовая система в целом, право и его функции в значительной степени детерминированы материальными, духовными и иными условиями жизни общества, находящегося на конкретно-историческом этапе своего развития. Поэтому и возможно проследить закономерности функционирования права применительно к определенным типам и этапам развития общества» [11].

Как и любая иная, инновационная функция права всегда осуществляется в соответствующей общественной среде. Конкретно-исторические условия жизни того или иного общества обуславливают экономическое, социальное, политическое, идеологическое и иное содержание реализуемой правом инновационной функции в национальной правовой системе. Например, в советский период в условиях существования командно-административной системы управления экономикой юридические нормы, ориентирован-

ные на стимулирование научно-технического прогресса, носили в основном директивный характер. В условиях современной Республики Беларусь соответствующие правовые нормы в основном ориентированы на создание материальной заинтересованности у экономических субъектов создавать и внедрять инновации, на стимулирование конкуренции за счет осуществления инновационной деятельности. Соответственно разный характер носит в двух указанных случаях и реализация присущей праву инновационной функции. В целом, можно утверждать, что инновационная функция права зависит от экономической и социальной структуры общества (например, от того, каков удельный вес в общем трудоспособном населении страны ученых и квалифицированных специалистов, лиц с высшим образованием), уровня общей и правовой культуры, действующих в стране юридических и иных социальных норм.

Очевидно, что в современных условиях инновационная функция права во многом призвана быть ориентирована на развитие качественных характеристик населения страны, поскольку всестороннее развитие и образование людей является важнейшим фактором их превращения в инноваторов. В то же время механизм детерминации инновационной функции, как и любой иной функции права, довольно сложен и не сводится только к воздействию экономических, социальных, политических и иных факторов. Такого рода механизм охватывает:

- 1) различные типы, виды и подвиды факторов, которые раскрывают специфику, разнообразие детерминирующих право обстоятельств;
- 2) формы, т.е. способы воздействия соответствующих факторов реальной действительности на право в целом и его функции;
- 3) уровни, масштаб детерминирующего воздействия;
- 4) силу детерминации, т.е. величину, степень интенсивности, энергичность влияния при помощи тех или иных обстоятельств и способов на соответствующую функцию права;
- 5) этапы воздействия различных факторов на инновационную функцию права;
- 6) носителей детерминации;
- 7) юридические и иные социальные результаты детерминирующего воздействия на соответствующую функцию права [12].

В-пятых, в рамках реализации правом своей инновационной функции управление общественными отношениями, юридическое воздействие на поведение людей происходит через их сознание и волю. При этом следует отметить, что соответствующее правовое воздействие направлено, с одной стороны, непосредственно на проявленную во вне активность физических и юридических лиц, осуществляющих инновационную деятельность, а, с другой – опосредованно на сознание всех членов данного общества на разных его уровнях с тем, чтобы сформировать и закрепить в нем позитивное отношение к инновационной деятельности и задать тем самым необходимое направление социально значимому поведению.

В-шестых, необходимо акцентировать особое внимание на целенаправленность воздействия права при осуществлении им своей инновационной функции. В данном случае цель воздействия права на жизнедеятельность общества (качественное совершенствование различных сторон общественной жизни) четко увязывается со способами ее достижения (содействие при помощи правовых предписаний созданию и внедрению инноваций в стране, стимулирование физических и юридических лиц осуществлять инновационную деятельность, всесторонняя защита интересов инноваторов).

Наконец, в-седьмых, в инновационной функции права выражается его социальное назначение в самых разных сферах жизни общества, что предполагает, в свою очередь, анализ результатов соответствующего юридического воздействия, по итогам которого может производиться в необходимых случаях корректировка такого воздействия.

Заключение

Таким образом, право в современных условиях выполняет инновационную функцию, которая представляет собой относительно обособленное направление воздействия права на сознание и поведение людей, обладает динамизмом, определенной устойчивостью, постоянством действия во времени, целенаправленностью и в значительной степени детерминирована материальными, духовными и иными условиями жизни общества, его экономической и социальной структурой. Стимулируя в ходе осуществления своей инновационной функции посредством соответствующих предписаний новаторскую активность в стране, право способствует целевому восприятию обществом значимости инновационной деятельности, формирует в обществе соответствующие ценности и установки, которые затем оставляют свой отпечаток на политике государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права : курс лекций : в 4-х вып. / С.С. Алексеев. – Свердловск : Свердловск. юрид. ин-т, 1963–1966.
2. Фарбер, И.Е. О воспитательной функции общенародного права / И.Е. Фарбер // Советское государство и право. – 1963. – № 7. – С. 38–47.
3. Радько, Т.Н. Основные функции социалистического права : учеб. пособие / Т.Н. Радько. – Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1970. – 142 с.
4. Горбатов, Н.А. Общая теория права и государства в вопросах и ответах : учеб. пособие / Н.А. Горбатов. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2005. – 184 с.
5. Радько, Т.Н. Функции права / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. – Н. Новгород : Нижегород. высш. шк. МВД России, 1995. – 105 с.
6. Реутов, В.П. Функциональная природа системы права / В.П. Реутов. – Пермь : Перм. гос. ун-тет, 2002. – 163 с.
7. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI в. / Ю.В. Яковец. – М. : Экономика, 2004. – 446 с.
8. Степаненко, Д.М. Инновационная функция права / Д.М. Степаненко. – М. : Интеграция, 2012. – 252 с.
9. Общая теория государства и права : учебник / Лазарев В.В. [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – М. : Юристъ, 2002. – 520 с.
10. Швыркин, А.А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2002. – 23 с.
11. Бадоев, М.Т. Демографическая функция права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.Т. Бадоев. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-тет имени П.Г. Демидова, 2004. – 205 с.
12. Карташов, В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества / В.Н. Карташов. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1995. – Ч. 1. – 137 с.

Stepanenko D.M. Innovation Function of the Law and its Essential Features

Innovation function of the law as one of the key directions of legal impact on public life at the beginning of the XXI century is investigated in the article. It is proved that legal instructions should promote the creation and introduction of innovations in the country in every possible way, stimulate physical and legal entities to carry out innovation activity, comprehensively protect interests of innovators. The essential features of innovation function of the law are allocated and formulated. It is proved that innovation function of the law takes rather independent place in the system of functions of the law, represents rather isolated direction of influence of the law to consciousness and behaviour of people. Ways of expression of innovation function of the law in the corresponding expedient legal activity of specific subjects are revealed. Interrelations between innovation function of the law and economic and social structure of society are established.

УДК 351.354

С.Г. Василевич

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы использования электронных технологий как важнейшего средства повышения эффективности государственного управления. Обосновывается необходимость развития электронной демократии в Республике Беларусь.

Введение

В современный период все более очевидными являются процессы обновления механизма управления делами государства. Прежде всего, это обусловлено развитием в глобальных масштабах информационных коммуникационных технологий (далее – ИТ), что является свидетельством поступательного движения к новому рубежу цивилизации» [1, с. 11].

Свой путь в информационное общество Республика Беларусь определила, приняв в декабре 2002 г. комплексную национальную программу «Электронная Беларусь». Принятая Программа была нацелена на движение белорусского государства и общества в русле современных мировых тенденций в области коммуникационных технологий, создания условий для более полного обеспечения прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими возложенных обязанностей, повышения эффективности государственного управления в сфере экономики, политики, социальной сферы.

На ее основе к настоящему времени в стране проведена основательная работа по внедрению информатизационных технологий. По последним данным, которые содержатся в статистическом сборнике «Транспорт и связь в Республике Беларусь, 2013», опубликованном на сайте Белстата, интернет-пользователями является 54,2% населения в возрасте 6 лет и старше. При этом домашний компьютер с выходом в Интернет имеют 51,6% домашних хозяйств (более 95% белорусских интернет-пользователей). Из них 59,2% проживают в городах и поселках городского типа и 31,8% – в сельской местности. Наибольший процент домашних хозяйств, подключенных к Интернету, зафиксирован в Минске – 62,9% от общего числа домохозяйств столицы; в Гродненской области – 52,8%, в Брестской – 52%, в Витебской и Могилевской – 49,5%, в Минской – 45,9%. Менее всего развита Гомельская область: здесь всего 45,8% домашних хозяйств подключены к интернету. Чаще всего (основное место подключения) белорусы выходят в Сеть с домашнего компьютера (86,3%), 5,8% заходят в Интернет с рабочего места, 3,0% – от родственников и знакомых, 0,1% – в интернет-кафе и почтовых отделениях, 4,2% – через мобильный телефон, через другие устройства мобильного доступа – 0,6%. Как видим, процесс информатизации белорусского общества имеет явную позитивную динамику.

В Окинавской Хартии глобального информационного общества принятой 22 июля 2000 г. лидерами стран G8, зафиксировано, что ИТ являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они также дают возможность частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы. Суть стимулируемой ИТ экономической и социальной трансформации заключается в ее способно-

сти содействовать людям и обществу в использовании знаний и идей. Информационное общество позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого нужно сделать так, чтобы ИТ служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, прав человека, развития культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности. Достижение этих целей и решение возникающих проблем потребует разработки эффективных национальных и международных стратегий.

В Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», принятой на саммите в Женеве 12 декабря 2003 г., отмечено, что ИТ следует рассматривать как инструмент, а не как самоцель. При благоприятных условиях эти технологии способны стать мощным инструментом повышения производительности, экономического роста, создания новых рабочих мест и расширения возможностей трудоустройства, а также повышения качества жизни для всех. Они также могут содействовать ведению диалога между народами, странами и цивилизациями. Использование и развертывание информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) должны быть направлены на создание преимуществ во всех аспектах нашей повседневной жизни. Приложения на базе ИКТ потенциально важны для деятельности органов государственного управления и предоставляемых ими услуг здравоохранения и информации об охране здоровья, образования и профессиональной подготовки, занятости, создания рабочих мест, предпринимательства, сельского хозяйства, транспорта, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, предотвращения катастроф, для развития культуры, а также для ликвидации нищеты и достижения иных согласованных целей в области развития. Кроме того, ИКТ должны способствовать устойчивости структур производства и потребления и преодолению традиционных барьеров, давая тем самым возможность всем получить доступ на местные и глобальные рынки на более равноправной основе.

ИТ принципиально изменяют образ жизни, оказывают революционное влияние на общество, государство, экономику. Внедрение информационных технологий в сферу государственного управления преследует цель повысить его эффективность, обеспечить тесное и оперативное взаимодействие государственного аппарата и граждан. ИКТ позволяют экономить время участников возникающих отношений, т.е. государственных служащих, оказывающих услуги гражданам (решающих их вопросы), и гражданам, обращающимся в государственные органы, к должностным лицам.

Однако рассчитывать только на информационные технологии не следует, необходимо одновременно проводить оптимизацию самого государственного аппарата, обеспечивать его «внутреннюю» производительность, сокращение расходов на его содержание. В литературе высказываются обоснованные доводы о необходимости разумного использования средств на внедрение информационных технологий [2, с. 24–27]. Е.В. Алферова справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на то, что нынешняя «традиционная модель государственного управления разрабатывалась для послевоенного индустриального общества, которое основывалось на единстве потребностей людей в базовом медицинском обслуживании, образовании, жилье, социальном обеспечении и коммунальных услугах. Существование разнородных сетей – вот характерная черта этого традиционного подхода к управлению, приводящего к обособленным системам и службам. Поэтому практически уже невозможно представить себе, что государственный аппарат, построенный по иерархическому принципу, может быть эффективным» [2, с. 28].

Информационная модель государственного управления предполагает информатизацию управленческих процессов [2, с. 29]. Разные авторы обращают внимание на то,

что впервые термин «информационное общество» был использован в докладе японских исследователей во второй половине 60-х гг. прошлого века. Это понятие отражало вероятный сценарий развития человеческой цивилизации, которая будет все активнее использовать достижения компьютерных и информационных технологий [3, с. 14]. Современные направления развития общества свидетельствуют о все возрастающем значении ИТ. Электронное государственное управление становится новой формой деятельности органов государственной власти. Оно создает открытость функционирования государственной власти, обеспечивает большую доступность к ней со стороны граждан и юридических лиц. ИТ становятся инструментом публичного управления [4, с. 3–12]. «Инновационные процессы на базе информационных технологий и сетевых коммуникаций – это те окна, через которые человек осознает свое присутствие в обществе в целом, свое место и роль в его культурной и производственной структурах» [1, с. 15]. Информатизация является новым этапом эволюции социально-экономических и социально-политических отношений между государством и обществом. Ведь многие традиционные способы регулирования утрачивают свой эффект. Кроме того, возрастает объем знаний, сохранить который и эффективно использовать без ИТ становится все труднее. Надо учитывать также существенное ускорение общественных процессов, что также влияет на необходимость развития ИТ.

В настоящее время прогресс и модернизация возможны только при условии основательного использования информационных технологий. Использование ИТ должно получить свое широкое внедрение в сфере государственного управления. Это объективный процесс. Стимулируют реализацию ИТ принимаемые на общегосударственном уровне соответствующие законодательные акты и программы. Ранее выдвигались идеи электронного правительства, сейчас уже говорят об электронной демократии, даже используют понятие «электронный гражданин» [5, с. 7]. Это отражает процесс все большего охвата общественных отношений электронными технологиями. Как уже было отмечено, использование электронных технологий обеспечивает прямое участие граждан в управлении делами государства и решении ими своих социальных вопросов.

Электронное государственное управление решает важную государственную задачу снижения уровня бюрократии, сокращения количества чиновников, направлено на исключение дублирования функций. А.Л. Бутенко определяет электронное государственное управление не только как «определенный тип функционирования системы государственной власти (государственного управления), основанный на использовании компьютерных информационных технологий», но и как «специфическую форму политической коммуникации между государственными (муниципальными) органами власти и социально-общественными субъектами (гражданами, бизнес-структурами, негосударственными некоммерческими организациями и т.п.)» [5, с. 14]. Он же подчеркивает принципиальное отличие электронного управления от традиционного: оно обеспечивает оперативную обратную связь всех субъектов отношений. На сайтах государственных органов следует создать портал, на котором была бы возможность высказывать предложения по совершенствованию деятельности властных структур, их должностных лиц.

ИТ обеспечивают интерактивное взаимодействие представителей государственного аппарата и граждан без посредников. Консультации, общение бизнес-сообщества и власти – все это важные составляющие современного развития государства и общества. ИТ ведут к структурным изменениям всех сегментов управления, усиливают взаимный контроль государства и граждан, способствуют самоорганизации общества, искоренению негативных явлений, например, коррупции.

Электронное государственное управление самым существенным образом влияет на оптимизацию отношений органов власти и граждан. Прежде всего, обеспечивается прямое участие граждан в управлении делами государством. Речь можно вести об элек-

тронной демократии, которая зарубежом получает все большее развитие. Электронная демократия – на современном этапе важнейший инструмент повышения активности граждан. Она является важным средством возвращения от представительной демократии к демократии непосредственной. Применение информационных технологий уже широко апробировано зарубежом при проведении выборов. В наших условиях можно было для начала в порядке эксперимента провести выборы в один из городских Советов депутатов посредством интернет-голосования. В целом важно обеспечить доступность гражданам к телекоммуникационной сети. Этому способствует открытие общественных пунктов, где можно воспользоваться информационно-телекоммуникационной инфраструктурой.

Российский ученый И.Л. Бачило акцентирует внимание на трех вопросах, которые требуют своего решения в целях системного видения правового регулирования отношений в связи с внедрением ИТ. Это касается применения и легализации электронного документа и ведения электронного документооборота; официального контроля за служебной и деловой информацией в форме ее голосовой трансляции; централизации и укрупнения источников информации [1, с. 18–19]. При этом она справедливо обращает внимание на ряд факторов, которые следует учитывать в процессе информатизации, а именно: степень готовности системы государственной власти и иных субъектов публичной власти действовать согласованно в освоении ИТ; организация деятельности структур, относящихся к электронному правительству; проблема человеческого фактора; культура работы законодательных и иных нормотворческих органов [1, с. 21–22].

Конечно, нельзя видеть в использовании ИТ только позитивные моменты. Здесь много и негативного: например, отрицательное воздействие на граждан (особенно на детей) информации, посвященной употреблению наркотиков, формированию психологии вседозволенности; размещение экстремистских материалов и т.п. Говоря о методах государственного воздействия на интернет-среду, А.Л. Бутенко критически относится к практике удаления неудобных интернет-сайтов или искусственного ограничения доступа к ним. Основной довод состоит в том, что такая деятельность противоречит международному и российскому праву. Поэтому следует прибегать к убедительной дезинформации [6, с. 19]. С такой «либеральной» трактовкой нельзя согласиться. Общество и государство имеют право защищаться, прибегая в том числе и к мерам государственного принуждения.

Справедливо отмечает Д. Марушко, что переход органов государственного управления к системам информатизации учрежденческой деятельности позволит «лучше обслуживать граждан (при работе с электронными документами время поиска и реакции на запрос гораздо меньше, чем при работе с бумажными документами: следовательно, гражданин, получающий ответ быстрее, чем ранее, естественно, удовлетворен гораздо больше), управлять информацией более эффективно, обеспечивать безопасность документов, увеличивать производительность труда (технологии workflow и groupware предоставляют возможность взаимодействовать сотрудникам внутри всех подразделений учреждения, что позволяет избежать дублирования функций и задач и, следовательно, еще снизить затраты)» [6].

Электронные технологии следует использовать при формировании планов (прогнозов) экономического и социального развития, при выработке прогноза последствий принятия законов и иных законодательных актов, программ, утверждаемых на уровне Правительства. При этом проекты указанных юридических документов, имеющих важное значение для граждан, публиковать для общественного обсуждения.

Заключение

Развитие и дальнейшее внедрение информационных технологий позволит максимально использовать потенциал граждан, их общественных формирований в целях нахождения и реализации эффективных путей государственного управления. Полезно при этом, чтобы внедрение информационных технологий сопровождалось сокращением числа чиновников. В этом также заключается один из позитивных моментов развития информационного общества и электронного правительства. Работать в этом направлении – важная и необходимая задача государственных органов, общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачило, И.Л. Общество, государство и современные информационные технологии / И.Л. Бачило // Информационные технологии : Инновации в государственном управлении : сб. науч. тр. / РАН; ИГП. Сектор информ. права; ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения ; отв. ред. – Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. – М., 2010. – 238 с.
2. Алферова, Е.В. Информационные технологии в государственном управлении: новые возможности / Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: сб. науч. тр. / РАН; ИГП. Сектор информ. права; ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения ; отв. ред. – Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. – 2010. – 238 с.
3. Кузьмин, А.М. Принципы управления в глобальном информационном обществе : учеб.-метод. пособие / А.М. Кузьмин. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – 192 с.
4. Овчинников, С.А. Создание «электронного правительства» и некоторые проблемы защиты информационных технологий при документировании управленческой деятельности / С.А. Овчинников // Социально-экономические проблемы развития России. – Вып. 2. – Саратов : ИЦ СНСЭУ, 2004. С. 3–12.
5. Бутенко, А.Л. Электронное государственное управление в системе взаимодействия власти и общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.Л. Бутенко. – Саратов, 2009. – 23 с.
6. Марушко, Д. Государственное управление: основные подходы к информатизации учрежденческой деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nestor.minsk.by/sr/2004/08/40801.html>.

Vasilevich S.G. Electronic Technologies – Important Tool for Improving Efficiency of Public Administration

The article discusses the use of electronic technology as an important means of improving the efficiency of public administration. The necessity of the development of e-democracy in Belarus is grounded.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.09.2014

УДК 343

*В.В. Лосев, Е.В. Романюк***ПРИЧАСТНОСТЬ К САМОУБИЙСТВУ:
ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ**

В статье исследуется проблема криминализации деяний, образующих причастность к самоубийству. На основе исторического и сравнительно-правового анализа предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь, в частности, криминализировать содействие самоубийству, попустительство самоубийству и пропаганду самоубийства, что позволит восполнить недостающие элементы в системе уголовно-правовых норм, направленных на защиту жизни человека и общественной нравственности.

Введение

В процессе исторического развития на различных этапах формирования общества в зависимости от преобладавших социальных, идеологических и этнокультурных представлений взгляды на самоубийство, т.е. добровольный уход человека из жизни, существенно менялись. Изменялась также моральная оценка и правовая квалификация самоубийств (норма, героизм, грех, преступление).

О. Левицкий в своей статье, опубликованной в ежемесячном историческом журнале «Киевская старина» (1891 г.), высказал интересное мнение, что самоубийство – это акт, противоречащий законам природы, он совсем неизвестен в мире животных и составляет печальную привилегию одного человека, и то лишь на высших ступенях его умственного развития. Первобытные народы не знали, что такое самоубийство. У древних греков самоубийства встречались крайне редко; только после Пелопонесской войны среди населения развилась болезненная склонность к самоубийству и затем достигла наибольшей напряженности в то время, когда Греция попала под власть Рима. У римлян во времена республики не замечалось склонности к самоубийству, она появилась только в эпоху империи и под влиянием отчасти стоической философии распространилась по всему государству. Уже в I в. до н.э. весь древний мир придерживался пессимистического мировоззрения. Самоубийства на фоне пресыщения жизнью в это переходное время стали довольно частым явлением. В Греции и в Риме, в Египте и на Востоке люди были несчастливы, недовольны, утомлены жизнью и часто решались добровольно прекратить свое существование. С распространением христианства исчезает склонность к самоубийству. В средние века (по крайней мере, в Западной Европе) это явление было не распространено [1].

Д. Эльмурзаев, анализируя в своем научном труде самоубийство в оценке философов и юристов прошлого, указал, что в буддизме, существующем в виде двух вариантов: Махаяны, или ламаизма (распространена на Тибете, среди бурят и монголов), и Хинаяны, или «малой колесницы» (преобладает в Китае, Японии и странах Южной Азии) – суицид понимается с учетом веры в бесконечность перерождений («сансару»). Прекратить жизнь в состоянии только Будда, мирянину же это абсолютно не доступно. Самоубийство не может прервать «сансару», а только лишь приводит к дальнейшему перерождению, но уже в облике не человека, а животного или голодного демона. Истинный буддист категорически отвергает самоубийство, так как подобная перспектива его никак не привлекает. Буряты издревле верят, что души людей, покончивших с собой, превращаются в мучителей своих родственников [2].

О. Левицкий сделал вывод, что у древних народов самоубийство не считалось предосудительным, а в иных случаях, смотря по тому, какими побуждениями руководился самоубийца, его считали даже похвальным действием; так, например, смотрели на религиозное самоубийство индийцы и на политическое – римляне. Вообще же мож-

но сказать, что в древнем мире преобладало безразличное отношение к этому явлению. По римскому праву, за покушение на самоубийство наказывались только солдаты, однако и эта мера была вызвана исключительно военными, а не этическими соображениями, подобно тому, как наказывалось членовредительство, совершаемое с целью уклонения от военной службы. Только раннее христианство и мусульманство впервые внесли в мир понятие о самоубийстве как о греховном действии. Во многих средневековых кодексах самоубийство было возведено в степень тяжкого уголовного преступления, одно лишь покушение на которое наказывалось смертью, как покушение на убийство; оконченное же самоубийство влекло за собою конфискацию имущества самоубийцы, уничтожение силы его духовного завещания и позорное погребение рукою палача. Обряды этого погребения, сходные по характеру бесцельной жестокости и первобытной грубости, в различных странах имели свои местные отличия. Со времен Петра I средневековые воззрения на самоубийство были перенесены и в русское законодательство [1]. В большинстве современных стран самоубийство рассматривается как социально негативное явление и причастность к самоубийству представляет общественную опасность.

Сами по себе самоубийство и покушение на самоубийство в настоящее время уголовно наказуемы лишь в немногих странах, хотя еще в начале XX в. ответственность за самоубийство была распространена довольно широко. В штате Нью-Йорк покушение на самоубийство считалось преступлением до 1919 г. В законодательстве Великобритании с XIII в. до 1961 г. самоубийство являлось преступлением и наказывалось тюремным заключением, если самоубийца выживал. Если попытка самоубийства заканчивалась смертью, то имущество семьи покойного могло быть конфисковано в пользу монарха. Еще в 1955 г. на Британских островах состоялся процесс, по итогам которого подсудимого приговорили к двум годам тюрьмы. Вслед за Англией покушение на самоубийство было декриминализовано в некоторых ее бывших колониях. В Канаде, к примеру, это произошло в 1972 г., в Ирландии самоубийство считалось уголовным преступлением до 1993 г. И сейчас в ряде стран с англо-саксонской системой права самоубийство остается уголовно наказуемым деянием. В Индии до настоящего времени действует закон, согласно которому попытка самоубийства наказывается лишением свободы на срок до 1 года и/или штрафом. В Сингапуре попытка самоубийства также наказуема заключением на срок до 1 года. За пределами семьи английского общего права данный состав уже почти не встречается. Можно упомянуть Уголовный Кодекс (далее – УК) Гондураса или Коста-Рики, которые содержат статьи о покушении на самоубийство, но они предусматривают не наказание, а применение мер безопасности в виде психиатрического лечения [3].

Рост числа самоубийств и их распространенность опасны для общества. Это очевидно. Вместе с тем общественно опасными являются и действия, которые можно объединить понятием «причастность к самоубийству». Общественно опасная причастность к самоубийству, на наш взгляд, может выражаться в таких формах:

- 1) доведение до самоубийства,
- 2) склонение к самоубийству (подстрекательство к самоубийству),
- 3) содействие самоубийству (пособничество самоубийству),
- 4) попустительство самоубийству,
- 5) попустительство пропаганде самоубийства.

Доведение до самоубийства в силу очевидности общественной опасности давно уже известно уголовному законодательству не только Республики Беларусь, но и многих других стран. Доведение до самоубийства выделяется как самостоятельный состав преступления (ст. 145 УК Республики Беларусь) и как разновидность тяжких последствий в ряде составов преступлений, что разъясняется в постановлениях Пленума Вер-

ховного Суда Республики Беларусь. Склонение к самоубийству – новый состав преступления против жизни, впервые это деяние было криминализовано в УК Республики Беларусь 1999 г. Остальные названные деяния, образующие причастность к самоубийству, в Беларуси не криминализованы, хотя, на наш взгляд, представляют повышенную общественную опасность.

В уголовных законах зарубежных стран криминализованы различные случаи причастности к самоубийству. Установлена ответственность за подстрекательство (склонение) к самоубийству (Беларусь, Армения, Кыргызстан, Туркменистан, Австрия, Индия, Италия и др.), доведение до самоубийства, помощь (содействие) самоубийце (Дания, США (штат Нью-Йорк), Тунис, Филиппины, Чили) и даже за одобрение самоубийства (Австралия). Если есть личная заинтересованность, эти деяния наказываются строже, чем при отсутствии ее. В некоторых странах особенно строго наказываются лица, причастные к самоубийству несовершеннолетних и душевно больных.

Уголовная ответственность за подстрекательство и помощь в самоубийстве предусмотрена в уголовных законах Австрии, Аргентины, Бразилии, Великобритании, Венесуэлы, Индии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, Польши, Румынии, США (штат Калифорния), Швейцарии. В Болгарии, Литве, Македонии, Сербии ответственность за подстрекательство и помощь в самоубийстве предусмотрена наряду с ответственностью за доведение до самоубийства. В Дании, США (штат Нью-Йорк), Тунисе, Филиппинах, Чили наказуема только помощь самоубийству, но не подстрекательство к нему. Только подстрекательство к самоубийству наказуемо во Франции. В ряде государств: Босния и Герцеговина, Великобритания, Македония, Норвегия, Сербия, Швеция, Судан, США (штат Нью-Йорк) – такие формы доведения до самоубийства, как подстрекательство и помощь самоубийству, а также доведение до самоубийства несовершеннолетнего, малолетнего или невменяемого, квалифицируются как убийство.

В Армении, Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине, так же, как и в Беларуси, преступления, связанные с самоубийством, относятся к группе преступлений против человека (личности), а именно к преступлениям против жизни и здоровья.

В Армении, Беларуси, Кыргызстане уголовная ответственность установлена за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству. В Туркменистане составы склонения к самоубийству и доведения до самоубийства объединены в одной статье. Только одна статья, посвященная причастности к самоубийству (доведение до самоубийства), имеется в УК Азербайджана, Казахстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины.

В УК Армении, Кыргызстана и Туркменистана предусмотрен открытый перечень способов склонения к самоубийству: «возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство путем уговора, обмана или иным путем». В УК Беларуси способ не указан, в статье имеется квалифицированный состав – склонение к самоубийству двух или более лиц либо заведомо несовершеннолетнего.

В уголовных законах названных государств установлена уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Имеются некоторые различия, касающиеся способов доведения до самоубийства, наличия обстоятельств, образующих квалифицированный состав, и личности жертвы.

В большинстве государств законодатели придерживаются подхода, согласно которому доведение до самоубийства лица, никаким образом не зависящего от виновного, составляет основной состав преступления, а доведение до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, составляет квалифицированный состав (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина).

В Азербайджане доведение до самоубийства лица, находившегося в материальной, служебной или иной зависимости от виновного, составляет основной состав преступления. В УК России и Туркменистана для этого состава преступления данный признак не предусмотрен совсем.

В УК некоторых странах прописаны другие обстоятельства, образующие квалифицированный состав: в отношении несовершеннолетнего (Молдова Таджикистан, Туркменистан, Украина); в отношении двух или более лиц (Украина); вследствие жестокого обращения (Молдова). В УК Молдовы ранее были закреплены еще два признака квалифицированного состава доведения до самоубийства: доведение до самоубийства мужа (жены) или близкого родственника и доведение до самоубийства вследствие систематического унижения достоинства потерпевшего (в настоящее время они исключены).

Различия в способах доведения до самоубийства проявляются в перечне методов противоправного воздействия на личность жертвы, которые составляют объективную сторону преступления. Доведение до самоубийства может осуществляться путем «жестокости обращения или систематического унижения личного достоинства (чести и достоинства личности)» (УК Беларуси, Узбекистана); «угроз, жестокого обращения или систематического унижения личного (человеческого) достоинства» (УК Армении, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана); «явившееся результатом травли, клеветы, оскорбления или систематического унижения достоинства потерпевшего» (УК Молдовы); «вследствие жестокого обращения, шантажа, принуждения к противоправным действиям или систематического унижения его человеческого достоинства» (УК Украины); «путем угроз, клеветы, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства» (УК Туркменистана). Как видим, в УК Молдовы предусмотрены еще и такие способы доведения до самоубийства, как травля, клевета, оскорбление, в УК Туркменистана – клевета, в УК Украины – шантаж и принуждение к противоправным действиям.

В Казахстане имеются разъяснения Верховного Суда по проблемам квалификации доведения до самоубийства: пункт 29 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1 «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» гласит, что «обязательным условием ответственности за доведение до самоубийства является наличие угроз, систематического унижения человеческого достоинства, фактов жестокого обращения, травли или издевательств виновного над потерпевшим».

Помимо прописанных в уголовных законах, в том числе в УК Республики Беларусь, доведения до самоубийства и склонения к самоубийству, общественную опасность представляют и иные случаи причастности к самоубийству.

При криминализации деяний, образующих причастность к самоубийству, и формулировании в уголовном законе понятий таких преступлений необходимо учитывать следующее. Само по себе самоубийство – не преступление. Поэтому причастность к самоубийству нельзя называть «соучастием» в самоубийстве, а понятия института соучастия в преступлении не могут автоматически переноситься на деяния, образующие причастность к самоубийству. В УК Республики Беларусь 1999 г. это учтено: в ст. 146 установлена уголовная ответственность за «склонение к самоубийству», которое определено как «умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство». Нельзя говорить о пособничестве самоубийству. Помощь самоубийце – это оказание содействия самоубийству.

С учетом общественной опасности предлагается криминализировать такие деяния, как «склонение к самоубийству», «попустительство самоубийству» и «пропаганда самоубийства».

Заключение

Ответственность за склонение к самоубийству и попустительство самоубийству установить в главе 19 «Преступления против жизни и здоровья» УК Республики Беларусь, дополнив ее ст.ст. 146¹ и 146². При этом в составе попустительства самоубийству предусмотреть в качестве потерпевшего только «несовершеннолетнего», а специального субъекта – «лицо, на которое по службе возложены обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо лицо, выполняющее эти обязанности по специальному поручению или добровольно принявшее на себя такие обязанности».

Статья. 146¹. Содействие самоубийству.

1. Содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации или орудий и средств совершения преступления, устранением препятствий либо оказанием иной помощи, а равно заранее данное обещание не препятствовать самоубийству или скрыть его, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него (содействие самоубийству), наказывается исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Содействие самоубийству двух или более лиц либо заведомо несовершеннолетнего наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет или лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья. 146². Попустительство самоубийству.

1. Умышленное невоспрепятствование готовящемуся или совершаемому несовершеннолетним самоубийству лицом, на которое по службе возложены обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо лицом, выполняющим эти обязанности по специальному поручению или добровольно принявшим на себя такие обязанности, при условии, что данное лицо обязано было и могло это сделать, если заведомо несовершеннолетний покончил жизнь самоубийством или покушался на него (попустительство самоубийству), – ограничением свободы на пять лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

2. Попустительство самоубийству двух или более несовершеннолетних либо заведомо малолетнего наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Попустительство самоубийству несовершеннолетнего нельзя квалифицировать как ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 165 УК Республики Беларусь), поскольку в этой статье предусмотрена неосторожная форма вины, а попустительство самоубийству – это умышленное деяние, что требует самостоятельной криминализации. Кроме того, в ст. 165 УК Республики Беларусь в качестве потерпевшего предусмотрен только «малолетний», т.е. лицо, не достигшее 14 лет. Опасность же представляет попустительство самоубийству не только малолетнего, но и несовершеннолетнего (в возрасте до 18 лет).

Такое деяние, как пропаганда самоубийства, на наш взгляд, посягает на общественную нравственность неопределенного круга лиц, в связи с чем его необходимо криминализировать в главе 30 УК, дополнив ее ст. 343²:

Статья 343². Пропаганда самоубийства.

1. Распространение материалов или печатных изданий, а также публичные призывы с целью возбуждения у неопределенного круга лиц желания совершить самоубийство (пропаганда самоубийства) наказываются ограничением свободы на пять лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, пред-

усмотренные настоящей статьей или статьями 145, 146, 146¹ либо 146², либо группой лиц по предварительному сговору, либо с использованием средств массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи, а равно адресованные заведомо несовершеннолетним наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, а равно адресованные заведомо малолетним, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Можно также отметить, что само понятие «самоубийство», которое привычно соотносимо с актом суицида, с точки зрения действующего уголовного права не выдерживает критики. Понятие «убийство» законодательно закреплено в ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь как «умышленное противоправное лишение жизни другого человека». Тогда самоубийство – это «умышленное противоправное лишение жизни другого человека – себя»? Абсурдно, но термин «самоубийство» укоренился в общественном сознании и поэтому продолжает использоваться в том числе и в уголовном праве.

Криминализация деяний, образующих причастность к самоубийству, позволит восполнить недостающие элементы в системе уголовно-правовых норм, направленных на защиту жизни человека и общественной нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левицкий, О. Старинные воззрения на самоубийство и отголосок их в народных обычаях Южной Руси / О. Левицкий // Киевская старина. – № 12. – 1891 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://iht.univ.kiev.ua/library/all-journals/старинные-воззрения-на-самоубийство-и-отголосок-их-в-народных-обычаях-южной-рус>. – Дата доступа : 11.07.2014.

2. Эльмурзаев, Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.И. Эльмурзаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-dovedenie-do-samoubiistva#ixzz3577MoQeH>. – Дата доступа : 11.07.2014.

Losev V.V., Romanyuk E.V. Complicity to Commit Suicide: Perspective of Criminalization

The article investigates the problem of criminalization of conduct which constitutes complicity to commit suicide. Based on historical and comparative legal analysis the ways of improving the criminal legislation of the Republic of Belarus, in particular, to criminalize assisted suicide, condoning suicide and suicide propaganda that would fill the gaps in the system of criminal law to protect human life and public morality are offered.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.10.2014

УДК 340.136

Р.С. Тараборин

ОТ ПЕТРА I К ЕКАТЕРИНЕ II: ПОИСКИ ПУТЕЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В 1725–1867 гг.

В статье рассматриваются попытки систематизации гражданского законодательства Российской империи в период 1725–1867 гг. Рассматриваемый период находится между правлениями Петра I и Екатерины II (1725–1867 гг.) и определяется как период адаптации общества и власти к тем изменениям, которые произошли в первой четверти XVIII в. Поэтому попытки систематизации законодательства исследуются в рамках потребностей общества в продолжении его качественных экономических, социальных, культурных и правовых изменений.

Кодификационные усилия, предпринимавшиеся после смерти Петра I и до правления Екатерины II, отличались однообразием, заключавшимся в создании комиссий и отсутствии реальных результатов их работы, но в то же время и некоторыми новшествами в организации их деятельности.

Последняя петровская комиссия, видимо, действовала и при Екатерине I, но о её деятельности «не сохранилось никаких сведений» [3, с. 249].

Следующая, (четвёртая комиссия) создавалась уже в официальное правление Петра II указом 14 июня 1728 г. «О пополнении прежнего Уложения» [4, № 5287]. В нём устанавливалось, что прежнее Уложение должно быть дополнено таким способом, который устанавливался в указе Петра I от 15 июня 1714 г., а именно посредством разбора всех указов и новоуказных статей с определением тех, которые не противоречат, а дополняют Уложение, а также и «что еще потребно сверх того пополнить». Эти дополнения предполагалось соотнести с соответствующими главами Уложения, рассмотреть дополненный текст по частям в Сенате, а затем утвердить в Верховном тайном совете. Ставилась задача, «дабы то всеполное Уложение могло быть установлено и утверждено в непродолжительном времени» [4, № 5287].

Последнее указание, по всей видимости, можно считать косвенным признанием настоящей потребности власти навести наконец порядок в существующем законодательстве, продиктованной сложностями судопроизводства («дабы во всем Государстве был суд равный и справедливый без всякой волокиты» [4, № 5287]).

Очевидной новизной в данном указе отличалось положение о том, что для выполнения намеченной работы необходимо направить в Москву выборных от офицеров и дворян (по 5 человек) от каждой губернии, кроме Эстляндии, Лифляндии и Сибири («добрых и знающих людей»). При этом требовалось, чтобы они прибыли до 1 сентября «без всякого отлагательства», что подтверждает стремление авторов указа быстрее осуществить намеченную работу по составлению нового Уложения [4, № 5287].

Однако вскоре выявились трудности с присылкой выборных лиц: никто не явился к 1 сентября, и в дальнейшем, несмотря на все требования и угрозы Сената, были многочисленные задержки, так что выборные собрались только к началу декабря 1728 г. Весной 1729 г., согласно новому указу, было решено их отправить обратно, а вместо них губернаторам было приказано выбрать по два человека, «по тому делу достойных»: «О последствиях этого указа и вообще о дальнейшем ходе дела никаких сведений не сохранилось» [3, с. 250–251].

Однако потребность в упорядочивании законодательства оставалась настолько актуальной, что 1 июня 1730 г. появляется именной указ новой императрицы Анны Иоанновны с красноречивым названием – «О немедленном окончании начатого Уложения и об определении к сочинению оного добрых и знающих людей из шляхетства, ду-

ховенства и купечества и о поднесении каждой конченной главы к Высочайшему утверждению». В указе прямо утверждалось, что «ничто так нужно к праведному и незазорному суду, как совершенное Уложение» [4, № 5567].

Главная задача нового учреждения, получившего название «Комиссии Уложенной», состояла – в отличие от предыдущих комиссий, которые ориентировались на дополнение и исправление Соборного уложения, – в сочинении нового Уложения, причём вновь вернулись к возможности заимствований из иностранного законодательства. Но поскольку работа протекала слишком медленно на фоне значительных затруднений в деятельности судов и органов государственного управления, то было решено вернуться к составлению сводного текста Уложения [2, с. 17–18]. 6 февраля 1735 г. Анна Иоанновна наложила резолюцию на доклад Академии наук «О напечатании вновь прежнего Уложения для всенародного употребления»: «Прежнее Уложение, также Уложение Сводное с указами из Сената, выправя, отдать и велеть печатать» [4, № 6686].

Однако выполнение этого повеления императрицы столкнулось с отсутствием самого Сводного уложения, из которого были готовы только две главы, и те требовали дополнений. В результате было решено поручить приказам и коллегиям сначала собрать действующие в них законы и сделать по каждой части отдельные своды, которые потом можно будет собрать в одно целое. Но перегруженные текущими делами указы и коллегии не справились с возложенными на них задачами, ограничившись лишь подготовкой к пересмотру уже составленных двух глав нового Уложения: Вотчинной и Судебной [2, с. 19–20].

В итоге в 1741 г. Уложенная комиссия прекратила свою деятельность, «не оставив никаких почти следов десятилетнего своего существования» [3, с. 254].

Вскоре после своего восшествия на престол, уже 12 декабря 1741 г., императрица Елизавета Петровна в указе, посвящённом восстановлению власти Сената, повелела разобрать недействующие и подлежащие отмене узаконения («оним сделать особый реестр») от ныне действующих [4, № 8480].

Подобный разбор, по сути, привёл бы к составлению свода действующих законов. Эта работа продолжалась более 13 лет: с 1741 по 1754 г. часть указов была разобрана в Сенате [2, с. 21].

Но в августе 1754 г. последовал неожиданный поворот. Сенат, ссылаясь на повеление императрицы «о сочинении ясных и понятных законов по обстоятельству нынешних времен», постановил «для лучшего и скорейшего рассмотрения Уложения и указов, по которым бы все сомнения пресечены, недостатки дополнены, а излишки исключены были», учредить при Сенате комиссию и опубликовать план к сочинению нового Уложения [4, № 10283].

Согласно этому плану, Уложение должно было состоять из четырёх частей, посвящённых соответственно: суду и судопроизводству (30 глав); «правам, которые поданным в Государстве по разному их состоянию персонально принадлежат» (21 глава); движимому и недвижимому имуществу и касающимся его договорным отношениям (23 главы); розыску, казням, наказаниям и штрафам (65 глав) [4, № 10283].

Позднее комиссия, получившая наименование «Комиссия сочинения Уложения», была разделена на две: общую и частную. Предметом Общей комиссии стало составление Уложения: «1) по делам судным; 2) по делам уголовным; 3) по делам вотчинным; 4) о праве состояния людей в государстве». Частные комиссии образовывались при Коллегиях. В них составлялись Уставы по делам государственного управления. Подготовленные в комиссиях проекты подлежали рассмотрению в Сенате [2, с. 22].

Таким образом, составление нового Уложения предполагалось, по сути, осуществить по отраслевому принципу, что, безусловно, можно расценить как важнейший ка-

чественный сдвиг в понимании содержательной и формальной сторон процесса систематизации российского права.

К сожалению, этот сдвиг «в теории» на практике не привёл к получению необходимых результатов. Частные комиссии не смогли выработать ни одного устава для государственных учреждений. Общая комиссия составила проекты законов о суде, об уголовных делах и правах состояния, но, будучи представлены общему присутствию Сената и Синода в 1755 г., они затем были переданы на утверждение императрице, но утверждения не последовало [2, с. 23–24].

Видимо, по мнению М.М. Сперанского, которого принято считать автором «Обозрения исторических сведений о Своде законов», решение Елизаветы Петровны было связано с её планами привлечь к составлению Уложения депутатов [2, с. 24].

Эти планы действительно были осуществлены путём объединения прежних, Общей и Частных комиссий, в новую – седьмую по счёту, во главе которой были поставлены два сенатора. Состав комиссии дополнялся выборными депутатами от дворянства, духовенства и купечества. Задачей новой комиссии стал пересмотр и исправление проектов, разработанных в 1754 г., но не утверждённых императрицей. Депутаты собрались уже после её кончины и восшествия на престол Петра III, открыли заседания, но затем в связи с коронацией Екатерины II заседания прервались и в начале 1763 г. депутатов распустили по домам. Комиссия работать продолжала до 1767 г., но никаких положительных результатов её деятельности не осталось [2, с. 26–27].

Однако подготовленные в 1754 г. три части Уложения были в 1763 г. переданы Екатерине II, и, возможно, новая императрица первоначально хотела воспользоваться этими наработками, но потом обратилась к идее созыва новой комиссии из депутатов [1, с. 67–68].

В сфере гражданского права данный период времени можно определить как период адаптации общества и власти к тем изменениям, которые произошли в первой четверти XVIII в. Толчок к развитию социальной дифференциации, который был дан петровскими реформами, привёл этот процесс в движение, но темпы его существенно замедлились. Осознание дворянством своих сословных прав, которое могло стать источником роста его потребности в отделении частного права от публичного, было приторможено событиями 1730 г.

Поэтому основные усилия власти в законодательстве оказались сосредоточены в систематизации существующих правовых установлений и/или в частных преобразованиях в тех областях, которые непосредственно были связаны с задачами поддержания военно-экономической мощи государства на уровне, соответствующем имперским притязаниям (наиболее ярким проявлением которых стало участие России в не затрагивавшей её непосредственные интересы Семилетней войне). Отсюда, например, проистекал целый ряд мер, принимавшихся и при Анне Иоанновне, и при Елизавете Петровне, по регулированию промышленности в её крепостническом варианте.

Единственный крупный шаг в развитии гражданско-правовых отношений – принятие Устава вексельного 1729 г., официально распространившего данную форму денежных отношений на сферу частного оборота [4, № 5410] – явился не более чем продолжением одной из сторон промышленно-торговой политики Петра I, основанной на государственном протекционизме.

Принятие этого устава в значительной мере объяснялось потребностями казны, но одновременно оно содействовало и интересам российского купечества, что отмечалось в тексте преамбулы. На практике это касалось, в первую очередь, облегчения торгового оборота российского купечества внутри страны и с границей, так как вексельный оборот позволял переводить деньги из города в город и из одной страны в другую.

Устав вексельный в основных своих положениях был схож с аналогичными документами, существовавшими в европейских странах, но историками права считается самостоятельным документом, хотя, безусловно, и учитывавшим принятые в Европе нормы обращения с векселями.

Важное значение в утверждении частных прав участника вексельного оборота имел 1-й пункт 1-й главы Устава, устанавливавший, что подписи, делавшиеся на векселе лицами, участвующими в вексельном отношении, не нуждаются в подтверждении свидетелями: векселя «действительны есть собою» и приемлются «за одними руками тех, кто вексель дает, подписывает и принимает» [4, № 5410].

Принятие данного устава, конечно, можно считать важным шагом на пути развития торгового права, входящего в сферу действия гражданско-правовых отношений, подтверждением возникновения представления о дуализме частного права, но отсутствие на протяжении последующих десятилетий ещё каких-либо новаций в законодательной деятельности государства в области этих отношений лишь подтверждает общую оценку тридцати с лишним десятилетий, последовавших за правлением Петра I, как времени стагнации модернизационных процессов.

В то же время подобная стагнация постепенно создала тот разрыв между объективными потребностями общества в продолжении преобразований и политикой власти, который при смене личности, занимающей трон, мог достаточно быстро трансформироваться в новый тур преобразований, открывающих дорогу продолжению качественных экономических, социальных, культурных и правовых изменений в обществе. Как замечал А.С. Лаппо-Данилевский, «потребность в новом своде законов или уложении продолжала чувствоваться тем сильнее, ...чем значительнее были перемены, которые успели обнаружиться со времени преобразований Петра Великого до половины шестидесятых годов прошлого века» [1, с. 68].

С этой точки зрения в целом модернизационный (хотя и не без оговорок) сдвиг в российском обществе, включивший и существенные перемены в законодательной сфере, которым ознаменовались годы правления Екатерины II, был случайностью только с точки зрения набора личных качеств, который оказался присущ новой императрице, но не с точки зрения закономерностей самого модернизационного процесса, в котором после спада должен был наступить новый подъём или решительный откат назад (к допетровским временам).

Естественно, основной интерес в этом сдвиге для нас представляют его правовые аспекты, а именно – изменения в решении кодификационных вопросов и взаимосвязанные, но и обладавшие самостоятельностью, изменения в гражданском законодательстве Российской империи.

Следовательно, суммируя анализ кодификационной работы 1725–1767 гг., нельзя не отметить следующих её характерных черт:

- во-первых, постоянное присутствие данной проблемы в поле внимания российских монархов и Сената;
- во-вторых, очевидную актуальность кодификационной потребности, в первую очередь, в силу трудностей, возникавших в судебной и управленческой практике;
- в-третьих, колебание власти между двумя возможными путями решения проблемы: дополнение Соборного уложения законами, отражающими происходящие в стране изменения, или создание нового Уложения, адекватного нынешнему состоянию общества (иначе говоря, колебание между сводом и кодексом);
- в-четвёртых, наличие общей тенденции к систематизации законодательства путём его упорядочивания по отраслевому принципу;
- в-пятых, стремление привлечь к созданию нового Уложения или исправлению старого представителей сословий, главным образом, дворянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаппо-Данилевский, А.С. Собрание и Свод законов Российской империи, составленные в царствование Императрицы Екатерины II / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб. : Тип. «В.С. Балашевъ и Ко», 1897. – 145 с.
2. Обзорение исторических сведений о Своде законов. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – 204 с.
3. Пахман, С.В. История кодификации гражданского права / С.В. Пахман. – СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. – Т. 1. – [2], 2, VI, 472 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). – СПб., 1833. Т. VIII, т. IX, т. XI, т. XIV.

Taraborin R.S. From Peter I to Ekaterina II: Search of Ways to Systematize the Russian Civil Legislation in 1725–1867

In the article the author examines the attempts to systematize the civil legislation of Russian Empire in 1725–1867. The period under examination is between the reign of Peter I and Ekaterina II (1725–1867). This period is defined like a period of adaptation of society and authorities to the changes that took place in the first quarter of the XVIII c. That is why the attempts to systematize legislation are being examined according to the requirements of society during significant economic, social, cultural and legal changes in the society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.06.2014

УДК 342.9

О.В. Гурина

ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО НАДЗОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Статья посвящена исследованию такого элемента правового статуса органов государственного энергетического надзора Республики Беларусь, как функции. Несмотря на важность и значимость данного элемента, его формализация в действующем белорусском законодательстве не осуществлена. Автором изучается правовая доктрина, проводится комплексное исследование законодательства Республики Беларусь, а также осуществляется сравнительно-правовой анализ соответствующих правовых норм стран Евразийского союза в целях формирования представления о функциях органов государственного энергетического надзора Республики Беларусь. Вырабатываются предложения по закреплению рассматриваемой правовой категории в Положении о государственном энергетическом надзоре в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 26 от 10 января 1998 г.

Введение

Функции занимают важное место в правовом статусе органов государственного управления. Именно в зависимости от объективной потребности в реализации тех или иных функций и создаются соответствующие органы, производится их специализация, определяется инструментарий, с помощью которого будут решаться поставленные задачи. Благодаря четкому правовому регулированию данного элемента правового статуса осуществляется точное распределение нагрузки между органами государственного управления, исключается дублирование их полномочий. В то же время исследование норм Положения о государственном энергетическом надзоре в Республике Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 января 1998 г. № 26 [1] (далее – Положение о госэнергонадзоре Республики Беларусь) позволяет утверждать, что функции органов государственного энергетического надзора Республики Беларусь (далее – органы госэнергонадзора Республики Беларусь) в нем не закреплены.

Следует отметить, что вопросы осуществления функций органов административного надзора затрагивались в работах А.Н. Крамника, С.М. Зырянова, А.П. Шафранова, И.В. Потокина и др. Однако специальных исследований функций органов государственного энергетического надзора не проводилось. Цель настоящей статьи – путем исследования правовой действительности и доктринального материала сформировать представление о функциях органов госэнергонадзора Республики Беларусь и выработать предложения по их нормативному закреплению.

В научной литературе содержатся различные подходы к дифференциации функций органов административного надзора. Так, по мнению С.М. Зырянова, «основная функция, осуществляемая органами административного надзора, – собственно функция надзора. Кроме того, должны быть названы общие функции органа управления: учет, планирование, прогнозирование, отчетность и т.д.» [2, с. 205]. В свою очередь, функция административного надзора может быть разделена на функции «наблюдения, мониторинга, проведения проверок, пресечения правонарушений, применения мер предупреждения» [2, с. 54].

А.В. Мартынов считает, что функциями административного надзора являются правозащитная, правоохранительная и организационно-правовая [3, с. 141]. По мнению И.В. Потокина, административно-контрольный (надзорный) орган выполняет «функцию административного контроля (надзора), функцию административного регулирова-

ния (лицензионно-разрешительная, учетно-регистрационная и согласовательная деятельность), функцию административного удостоверения фактов, имеющих юридическое значение (проведение экспертиз, исследований, сертификации, аттестации), функцию административно-технического расследования техногенных катастроф, аварий, происшествий и иных инцидентов, функцию привлечения физических и юридических лиц, совершивших административные и иные правонарушения, к административной и иным видам публично-правовой ответственности» [4, с. 9–10]. С.Н. Назаров, ссылаясь на «обусловленность функций надзорных органов функциями права и государства», выделяет «правоохранительную и правозащитную надзорные функции» [5, с. 25].

По нашему мнению, при определении функций надзорного органа следует исходить из правоохранительного и управленческого потенциалов административного надзора. Так, основываясь на его правоохранительном потенциале в первую очередь следует назвать собственно функцию административного надзора. Представляется, что данная функция может быть дифференцирована на следующие подфункции:

1. Правоохрана, т.е. деятельность органа административного надзора, направленная на оценку соответствия деятельности поднадзорных субъектов требованиям межотраслевых специальных норм законодательства. Например, в соответствии с абз. 2 п. 5 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь органами госэнергонадзора Республики Беларусь проверяется выполнение требований нормативных правовых актов, в том числе технических нормативных правовых актов, устанавливающих правила устройства, технической эксплуатации и техники безопасности при эксплуатации электрических и теплоиспользующих установок.

2. Предупреждение, под которым мы понимаем деятельность органа административного надзора, направленную на профилактику правонарушений, выявление условий и обстоятельств, способствующих их совершению и определение мер по их устранению. В частности, согласно абз. 5 п. 5 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь, органы госэнергонадзора Республики Беларусь проводят профилактическую работу по предупреждению электро- и теплотравматизма.

3. Пресечение, т.е. деятельность органа административного надзора, направленная на выявление и пресечение противоправных деяний, обеспечение функционирования поднадзорного субъекта в соответствии с обязательными требованиями путем применения специальных административно-правовых средств. Например, в соответствии с абз. 3 п. 8 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь должностные лица органов госэнергонадзора Республики Беларусь выносят требования (предписания) об устранении нарушений нормативных правовых актов.

Кроме того, к функциям надзорных органов необходимо отнести также юрисдикционную функцию. Так, в п. 12 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь содержится указание на ведение органами госэнергонадзора Республики Беларусь административного процесса. Следует отметить, что в науке административного права, как правило, отстаивается самостоятельность юрисдикционной функции (С.М. Зырянов [2, с. 201], А.П. Шафранов [6, с. 161]). Однако существует и противоположная точка зрения о том, что привлечение виновных к ответственности входит в содержание административного надзора (Д.Н. Бахрах [7, с. 357], Ф.С. Разаренов [8, с. 72]).

Заслуживает внимания и выделенная И.В. Потокиным «функция административно-технического расследования техногенных катастроф, аварий, происшествий и иных инцидентов, создающих угрозу общественной безопасности, осуществляемая посредством проведения соответствующих следственных действий» [4, с. 17]. На особую направленность надзора, «характеризующуюся преобладанием в ней поискового (розыскного) метода», обратил внимание и С.Н. Назаров [5, с. 36].

Необходимо отметить, что такое направление деятельности, как расследование причин аварий на объектах энергетического хозяйства потребителей, характерно и для органов госэнергонадзора Республики Беларусь (абз. 8 п. 5 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь). Однако, по нашему мнению, оно содержит в себе функцию предупреждения (выявление причин и условий аварий, происшествий и принятие мер по их последующему недопущению) и юрисдикционную функцию (привлечение к юридической ответственности лица, виновного в возникновении аварии, происшествия). Кроме того, данное направление деятельности может быть характерно только для органов административного надзора, осуществляющих технический надзор, в силу чего не является универсальным. В то же время, учитывая важность и значимость этого направления деятельности, оно вполне может быть признано в качестве самостоятельной функции.

Среди управленческих функций надзорного органа, по нашему мнению, следует обозначить функцию регулирования, к которой мы относим разрешительную, регистрационную и согласовательную деятельность. Следует отметить, что в науке административного права отношение к указанным видам деятельности неоднозначно. Например, А.Н. Крамник, рассматривая административный надзор как разновидность надведомственного контроля [9, с. 647], относит лицензирование и регистрацию к методам контроля [9, с. 644]. В содержание административного надзора данные направления деятельности включают и некоторые российские ученые (А.Т. Дмитриев [10, с. 81], А.В. Никонов [11, с. 54]). Другие, напротив, отстаивают самостоятельность разрешительной функции (С.М. Зырянов [2, с. 72], С.А. Сергеев [12, с. 47]). И.В. Потокин причисляет государственную регистрацию, выдачу лицензий и специальных разрешений, аккредитацию, согласование, учет лиц, объектов, фактов к функции административного регулирования, наряду с которой автор также выделяет функцию административного удостоверения фактов, имеющих юридическое значение (сертификация, аттестация) [4, с. 17]. В то же время С.М. Зырянов считает, что аттестация относится к разрешительной функции [2, с. 54].

В законодательстве Российской Федерации этот вопрос решен однозначно. Так, в соответствии с подп. б) п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» под функциями по контролю и надзору понимаются:

- 1) осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения;
- 2) выдача органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам;
- 3) регистрация актов, документов, прав, объектов, а также издание индивидуальных правовых актов [13].

Таким образом, вопрос о соотношении разрешительной и надзорной функций является дискуссионным, и его изучение может составить предмет самостоятельного исследования. В то же время отметим, что регулирование органом административного надзора общественных правоотношений путем выдачи лицензий, разрешений, заключений и т.д. является целесообразным и оправданным. Орган административного надзора, опираясь на нормы законодательства, при определенных условиях санкционирует осуществление тех либо иных мероприятий, а затем проверяет точность их реализации, неотступность от заданных параметров. Как верно подмечает С.М. Зырянов, «лицензиро-

вание отдельных видов деятельности без административного надзора за соблюдением лицензиатом условий осуществления лицензируемой деятельности вообще теряет всякий смысл» [2, с. 79].

Справедливость высказанного суждения подтверждается и нормами права. Так, компаративный анализ законодательства Республики Беларусь позволяет выявить такие разрешительные виды деятельности органов госэнергонадзора Республики Беларусь, как выдача заключения о возможности ввода в эксплуатацию электрических и теплоиспользующих установок потребителей, выдача заключения на использование электрической энергии для целей нагрева и т.д. В этой связи следует обозначить и такое направление деятельности органов госэнергонадзора Республики Беларусь, как проверка электротехнического персонала и персонала, эксплуатирующего теплоиспользующие установки потребителей на предмет знания нормативных правовых актов, в том числе технических нормативных правовых актов по вопросам устройства и технической эксплуатации электрических и теплоиспользующих установок (абз. 7 п. 5 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь). Такая проверка знаний представляет собой квалификационный экзамен, дающий право электротехническому персоналу и персоналу, эксплуатирующему теплоиспользующие установки, осуществлять соответствующую деятельность.

Анализируя регулирующую функцию органов административного надзора, следует затронуть и вопрос о возможности осуществления ими нормативно-правового регулирования. Д.Н. Бахрах указывает, что центры надзорных структур в одних случаях «сами утверждают специальные правила (налоговые, санитарные и т.п.), в других – готовят проекты соответствующих актов (федеральных законов, указов Президента РФ, правительственных и ведомственных актов)» [7, с. 355]. В свою очередь, А.В. Мартынов считает, что органы административного надзора как субъекты специальной деятельности отличаются ограниченным правотворчеством. «Для органов административного надзора характерно лишь участие в разработке нормативных актов, издаваемых либо органами законодательной, либо исполнительной власти» [3, с. 151]. В то же время, исходя из анализа правового массива, можно констатировать, что как Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (далее – Ростехнадзор), являющаяся органом государственного энергетического надзора в Российской Федерации, так и Комитет госэнергонадзора Республики Казахстан обладают функциями по нормативно-правовому регулированию (п. 1 Положения о Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 401 [14]; п. 1 и подп. 15 п. 14 Положения о Комитете государственного энергетического надзора Министерства индустрии и новых технологий Республики Казахстан, утвержденного приказом ответственного секретаря Министерства индустрии и новых технологий Республики Казахстан от 2 июня 2010 г. № 97 [15]).

Подобное объединение функций в рамках одного органа государственного управления является объектом критики в научной среде. Так, С.М.Зырянов считает, что «ситуация, когда один орган одновременно определяет государственную политику в определенной сфере деятельности, разрабатывает и утверждает правила ее осуществления, обеспечивает соблюдение этих правил, привлекает к ответственности их нарушителей, а также управляет государственным имуществом и оказывает государственные услуги, приводит к созданию замкнутых сфер управления, утрачивающих связь с внешней средой, к зарегулированию отдельных видов деятельности, создает питательную среду для роста коррупции» [2, с. 162]. А.П. Шафранов, напротив, считает «чрезвычайно удачным управленческим решением наделение Ростехнадзора целым рядом нормотворческих полномочий» [6, с. 54]. Свою позицию он аргументирует тем, что

«должностным лицам надзорных органов в ходе исполнения полномочий по проверке исполнения норм законодательства наиболее отчетливо видны проблемы и коллизии правового регулирования» [6, с. 54].

По нашему мнению, концентрирование у одного органа государственного управления функций административного надзора и нормативного регулирования может привести к нарушению баланса интересов. В то же время накопленный практический материал может быть воплощен в нормах права путем привлечения органов административного надзора к разработке проектов соответствующих нормативных правовых актов. Обратим внимание на то, что именно такой подход закреплен в действующем белорусском законодательстве. Так, в соответствии с абз. 3 п. 6 Положения о госэнергонадзоре Республики Беларусь к компетенции Министерства энергетики Республики Беларусь, как органа, осуществляющего государственный энергетический надзор, отнесена организация разработки соответствующих нормативных правовых актов.

Заключение

Итак, обобщив теоретический и практический материал и опираясь на правовую доктрину, предлагаем следующее нормативное закрепление функций органов госэнергонадзора Республики Беларусь.

«4-1. Органы государственного энергетического надзора в соответствии с действующим законодательством и возложенными на них задачами осуществляют следующие функции:

1) осуществляют надзор за:

– соблюдением юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами обязательных требований при проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, вводе в эксплуатацию энергетических объектов, в части вопросов относящихся к компетенции органов государственного энергетического надзора;

– техническим состоянием и проведением мероприятий, обеспечивающих безопасность при эксплуатации и обслуживании оборудования и основных сооружений электростанций, автономных энергоисточников, электрических и теплоиспользующих установок и сетей юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц (кроме бытовых установок и сетей);

– соблюдением энергоснабжающими организациями мероприятий по обеспечению надежного и качественного энергоснабжения потребителей, соблюдением установленных норм качества электрической и тепловой энергии;

– соблюдением юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами правил снабжения и пользования электрической и тепловой энергии в части вопросов, относящихся к компетенции органов государственного энергетического надзора;

2) осуществляют административное регулирование посредством выдачи разрешений, заключений, осуществления регистрации, согласований по вопросам, относящимся к компетенции органов государственного энергетического надзора;

3) проводят мероприятия профилактического и предупредительного характера, направленные на обеспечение безопасности при производстве, передаче и потреблении электрической и тепловой энергии;

4) применяют в пределах своей компетенции меры ответственности к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, виновным в совершении выявленного нарушения;

5) разрабатывают и согласовывают в пределах своей компетенции нормативные правовые акты Республики Беларусь в области производства, передачи и потребления

электрической и тепловой энергии в сфере технической эксплуатации и техники безопасности, эксплуатационных характеристик оборудования, утверждаемые в установленном порядке;

б) проводят специальные расследования несчастных случаев на производстве, связанных с эксплуатацией электрических и теплоиспользующих установок, а также расследование технологических нарушений в работе объектов энергетического хозяйства (аварий);

7) осуществляют иные функции в соответствии с законодательством Республики Беларусь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Положения о государственном энергетическом надзоре в Республике Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 янв. 1998 г., № 26 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.02.2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

2. Зырянов, С.М. Административный надзор органов исполнительной власти : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / С.М. Зырянов. – М., 2010. – 497 л.

3. Мартынов, А.В. Проблемы правового регулирования административного надзора в России : административно-процессуальное исследование : монография / А.В. Мартынов. – М. : NOTA BENE, 2010. – 548 с.

4. Потокин, И.В. Административно-правовой статус федеральных органов административного контроля и административного надзора : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / И.В. Потокин ; С.-петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 2008. – 30 с.

5. Назаров, С.Н. Надзор в правовой политике России : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Назаров ; Ростов юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д, 2009. – 51 с.

6. Шафранов, А.П. Административный надзор в сфере электроэнергетики в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.П. Шафранов. – М., 2006. – 164 с.

7. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. – 5-е изд. – М. : Эксмо, 2010. – 608 с.

8. Разаренов, Ф.С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении / Ф.С. Разаренов // Вопросы советского административного права на современном этапе / под ред. Ю.М. Козлова. – М. : Госюриздат, 1963. – С. 69–78.

9. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь. Часть I. Управленческое право / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – 672 с.

10. Дмитриев, А.Т. Правовые и организационные проблемы административного надзора органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.Т. Дмитриев. – М., 1998. – 217 с.

11. Никонов, А.В. Организационно-правовые основы административно-надзорной деятельности милиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Никонов. – М., 1998. – 177 с.

12. Сергеев, С.А. Административно-правовой статус ГИБДД как субъекта контрольно-надзорных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.А. Сергеев. – М., 2007. – 217 с.

13. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Рос. Федерации, 9 марта 2004 г., № 314 : в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 22.06.2010 г. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология Проф [Элек-

тронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

14. О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору : постановление Правительства Рос. Федерации, 30 июля 2004 г., № 401 : в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 20.03.2013 г. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

15. Положения о Комитете государственного энергетического надзора Министерства индустрии и новых технологий Республики Казахстан, 2 июня 2010 г., № 97 // Информ.-правовая система «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс] – 2014. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31588. – Дата доступа : 23.09.2014.

Gurina O.V. Functions of Organs of State Energy Supervision of the Republic of Belarus as Part of the Legal Status

The article is devoted to the study of such element of legal status of organs of state energy supervision of the Republic of Belarus as a function. Despite the importance and significance of this element, its formalization in the Belarusian legislation is not implemented. The author studies the legal doctrine, conducts a comprehensive study of the legislation of the Republic of Belarus, and the author also carries out a comparative legal analysis of the relevant legal rules of the Eurasian Union to form the idea of the functions of the organs of state energy supervision of the Republic of Belarus. As a result, the author develops specific proposals to consolidate in the Regulation on state Energy Supervision in the Republic of Belarus, approved by the Council of Ministers of the Republic of Belarus on January 10, 1998 № 26, considered a legal category.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.10.2014

УДК 340.01;340.134

Ю.В. Андрущакевич

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

В статье анализируется эволюция научного исследования института конкретизации как важного элемента правовой реальности с точки зрения становления взглядов на конкретизацию как на научную категорию. Исследованы существующие в литературе взгляды на конкретизацию в дореволюционной, советской и современной литературе.

Введение

Абстрактность, всеобщность правовых норм, оценочный характер многих понятий и технико-юридических средств на фоне интенсивного расширения сфер правового регулирования обуславливает необходимость постоянной и многосторонней детализации действующих правоположений. На современном этапе развития общества и государства в связи с ростом количества субъектов, разнообразия сфер общественных отношений, числа законодательных актов возникает необходимость во всестороннем исследовании конкретизации как научной категории и, прежде всего, эволюции взглядов на нее.

Целью этой статьи является исследование института конкретизации как важного элемента правовой реальности с точки зрения становления взглядов на конкретизацию как научную категорию. Именно это обуславливает постановку задания – изучить существующие в литературе научные взгляды на конкретизацию для их систематизации, классификации и определения эмпирической базы исследования.

Современный уровень развития права предоставляет возможность систематизировать различные взгляды на правоконкретизацию. Научное становление и развитие взглядов на конкретизацию норм права, по нашему мнению, возможно условно разделить на три этапа (периода): дореволюционный, советский и современный.

Интерес к процессу конкретизации права в юридической науке имеет исторически длительный характер. Если обратиться к процессу становления и развития взглядов и учений на конкретизацию правовых норм, то возможно исследовать ее развитие от полного запрета к абсолютной свободе, когда конкретизация становится квазиправотворчеством, т.е. не мнимой, а специфической, не имеющий классического характера. Так, император Юстиниан запретил конкретизировать свои Дигесты, поскольку, по его мнению, вся неясность была устранена и возможность применения Дигестов к каждому конкретному случаю была реальной без конкретизации относительно каждого конкретного дела [1, с. 233]. По мнению многих ученых, основное значение римского права заключается в казуистике римских юристов, которые осуществляли конкретизацию базовых положений права на основе обсуждения и разрешения конкретных дел-казусов, что обеспечивало его жизненность. Вместе с этим следует помнить, что римское право было в своей основе правом судебны [2, с. 641].

В период становления буржуазии (Монтескье, Марат) ученые-юристы требовали точного выполнения законов и высказывались против конкретизации законов судами. Это отображало своеобразную реакцию на всемогущество феодального суда. Однако реальность и необходимость конкретизации правовых норм были важными для практики,

Научный руководитель – С.В. Бобровник, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Киевского национального университета имени Т. Шевченко

поэтому сторонники правоконкретизации приводили разные примеры, которые подтверждали необходимость ее применения в праве. Придя к власти, буржуазия наделяет суд правом конкретизации норм закона в соответствии с его «духом» и «умом». Это право было зафиксировано уже в Кодексе Наполеона. Шла речь о конкретизации (в пределах закона) при формально-юридическом анализе закона согласно постулатам юридического позитивизма, основная идея которого заключалась в том, чтобы признавать как правовые только нормы позитивного права и возводить любое право к нормам, которые действуют в данную эпоху и в данном обществе, не принимая во внимание то, справедливо это право или нет [2, с. 451].

Анализируя ранний период развития представлений о конкретизации права возможно констатировать следующее:

а) впервые был поставлен вопрос о существовании конкретизации как юридической деятельности;

б) отношение к конкретизации имело эволюционный характер: от полного отрицания возможности ее применения к подтверждению важности конкретизации права в практику реализации правоположений;

в) была осуществлена попытка практического воплощения правоконкретизации в судебную практику;

г) была создана основа для дальнейшего совершенствования института конкретизации права.

С началом XX столетия появились и иные взгляды. «Движение свободного права», расширяя понятие права и включая в него «живое право» (как внутренний порядок в союзах, судебное право, создаваемое судьями), наделяет судью более широкими полномочиями, связанными не только с правом конкретизации существующих статей закона, но и возможностью изменять закон в случае пробелов.

Давая оценку правовым исследованиям конкретизации дореволюционного этапа, необходимо учитывать историко-политические особенности того периода, которые связаны с раздробленностью Европы и отсутствием централизации государственной власти судебной системы. Поскольку в анализируемый период не в полной мере сформировались принципы законности, справедливости, равенства сторон перед законом, то все это и привлекло внимания юристов-исследователей к проблематике правоконкретизации, которая сочеталась с проблемами законности в процессе рассмотрения дел. Хотя юристы-теоретики не противопоставляли конкретизацию, подчеркивая неотъемлемое право суда принимать решение по своему усмотрению, однако исследованные исторические реалии, несовершенство государственного строя и системы государственного управления обуславливали ситуацию, при которой было распространено судебное своеволие и бюрократическая судебная волокита, что и стало предметом особенного беспокойства и обеспокоенности упомянутых ученых при изучении понятия правоконкретизации.

К основным признакам дореволюционного периода исследования понятия конкретизации можно отнести следующие:

1) разделение определений конкретизации и толкования норм права;

2) возведение конкретизации права к умению применять нормы законов в конкретной ситуации;

3) определение правоконкретизации самостоятельным регулятором общественных отношений, который возникает в сфере судопроизводства.

Период становления социалистического права, определенный в истории как период культа личности, называют периодом необоснованных репрессий. В это время появляется динамический, приспособленный к новым реалиям подход к конкретизации норм права. Допускается возможность применения отдельных дореволюционных зако-

нов, приспособления их к изменениям в обществе путем конкретизации на основе революционной политики, морали, правосознания, что стало неминуемым. Процесс конкретизации в этот период был поставлен на службу обоснования и оправдания незаконных репрессий. В последующие годы практика и теория конкретизации постепенно исключали возможность произвольного изменения закона путем конкретизации норм права.

В теории советского права понятие «конкретизация» применялось к разным сферам существования права; этим понятием охватывали различные аспекты юридической деятельности: применение права, правотворчество и толкование. Некоторые авторы связывали конкретизацию исключительно с отдельными сторонами правового действия. Общие вопросы конкретизации правовых норм разрабатывались в 50–70 гг. XX ст. Среди основателей этого направления были М.М. Вопленко, Н.Б. Зейдер, К.И. Комиссаров, П.Е. Недбайло, А.С. Пиголкин, Ю.Г. Ткаченко, Г.Г. Шмельова, А.Ф. Черданцев, С.М. Братик, А.Б. Венгеров. Термин «конкретизация», который был сформулирован советской юридической наукой, отражал по существу правотворческий характер судебной практики в советской правовой системе.

По нашему мнению, исследование конкретизации права в советской юриспруденции характеризуется неравномерностью и полярностью в отношении к ней как к категории. Доктрина советской юриспруденции была неоднозначной в оценке понятия конкретизации. Если на этапе становления советской власти судебные органы руководствовались преимущественно «революционным правосознанием», что давало достаточно широкое пространство для применения конкретизированных норм права, который часто выходил за пределы права и превращался в своеволие, то уже в более поздние времена понятия конкретизации было соединено с толкованием и не определялось как отдельная правовая категория в советском праве, подтверждая отрицательное отношение ученых-юристов к отделению конкретизации как самостоятельной правовой категории.

В определенной мере понятие конкретизации было выделено как самостоятельная категория в 60–80 гг. XX ст. В то время были проведены серьезные исследования этого юридического феномена, которые позволили выделить следующие особенности понятия «конкретизация»:

- 1) анализ конкретизации права в пределах правотворчества, правоприменения и толкования;
- 2) конкретизация права рассматривается как средство развития законодательства путем принятия распоряжений, разъясняющих исходные нормы законов и подзаконных нормативных актов;
- 3) конкретизация права определяется как объективное свойство правового регулирования, которое заключается в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности;
- 4) конкретизация права является самостоятельной категорией, которая порождает новое правовое значение и является стадией процесса развития права;
- 5) конкретизация рассматривается как закономерный процесс осуществления права в силу диалектических связей абстрактного и конкретного.

Теоретические исследования конкретизации норм права современного периода характерны для научных трудов Н. Антоновича, Б. Эбзеева, А. Эрдалевского, В. Ершова, Ю. Зайцева, А. Лизогуба, В. Лузина, В. Матвиенко, О. Пидопригоры, В. Селиванова, А. Соболева, А. Смитюха, А. Ушакова, Т. Хабриева, Р. Халфиной, И. Шумела и др.

Как юридическая категория, конкретизация включена в предмет общей теории государства и права, в пределах которой на современном этапе развития юридической науки и исследуется ее научная сущность и значение.

В современной науке спорным видится мнение тех ученых, которые утверждают, что конкретизация является разной, т.е. в процессе конкретизации разъясняется

действующая норма с точки зрения ее содержания, детализации; ее содержание определяется лишь в пределах самой нормы, которая представляет понятие конкретизации права. Конкретизация норм права действительно есть разная, однако это не означает, что конкретизация может сводиться к уточнению (разъяснению) содержания нормы. В интересах определенности этой правовой категории следует проводить абсолютно четкую границу между уточнением (разъяснением) нормы и конкретизацией ее содержания (в рамках нормы). В отличие от разъяснения конкретизация нормы права обязательно связана с появлением нового правила, которое, хотя и произтекает из содержания общей нормы, все же имеет полностью самостоятельное значение. В связи с этим можно согласиться с мнением П. Ткачука о том, что конкретизация и официальное толкование конституции и законов Конституционного суда Украины имеет правотворческий характер [3, с. 23–38], а решения Конституционного суда Украины относительно официального толкования и конкретизации приравниваются к юридической силе самой Конституции [3, с. 31].

Этот вывод поддерживает и профессор М. Козюбра, отмечая, что без элементов правотворчества нельзя обойтись также в процессах конкретизации и официального толкования Конституции и законов Конституционным Судом. Ведь оно заключается именно в преодолеваемой неопределенности в понимании и применении тех или других положений Конституции и законов, в выяснении их объективного смысла и применении к отдельной жизненной ситуации, что не сводится к выявлению воли законодателя на момент принятия акта, т.е. исторического законодателя, а предусматривает выяснение воли самого акта в свете современной ситуации, что по существу невозможно без конкретизации конституционных или законодательных положений в процессе их толкования [4, с. 24–32].

В современной науке ряд ученых под процессом конкретизации понимают конкретизацию правовых актов, которые сформулированы в процессе правоисполнительной деятельности соответствующих органов, имеют подзаконный характер и содержат конкретизирующие правовые нормы относительно тех или других однородных фактических составляющих [5, с. 65–68].

Важным является анализ проблем конкретизации права в современной европейской науке. Генеральный Адвокат Европейского суда Справедливости Ф. Якобс, исходя из собственного опыта заявляет, что роль общих принципов права не может быть определена абстрактно, а лишь с помощью правоконкретизации с ссылкой на результаты, которые достигаются в конкретных делах: для того, чтобы получить практическое значение, изучение таких принципов должно быть осуществлено в контексте результатов [6, с. 377].

Поэтому, исследуя существующие современные научные взгляды на конкретизацию права, мы непременно замечаем неразрывность следующих доработок ученых прошедших времен и современности. Разные школы (свободного права, социологической юриспруденции, юридического прагматизма и реализма) поставили вопрос правоконкретизации на уровень проблематики правоправедения. К основным взглядам современного периода возможно отнести следующие:

- 1) конкретизация связывается с созданием нормы на основе нормы уже существующей (А.И. Овчинникова);
- 2) правоконкретизация является основой юридической практики в процессе правового регулирования (С.С. Алексеев);
- 3) конкретизация общих норм права является результатом деятельности правотворческих органов власти (П.М. Рабинович);
- 4) источник конкретизированной нормы права заключается в правоисполнительной конкретизации (С.С. Алексеев);

5) конкретизация рассматривается как процесс, который помогает четко определить случаи, к которым должен применяться закон (П.Е. Недбайло).

Заключение

Становление научно-правовых представлений о конкретизации в истории правовой мысли позволяет сделать следующие выводы:

1. Конкретизация как научное понятие прошла этапы от полного запрета к абсолютной свободе, безграничному сверхнормативному расширению и фактической подмене процедуры правосудия, от полного отрицания категории конкретизации в результате отождествления с толкованием к диалектическому пониманию конкретизации как категории, парной понятию законности.

2. Специфика исследований дореволюционного периода заключается в выделении конкретизации как отдельной категории права, выявлении специальных юридических требований к конкретизации как категории общей теории права; осуществление первых попыток исследования понятия конкретизации.

3. Исследования конкретизации правовой нормы в советское время носили описательный характер и не имели широкого признания и реализации на практике. Потенциал исследователей был направлен скорее на критику доктрины правоконкретизации, чем на раскрытие истинной правовой природы конкретизации и изучение ее как самостоятельной категории права.

4. Несмотря на многочисленные идеологические ограничения, в которых приходилось работать ученым-законодателям советского периода, некоторым ученым удалось выявить феномен конкретизации в советском праве, внести этот вопрос в повестку дня науки, обратить на него научное внимание.

5. Исследования конкретизации в советский период заключаются в развитии научных представлений относительно понятия конкретизации, проблем соотношения и взаимодействия конкретизации и толкования, отдельных аспектов конкретизации в правотворчестве и правореализации.

6. Современное понимание конкретизации права формировалось под влиянием правопонимания в разных исторических эпохах. На нее влияли и позитивистское, и естественное, и социологическое правопонимание, и другие течения онтологии права. Праоконкретизация как юридическое явление переживала те же вехи эволюции юридической мысли, что и правопонимание в целом.

7. Исследования конкретизации учеными на предшествующих этапах актуализировали проблему конкретизации в вопросах правоуправления. Невозможно не заметить, что фундаментальное правоуправление XX ст. существенно сместило акценты по вопросам онтологии права в сфере механизмов реализации правовых норм. И именно с помощью конкретизации как самостоятельной категории права мы можем определить пути устранения пробелов и коллизий в абстрактном правовом поле на разных этапах правового регулирования, рекомендовать пути повышения эффективности правоконкретизации в современной юридической практике. Доктрина правоконкретизации содержит в себе значительный эвристический потенциал для решения многих сложных вопросов фундаментальной теории права и сквозь призму феномена конкретизации более рельефно определяются наиболее острые проблемы практики правотворчества и правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Римское частное право : учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М. : Юриспруденция, 1999. – 544 с.

2. Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Борисов. – М. : Книжный мир, 2010. – 848 с.
3. Ткачук, П. Конституційний Суд України. Теоретико-правові питання діяльності / П. Ткачук // Вісник Конституційного Суду України. – 2006. – № 4. – С. 23–38.
4. Козюбра, М.І. Принцип верховенства права і конституційна юрисдикція / М.І. Козюбра // Вісник Конституційного Суду України. – 2000. – № 4. – С. 24–33.
5. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С.Н. Братусь. – М. : Юридическая литература, 1975. – 328 с.
6. Tridimas, T. The General Principles of EC Law / T. Tridimas. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 377 p.

Andrushchakevych I.V. Genesis of Ideas about the Concretizations of Legal Norms in History of Legal Idea

In this article the evolution of scientific research of institute of specification is analyzed as an important element of legal reality from the point of view of becoming views at the specification as on a scientific category. Existing in literature views at concretization in pre-revolution, soviet and modern literature are investigated. Approaches to the notion of legal concretization are generalized, and the features and limits of concretization of legal norms were determined. Legal nature of concretization of the norms of law is highlighted.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.10.2014

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аббасбейли М.А. – кандыдат юрыдычных навук, дактарант кафедры банкаўскай справы Азербайджанскага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта (г. Баку)

Андрушчакевіч Ю.У. – аспірантка Інстытута права НАН Украіны (г. Кіеў)

Ваўрэнюк І.І. – выкладчык кафедры гісторыі славянскіх народаў, суіскальнік кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Варажун А.С. – аспірант кафедры фінансаў і крэдыта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны

Васілевіч С.Г. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Грэбень Я.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта

Гурына В.В. – магістр юрыдычных навук, выкладчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, аспірант 2-га года навучання кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзмітрук А.П. – старшы выкладчык кафедры тэорыі дзяржавы і права Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Елізараў С.А. – доктар гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры паліталогіі і гісторыі Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П.В. Сухога

Захарчанка Л.А. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Крывуць В.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лосеў У.У. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мароз І.М. – магістрант кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мацюшкоў Л.П. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мядзведзева Г.Б. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Петруковіч Д.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Петрусевіч А.А. – кандыдат багаслоўя, клірык Свята-Пакроўскай царквы (с. Арэпічы Жабінкаўскага р-на Брэсцкай вобл.)

Піліповіч В.Ю. – выкладчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Рамановіч П.С. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Савіч А.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Раманюк А.В. – выкладчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Саліхаў Б.В. – доктар эканамічных навук, прафесар, дырэктар Цэнтра эканомікі адукацыі Інстытута эканамічнай бяспекі і стратэгічнага планавання Фінансавага ўніверсітэта

пры Урадзе Расійскай Федэрацыі, прафесар кафедры сусветнай эканомікі Маскоўскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Саліхава І.С. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага ўніверсітэта

Сцепаненка Д.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі Беларуска-Расійскага ўніверсітэта

Тараборын Р.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Уральскага інстытута Расійскай акадэміі народнай гаспадаркі і дзяржаўнай службы пры Прэзідэнце Расійскай Федэрацыі (г. Екацерынбург)

Тарановіч К.Ю. – аспірант 1-га года навучання кафедры славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі, метадыст аддзела тэорыі і метадыкі педагагічнай адукацыі Цэнтара развіцця педагагічнай адукацыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

Чарнавалаў А.В. – доктар эканамічных навук (Расійская Федэрацыя), загадчык кафедры лагістыкі ўніверсітэта Яна Каханоўскага ў Кельцах (Польшча), прафесар кафедры маркетынга і лагістыкі ўніверсітэта прыродазнаўчых і гуманітарных навук у Седльцах (Польшча)

Чарнавалава Ж.В. – выкладчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шупенька М.М. – аспірантка 3-га года навучання Навукова-даследчага эканамічнага інстытута Міністэрства эканомікі Рэспублікі Беларусь

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастанова Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 25.11.2014. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 20,69. Ул.-выд. арк. 17,35.

Тыраж 100 экз. Заказ № 380

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.